

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 2 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Калачев Б. Ф., Калинин П. А.,
Кацура А. В., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Мозговой С. А., Попков В. В.,
Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Ань Цинянь (*Китай*), Бондаренко Д. М. (*Россия*), Вебер А. Б. (*Россия*), Гэй У.
(*США*), Гусейнов А. А. (*Россия*), Данилов-Данильян В. И. (*Россия*), Дафферн Т.
(*Великобритания*), Добровольский Г. В. (*Россия*), Ецимович Т. (*Словения*),
Израэль Ю. А. (*Россия*), Иноземцев В. Л. (*Россия*), Капица С. П. (*Россия*),
Кисс В. С. А. (*Венгрия*), Колбаси Х. (*Иран*), Коротаяев А. В. (*Россия*), Кучуради И.
(*Турция*), Лисеев И. К. (*Россия*), Мазур И. И. (*Россия*), Назаретян А. П. (*Россия*),
Степин В. С. (*Россия*), Урсул А. Д. (*Россия*), Юдин Б. Г. (*Россия*).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.
Тел.: (495) 203-92-98. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400067, г. Волгоград, ул. Быстрова, 82–53.
Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56. E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.uchitel-izd.ru

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

ПРИВЕТСТВИЕ АКАДЕМИКА Ю. А. ИЗРАЭЛЯ

Представляя научной и широкой общественности новый теоретический журнал, прежде всего хочу отметить его главную особенность – он по природе своей междисциплинарный и уже этим выделяется из разряда периодических изданий. Основная тематика, чему будет посвящено его содержание, определена самим названием журнала. Глобализация и ее последствия для современного мира представляют сегодня особый интерес как для ученых, так и для широкой общественности. А это означает, что на страницах журнала развернутся дискуссии по поводу острейших проблем и конфликтов, присущих глобальному человечеству. В этой связи предстоит найти точки сближения и соприкосновения для плодотворного диалога и конструктивного сотрудничества ученых и специалистов разных направлений.

Уже содержание первого номера дает основание полагать, что перед нами серьезный научный журнал, нацеленный на глубокий анализ острейших проблем современности, журнал, устремленный в будущее, не избегающий новизны и самых жгучих тем наших дней.

В разных странах и разными людьми глобализация воспринимается далеко не однозначно. Она сопряжена с серьезными негативными последствиями и конфликтами, в которые вовлечено много людей, в особенности молодежь, чьи взгляды не устоялись, а характеры не окрепли. Перед современным человечеством стоит насущная задача – воспитывать у входящих в жизнь поколений толерантность, широкое мировоззрение. Хотелось бы надеяться, что журнал выполнит в том числе и свои просветительскую, воспитательную функции.

Российская экологическая академия (РЭА) – общественная организация, объединяющая более 800 наиболее авторитетных ученых и специалистов, работающих в различных областях экологии, будет оказывать научную и методическую поддержку новому журналу. Несомненно, что проводимые под эгидой РЭА фундаментальные исследования, разработка важнейших прикладных комплексных научных проблем в области экологии, а также результаты участия РЭА в осуществлении стратегии устойчивого экологически безопасного развития России и ее регионов – все это найдет достойное отражение на страницах журнала.

Не сомневаюсь, что у журнала будет большой круг авторов: ученые и политики, философы и писатели, теоретики и практики, представляющие различные мировоззренческие позиции, а также широкая читательская аудитория, выходящая далеко за рамки чистой науки.

Хотелось бы пожелать редколлегии и авторам журнала больших творческих успехов, а читателям – интересных публикаций.

*Президент Российской экологической академии,
Директор Института глобального климата и экологии
Росгидромета и РАН, академик РАН и РЭА Ю. А. Израэль*

ПРИВЕТСТВИЕ АКАДЕМИКА В. С. СТЕПИНА

Появление нового теоретического журнала, в котором будут обсуждаться острейшие проблемы современного мира, несомненно, следует приветствовать, так как это, по существу, первое периодическое издание подобного рода.

Глобализация является одной из тем, которая на протяжении последних лет привлекает пристальное внимание различных слоев населения. Она порождает острые дискуссии, а между ее сторонниками и противниками периодически разгораются нешуточные страсти, подогреваемые шумными акциями протеста со стороны антиглобалистов.

И все потому, что в центре внимания оказываются нерешенные, жизненно важные проблемы современного мира, затрагивающие интересы абсолютного большинства людей планеты.

Нынешние «властители дум» по большей части озабочены частными вопросами и деталями мировой жизни, которым придается неправомерно большое, нередко глобальное значение. Однако, затрагивая подобные темы, необходимо определиться по отношению к главным вопросам бытия современного человечества.

Сценариев грозящих катаклизмов не так уж мало, иные из них имеют даже научное обоснование. Глобальная ядерная катастрофа несколько отодвинулась, зато вполне возможный экологический коллапс пока не ослабил своей актуальности. Постепенно растет угроза «разрушения и саморазрушения человека» (культурного, психологического, генетического). Так или иначе, но к своим глобальным масштабам и контурам мировая цивилизация подходит в состоянии достаточно серьезного кризиса.

Парадокс, однако, состоит в том, что нынешние глобальные процессы во многом остаются «вещью в себе». Не так уж много мы о них знаем, а то, что знаем, как правило, быстро устаревает, изменяется. В этом плане многое зависит от становления нового междисциплинарного синтетического направления, которое называют глобалистикой. Литературы о процессах глобализации много, а периодических изданий, посвященных этой теме, практически нет.

Вот почему выход в свет журнала «Век глобализации» является делом актуальным и своевременным.

Надо надеяться, что многие из обсуждаемых в глобалистике вопросов найдут свое освещение на страницах нового журнала, которому хочется пожелать больших успехов, ярких авторов, а также пристрастных и внимательных читателей.

*Президент Российского философского общества,
академик РАН В. С. Степин*

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Журнал «Век глобализации», первый номер которого вы держите в руках, назван так не случайно. Каждое столетие получает в истории собственное имя, иногда даже и не одно. Какое название закрепится, в конечном счете, за XXI в., покажет будущее. Но нам, современникам его начала, представляется, что именно процессы глобализации и ее всевозможные последствия станут центральными в текущем столетии.

На протяжении вот уже почти сорока лет к этой тематике глобальных проблем человечества и процессов глобализации приковано внимание ученых и политиков, представителей деловых кругов и общественных организаций, средств массовой информации и широкой общественности. В то же время среди множества периодических изданий в России пока нет специализированного журнала в уже сформировавшейся области научных исследований – глобалистике, который бы на междисциплинарной основе ставил вопросы и предлагал решения актуальных проблем современного мира: от экологии, ресурсов и демографии до правовых и геополитических аспектов международных отношений. Появление нового научного журнала следует рассматривать как ответ на эту давно назревшую потребность в основательном теоретическом обсуждении и научно-популярном освещении глобальных проблем.

Важно также отметить, что на фоне усиливающейся глобализации все заметнее просматривается тенденция к системному исследованию сложных комплексных проблем. Однако по-прежнему ощущается нехватка тех междисциплинарных площадок, на которых могли бы встречаться ученые и мыслители разных профессий и областей знания, где могли бы рождаться продуктивные междисциплинарные идеи и теории. В известной степени это также повлияло на замысел создания нового журнала.

Современный мир становится теснее и сложнее, скорости выше, а вместе с этим возрастает и ответственность ученых, которые призваны понять основные векторы развития, вовремя увидеть реальные (а не мнимые) опасности и подсказать эффективные, хорошо продуманные решения. Важно также среди множества проблем вычлнить главные, неотложные, те, которые вызывают наибольшее беспокойство. Поэтому становится все более очевидным, что необходимое реальное, а не только декларативное, объединение усилий научных работников – специалистов в различных областях научного знания – с представителями финансовых и политических кругов, а также с различными общественными и религиозными движениями. Все, кто понимает ответственность науки, институтов власти а в конечном счете и каждого человека за настоящее и будущее жизни на Земле, приходят к выводу, что для преодоления глобальных угроз такое объединение – главная задача нашего времени. Реальное положение дел в социоприродной системе планеты достаточно серьезно. Все это нужно обсуждать основательно, профессионально, открыто, не поддаваясь обаянию мифов или необоснованным страхам, которых в данной области уже немало. Необходимо аргументированно объяснять, что многие проблемы могли бы быть решены уже сегодня с использованием достижений

науки при условии согласованных действий международного сообщества. Всему этому, мы надеемся, будет способствовать наш журнал.

Наше сознание не успевает за переменами. И сегодня многие задаются вопросами: что является собой «глобализация» и как она связана с глобальными проблемами современности? Когда и почему она началась? Куда и в каких формах будет развиваться? Глобализация – это хорошо или плохо? Такие и подобные им вопросы будут всесторонне обсуждаться на страницах нашего издания, а ведущими темами публикаций станут:

- теория глобализации и глобалистика в целом;
- экономические, политические, социальные, экологические, научно-технические, культурные, религиозные, этические и другие аспекты глобализации;
- глобальные проблемы современности;
- анализ российских реалий в контексте процессов и проблем глобализации;
- глобалистика: актуальные вопросы философии и теории истории;
- проблема человека в свете проблем глобализации;
- футурологические аспекты глобалистики и т. п.

Мы будем давать место для высказывания различных точек зрения и подходов к осмыслению указанных проблем, поощряя творческие дискуссии и настрой на конструктивные предложения. Не останутся без внимания также общественные движения и международные организации, научные форумы и исследовательские проекты по соответствующей тематике.

Несомненно, что решению поставленных задач будет способствовать и то, что журнал выходит при содействии Российской экологической академии (РЭА) и Российского философского общества (РФО). В этом мы видим залог того, что он станет центром притяжения творческих сил, местом, где российские и зарубежные ученые и специалисты, профессионально работающие в различных направлениях глобалистики, смогут анализировать актуальные проблемы глобализации и ее последствий, предлагать теоретические и практические решения, а также апробировать и обсуждать новые идеи, выступать с рецензиями, экспертными оценками и т. п.

В своей деятельности Редколлегия и Международный Редакционный совет журнала, куда вошли известные ученые, будут опираться на уже имеющиеся наработки и достижения в области глобальных исследований. В частности, к сотрудничеству в журнале планируется широко привлекать членов большого международного коллектива – авторов Энциклопедии¹ и энциклопедического словаря «Глобалистика»², которые получили высокую оценку и признание в современном мире. Мы полагаем, что все это будет способствовать не только плодотворному развитию нового научного направления, но и лучшему пониманию возможностей и интересов России в решении глобальных проблем современности, росту ее научного авторитета на международной арене.

Мы также надеемся, что новый журнал станет заметным явлением в современной российской и международной научной жизни и прочно займет свое достойное место в ряду серьезных теоретических журналов.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

¹ Развернутую информацию и итоги обсуждения данного издания см. в разделе «Рецензии, аннотации, рефераты».

² См.: Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «ЭЛИМА», ИД «Питер», 2006. – 1160 с. Авторами этого издания являются 647 известных ученых, философов, политиков, общественных деятелей из 58 стран мира.

ТЕОРИЯ

О ПРЕДМЕТЕ И ГРАНИЦАХ ГЛОБАЛИСТИКИ

А. Н. Чумаков

В системе современной науки глобалистика занимает особое положение. Она не похожа ни на одну из конкретных дисциплин, так как является интегративным знанием о социоприродных процессах и проблемах, границы которых заданы масштабом планеты. В отличие от отдельных наук, занимающихся тем или иным фрагментом, аспектом реальности, глобалистика нацелена на решение комплексных, жизненно важных для всего человечества задач, справиться с которыми можно только на пути междисциплинарного взаимодействия.

Зарождение и формирование глобалистики как междисциплинарной сферы научного знания относится к последней четверти XX столетия. Ее появление было обусловлено процессом интеграции различных наук в решении сложных комплексных проблем планетарного масштаба. При этом сам термин «глобалистика», хотя и употреблялся уже в 1970-е гг., широкого распространения тогда еще не получил. Серьезно о его содержании заговорили только с конца 1990-х гг., когда основное внимание ученых переключилось с глобальных проблем на осмысление феномена глобализации. К этому времени был накоплен значительный теоретический и фактический материал в области планетарных процессов и явлений, а термины «глобалистика», «глобализация», «глобальный мир», «антиглобализм», «глобальные проблемы» и т. п. стали расхожими, получив широкое распространение не только в научной литературе, средствах массовой информации, политическом лексиконе, но и в быденном языке. Так сложились необходимые условия для формирования нового научного направления, которое и сегодня еще не всеми воспринимается однозначно.

Проблема в том, что основной смысл указанных понятий на уровне общих представлений, казалось бы, не вызывает особых затруднений, однако в научной среде содержание их остается предметом серьезных дискуссий и нуждается в уточнении, так как разные ученые нередко вкладывают в них различный смысл. Так, например, одни считают *глобалистику* научной дисциплиной¹, другие – сферой общественной практики², третьи – наддисциплинарной областью научного знания³, а кто-то и вовсе отказывает ей в праве на существование. Не меньше раз-

¹ См.: Чешков, М. А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. – М., 2005; Барлыбаев, Х. А. Общая теория глобализации и устойчивого развития. – М., 2003.

² См.: Василенко, И. А. Политическая глобалистика: учебное пособие для вузов. – М.: Логос, 2000; Парнин, А. С. Искушение глобализмом. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

³ См.: Глобалистика как отрасль научного знания: материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – Вып. 3. – М., 2001; Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – М.: ТК Велби, Проспект, 2005.

ногласий и по поводу *глобализации*, которую истолковывают то как причину глобальных проблем, то, напротив, как их прямое следствие. При этом одни полагают, что глобализация – объективный процесс, а глобалистика призвана исследовать этот процесс и его последствия; другие рассматривают глобализацию как результат действия определенных социально-экономических структур или политических сил на международной арене, что задает и принципиально иную перспективу в понимании глобалистики.

Отмечая столь широкий разброс мнений в истолковании как самой глобалистики, так и основных ее понятий, важно подчеркнуть, что это вполне закономерное явление, ибо дело касается новой, активно формирующейся области научного знания. Следовательно, в данном случае имеет место не схоластическая игра в понятия, а процесс становления единого и вполне определенного языка междисциплинарного общения. В этой связи необходимо иметь в виду, что термин «глобалистика» впервые появился на волне активных разговоров и многочисленных публикаций по поводу опасностей со стороны глобальных проблем, на которые обратили серьезное внимание лишь после опубликования первых докладов Римского клуба. Первоначально этот термин означал сферу научного знания, связанную только с исследованиями в области глобальных проблем. Заметим, что произошло это на пару десятилетий раньше, чем заговорили о «глобализации». А, например, слово «антиглобализм» и вовсе вошло в обиход всего лишь несколько лет тому назад, когда в различных странах международное движение так называемых антиглобалистов заявило о себе экстравагантными акциями протеста.

Приведение всего этого терминологического ряда в определенную систему становится теперь актуальной задачей, так как вопрос о статусе глобалистики, ее категориях, принципах, подходах является принципиальным. Без этого трудно рассчитывать на успех в деле правильного понимания современных мировых тенденций и противостояния глобальным угрозам.

Не имея возможности вдаваться в детали, отметим, что *глобализация* – это многовековой естественноисторический процесс; *глобальные проблемы* – закономерный результат этого процесса; а *глобалистика* – сфера теории и практики, в центре внимания которой находятся глобализация и глобальные проблемы.

То, что глобалистика первоначально зарождалась на исследовании глобальных проблем, то есть на анализе следствий, когда термина «глобализация» еще попросту не существовало, вводит некоторых современных исследователей в заблуждение относительно того, что чему предшествовало и что из чего вытекает.

В этой связи обратимся к термину «глобализация». Он употребляется, как правило, для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества. При этом можно отметить две крайности в истолковании как самого феномена глобализации, так и истории его появления. Одна из них состоит в том, что планетарный характер социальных связей и отношений трактуют неправомочно расширительно, пытаясь усмотреть их уже в первобытном обществе. С этой точки зрения даже ранние этапы развития человечества характеризуют как глобальные.

Другая крайность заключается в том, что глобализацию трактуют слишком узко, когда современные процессы общественного развития рассматриваются в отрыве от их фундаментальных причин и генезиса, то есть не учитывается история и динамика становления международных структур и транснациональных связей.

При таком подходе глобализацию нередко связывают лишь с событиями XX столетия, а то и вовсе с последними десятилетиями. К тому же, в ней зачастую видят якобы сознательно заданный и управляемый процесс, целенаправленно осуществляемую кем-то политику, и даже говорят о глобализации как о субъективной реальности, чьим-то коварным замыслом, реализуемом в интересах определенного круга лиц, транснациональных корпораций или отдельных государств.

Отмеченные крайности во взглядах на глобализацию не охватывают всего спектра существующих точек зрения по этому вопросу, а их многообразие объясняется не только сложностью проблемы, но и недостаточной разработанностью данной темы. Отсюда проистекают определенные негативные последствия. В частности, затрудняется взаимопонимание между людьми, тормозится междисциплинарное взаимодействие, создаются серьезные препятствия на пути осмысления истинных причин глобализации и порождаемых ею глобальных противоречий. Здесь же кроются причины недопонимания и многих конфликтов, обусловленных тем, что мир в своих отдельных частях и отношениях все больше становится единым, целостным, взаимозависимым, в то время как достаточно эффективные механизмы, призванные регулировать общественные отношения на глобальном уровне в современных условиях, отсутствуют. Вполне очевидно, что без глубокого анализа и достаточно ясного понимания сути процессов глобализации трудно рассчитывать на успешное преодоление указанных выше проблем.

Итак, сегодня назрела необходимость определиться со статусом глобалистики, которая уже накопила богатый материал, получила достаточное развитие и представлена многообразием школ, направлений, различных объединений, творческих коллективов, групп ученых и т. п. Сложный характер объекта исследования и неизбежная в этом случае междисциплинарность значительно затрудняют установление четких границ интересующего нас предмета, ибо они нередко сливаются с другими областями познания: футурологией, культурологией, философией. К тому же, теоретические знания, получаемые в глобалистике, зачастую оказываются связанными с необходимостью принятия конкретных решений, что ведет к расширению границ обсуждаемого предмета. В целях лучшего понимания поставленной проблемы сделаем краткий экскурс в историю становления глобального мира и процесса его осмысления.

Зарождение глобалистики, как уже отмечалось, приходится на то время, когда в советской и зарубежной литературе впервые заговорили о возникших угрозах всему человечеству и стали активно обсуждать новые проблемы, которые получили название «глобальные». Это было время конца 1960-х – начала 1970-х гг. В контексте нашего разговора данное обстоятельство имеет принципиальное значение, так как сегодня рассуждения о глобализации слабо коррелируются, а то и вовсе не увязываются с глобальными проблемами и началом их систематического изучения около сорока лет тому назад. В итоге глобалистику нередко соотносят только или преимущественно с исследованием процессов глобализации, объявляя ее в лучшем случае зарождающейся наукой, насчитывающей не более полутора десятка лет, то есть ограничивают историю ее существования временем, в течение которого глобализация находится в центре внимания исследователей.

Однако следует подчеркнуть, что хотя с конца 1960-х гг. внимание ученых было приковано не к процессам глобализации, а к их следствиям (глобальным проблемам), в науке уже тогда все более четко вырисовывалась интегративная область междисциплинарных исследований, направленных на теоретическое исследование и практическое преодоление принципиально новых опасностей, актуаль-

ных для всего человечества. Тогда же стало очевидным, что наряду с *дифференциацией* научного знания, веками сопровождавшей науку, возникла настоящая необходимость в *интеграции* теоретических и практических знаний, направленных на изучение новых явлений, которые отличались масштабностью, целостностью и сложной системой взаимоотношений как внутри самих глобальных проблем, так и в их связи с экономической, социальной, политической сферами.

Таким образом, глобалистика изначально стала складываться и как принципиально новое научное направление, где на первый план выступили интеграционные процессы, и как сфера общественной практики, охватывающая международную политику, экономику и даже идеологию. Ее появление было своеобразным ответом на вызов времени. Именно тогда сначала в промышленно развитых, а затем и в других странах резко ухудшилась экологическая обстановка, ставшая следствием усилившегося дисбаланса в отношениях человека с окружающей средой. Вскоре выяснилось, что экологические проблемы тесно связаны с другими противоречиями планетарного масштаба. За открывшимся беспрецедентным загрязнением окружающей среды наиболее зримо обнаружилось и угрожающие тенденции неконтролируемого роста численности населения Земли, и пределы исчерпаемости природных ресурсов, и смертельная опасность безудержной гонки вооружений, что означало серьезную опасность для поступательного общественного развития и даже существования жизни на планете.

Количественные и качественные изменения в различных сферах общественной жизни и во взаимодействии общества с природой, исподволь накапливавшиеся в течение долгого времени, отразили не только сложность, многообразие и динамичность современной эпохи, ее сугубо технократический, сциентистский характер, но и экспансионистские настроения, направленные на безусловное покорение природы. После того, как, оправившись от ужасов Второй мировой войны, человечество практически сразу же втянулось в новое противостояние, породившее беспрецедентную гонку вооружений, экологическое равновесие на планете оказалось окончательно подорванным. При этом очень скоро стала очевидной антигуманная сущность безудержного роста неэкологичного промышленного производства и ничем не сдерживаемого технического прогресса. Дисбаланс в отношениях общества и природы, достигший к тому времени предельно допустимых значений, а также фрагментарность и раздробленность человечества перед лицом глобальных проблем стали очевидны уже не только для специалистов, но и на уровне массового сознания.

Здесь, однако, следует отметить, что некоторые тенденции становления целостного мира и происходящих в нем перемен оказались в центре внимания ученых и философов несколько раньше, чем эти изменения стали очевидными для всех. Так, к первым попыткам осмыслить нарождающиеся мировые тенденции и вызванные ими принципиально новые, общечеловеческие проблемы, можно отнести идеи Т. Мальтуса о естественном регулировании численности населения, рассуждения И. Канта о вечном мире или, например, размышления Ж. Ламарка о роли человека. Несомненно, что и универалистские взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса, изложенные ими в «Манифесте коммунистической партии» и ряде других работ, также должны быть поставлены в этот ряд. Созданный по их инициативе в 1864 г. «Первый Интернационал» отразил назревшую потребность в консолидации на глобальном уровне различных политических и профессиональных сил и стал, по сути, одним из первых провозвестников множества международных организаций, которые с тех пор во все большем количестве стали возникать во всем мире. Те-

перь же такие организации являются неотъемлемой частью современной жизни мирового сообщества, а число их многократно приумножилось.

Применительно к теме нашего разговора важно подчеркнуть, что появление международных организаций во второй половине XIX в. стало ответом на развившиеся экономические и социально-политические отношения, которые вышли за рамки национальных государств и породили объективную потребность в кооперации и координации межгосударственных усилий в решении принципиально новых, транснациональных задач. Мощным импульсом к созданию международных организаций стали Первая и, в особенности, Вторая мировые войны. Их окончание сопровождалось стремлением не допустить повторения пережитых ужасов и желанием выстроить эффективную систему международной безопасности. Так, в 1919 г. была учреждена *Лига наций* – международная организация, основной целью которой провозглашалось развитие сотрудничества между народами и обеспечение гарантий мира и безопасности. А в 1945 г. был принят устав *Организации Объединенных Наций*, созданной с целью поддержания и укрепления мира, безопасности и развития сотрудничества между государствами в послевоенный период. Суть новой ситуации состояла в том, что мир, окончательно разделившийся на два идеологически противоположных лагеря, все больше втягивался в гонку вооружений, порожденную «холодной войной», и нараставшие тенденции глобализации оказались на десятилетия вне поля зрения.

Вместе с тем в теоретическом плане важную роль в осознании глобальных тенденций, когда они еще не были столь очевидными, сыграли работы В. Соловьева, Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, К. Э. Циолковского, А. Тойнби, К. Ясперса, Б. Рассела, Дж. Соммервилла и др. В первую очередь, эти мыслители были озабочены принципиально новыми тенденциями, нарушившими естественное равновесие природных и общественных систем, и пытались дать им объяснение, опираясь на доступные для того времени знания. Своими работами и рассуждениями о «численности населения Земли», «вечном мире», «мировом объединении пролетариата», «едином богочеловечестве», «ноосфере», «мировом правительстве», «космополитизме», «ядерном омнициде» и т. п. они подготовили философское, научное и широкое общественное сознание к пониманию того, что человечеству как единому целому, неразрывно связанному с естественными условиями его существования – биосферой, географической средой, космосом, – уготована общая судьба и общая ответственность за будущее планеты.

Так, В. И. Вернадский, развивавший концепцию *ноосферы*, уже в 1930-е гг. сделал вывод о кардинальном изменении облика Земли вследствие беспрецедентных масштабов преобразовательной деятельности человека и предупредил, что если общество не будет развиваться на разумных началах, согласуясь с естественными законами природы, то гибель всего живого на Земле неизбежна. В его работе «Научная мысль как планетарное явление» отмечается: «Человек впервые реально понял, что он житель *планеты* и может – должен – мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в *планетарном аспекте*»⁴. Сходных взглядов придерживался и К. Ясперс, который еще в 1948 г. впервые употребил термин «*глобальный*» в том значении, как он понимается теперь, и высказал серьезное беспокойство по поводу того, что когда-нибудь человеку земной шар станет тесным и ему не

⁴ Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. – С. 35.

хватит имеющихся на планете ресурсов. Отчетливо понимая такую перспективу для человечества, он, в частности, писал: «Наша исторически новая ситуация, впервые имеющая решающее значение, являет собой *реальное единство людей на Земле*. Благодаря техническим возможностям современных средств сообщения наша планета стала единой целостностью, полностью доступной человеку, стала “меньше”, чем была некогда Римская империя»⁵. И далее, отмечая поистине глобальный характер Второй мировой войны, после которой и были написаны эти строки, он сделал принципиальной важности вывод: «С этого момента начинается *мировая история как единая история единого целого*. С такой точки зрения вся предыдущая история представляется рядом разбросанных, независимых друг от друга попыток, множеством различных истоков человеческих возможностей. Теперь проблемой и задачей стал *мир в целом*. Тем самым происходит полное преобразование истории. Решающим является теперь следующее: нет ничего, что находилось бы вне сферы происходящих событий. *Мир замкнулся. Земной шар стал единым*. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существенные проблемы стали *мировыми проблемами*, ситуация – ситуацией всего человечества»⁶ (выделено мной. – А. Ч.). Читая эти строки, трудно не согласиться с тем, что хотя глобалистика и сформировалась относительно недавно, фундамент ее закладывался трудами отдельных ученых намного раньше.

Выступившие на первый план и резко усилившиеся во второй половине XX в. процессы глобализации, а также возросшая в этой связи взаимозависимость различных стран и народов обусловили и новый уровень осмысления данной темы. Еще больше стало новых международных структур и организаций, среди которых оказалось немало и таких, деятельность которых была направлена на осмысление глобальных проблем и порождающих их причин. В качестве примера можно назвать Институт проблем будущего, созданный в Вене в 1965 г., Международный фонд «Человечество в 2000 году», основанный тогда же в Нидерландах, «Общество по изучению будущего мира», организованное в 1966 г. в Вашингтоне и др. Подобных организаций со временем становилось все больше. Однако подлинный интерес к глобальной проблематике проявился после первых докладов Римского клуба, созданного в 1968 году⁷. Его исследовательские проекты: «*Пределы роста*» (1972 г.), «*Человечество на перепутье*» (1974 г.), «*Пересмотр международного порядка*» (1974 г.), «*За пределами века расточительства*» (1976 г.) и др. очень быстро получили мировую известность и стали теоретической базой современной глобалистики. Они не только выполнили необходимую эвристическую и методологическую функцию в формировании принципиально новой области междисциплинарного знания, но и сыграли важную просветительскую роль.

Таким образом, можно сказать, что глобалистика как особая сфера научных исследований и целостное миропредставление в основном сложилась к концу 1980-х гг. и в последующем получила развитие за счет осмысления процессов глобализации, которые в то время еще оставались вне поля зрения ученых и специалистов, работавших в данной области. Основным импульсом, повернувшим научную и общественную мысль от изучения следствий к анализу их подлинных причин, стали события, вызванные распадом социалистической системы и обусловившие новую расстановку сил на международной арене. И произошло это лишь во второй половине 1990-х гг., когда мир в основном оправился от кардинальных

⁵ Ясперс, К. Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 141.

⁶ Там же.

⁷ См.: Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 893–896.

перемен и занялся осмыслением новой ситуации. Именно тогда и пришла «вторая волна» интереса к глобалистике, которая обрела как бы «второе дыхание» за счет активного осмысления процессов глобализации.

При этом следует подчеркнуть, что для многих современных исследователей, пришедших в глобалистику на этой (второй) волне интереса к ней, наработанное раньше в значительной степени оказалось вне поля зрения прежде всего потому, что почти десятилетний разрыв между двумя «волнами» сопровождался ломкой прежних устоев и представлений, которые теперь нередко воспринимаются как рудименты прошлого, не достойные серьезного внимания. В итоге появилось множество работ, авторы которых выстраивают свои идеи так, будто глобалистика только начинает свою историю и не имеет никаких заслуживающих серьезного внимания наработок. Между тем в этой области, еще до появления термина «глобализация», сложились достаточно четкие представления о тенденциях становления мирохозяйственных связей как единой системы и порождаемых ею глобальных проблемах. Были также выявлены природа и генезис глобальных проблем, определены критерии их выделения и подходы к их систематизации, раскрыта глубокая взаимосвязь не только природных и общественных процессов, но и вытекающих отсюда противоречий, их обусловленность социальными, экономическими, политическими, идеологическими и научно-техническими обстоятельствами.

Важнейшим достижением глобалистики в первые два десятилетия ее развития стали: выработка и формирование приемлемого для различных наук языка междисциплинарного общения, разработка и уточнение с этой точки зрения ключевых понятий и категорий, таких, например, как «глобальная проблема», «экологический кризис», «экологизация производства», «демографический взрыв», «ядерная зима», «глобальная зависимость», «мировое сообщество», «новое мышление», «новый гуманизм» и т. п. В итоге значительные изменения претерпело и мировоззрение людей, понимание ими того, что человек в гораздо большей степени, чем то осознавалось раньше, зависит от природы, от окружающей его земной и космической среды, а также от складывающихся отношений и расклада сил на мировой арене. Тогда же стало очевидным, что взаимозависимость всех сфер общественной жизни в мире неуклонно возрастает, в частности, увеличивается воздействие друг на друга различных государств, которые, отстаивая свои сугубо национальные интересы и суверенитет, в условиях глобализации порождают принципиально новые противоречия в международных отношениях. Также было установлено, что появление и резкое обострение во второй половине XX в. глобальных проблем – это не результат какого-то просчета, чьей-то роковой ошибки или преднамеренно выбранной стратегии социально-экономического развития. Это и не причуды истории или последствие природных аномалий. Глобальные изменения и вызванные ими общечеловеческие проблемы явились результатом многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе «общество – природа». Причины их появления своими корнями уходят в историю становления современной цивилизации, породившей обширный кризис индустриального общества, технократически ориентированной культуры в целом. В послевоенный период этот кризис охватил весь комплекс взаимодействия людей друг с другом, принципиально изменил отношения человека и общества, общества и природы и непосредственно затронул жизненные интересы всего мирового сообщества.

Итогом такого развития стали не только «демографический взрыв» и глобализация экономики, но и деградация окружающей среды, наметившая тенденцию к деградации самого человека. Его поведение, представления и образ

мышления оказались не в состоянии своевременно меняться адекватно тем переменам, которые с нарастающей быстротой стали происходить вокруг него. Причиной же ускоренного развития социально-экономических процессов, как показали уже первые исследования в области глобалистики, явился сам человек и его целенаправленная преобразующая деятельность, многократно усиливаемая все новыми и новыми достижениями в области науки и техники. Тогда же было установлено, что только за несколько десятилетий в результате стремительного роста научно-технических достижений в развитии производительных сил общества произошло больше изменений, чем на протяжении многих предшествующих столетий. При этом процесс изменений происходил с нарастающей быстротой и неизменно сопровождался все более глубокими и основательными преобразованиями в различных сферах общественной жизни. К концу XX в. с появлением Интернета, электронной почты, радиотелефона они и вовсе стали беспрецедентными, а уникальная техника и современный транспорт колоссально увеличили мобильность и преобразующие возможности людей, численность которых все еще продолжает увеличиваться угрожающими темпами. В результате на Земле не осталось не только неизведанных мест, но практически нет уже и чистых территорий, водного и воздушного пространства, естественное состояние которых не было бы прямо или косвенно подвержено влиянию человеческой деятельности. Все это дает основание называть теперь нашу планету «общим домом», «мировой деревней», процессы и проблемы, которые оказались общими для всех людей, – глобальными, а область научного знания обо всем этом – *глобалистикой*.

Касаясь различных сфер общественной жизни и непосредственно затрагивая интересы людей, глобалистика с необходимостью оказывается тесно связанной с политикой и идеологией. В этом аспекте правомерно говорить о различных направлениях и течениях глобалистики, которые достаточно ярко проявились уже на первых этапах ее становления, когда противостояние двух идеологически враждебных общественно-экономических систем предопределило ее развитие в двух направлениях, одно из которых получило название «западная», другое – «советская глобалистика». В последнее десятилетие идеологическое противостояние уступило место разногласиям экономическим, культурным, религиозным, национальным, что легло в основу разделения мира на ряд крупных регионов – своеобразных субъектов международных отношений. При этом на первый план выдвинулись культурно-цивилизационные различия стран и народов, которые предопределили несколько иные подходы к пониманию современных мировых процессов, в частности, *западный, евразийский, восточный, исламский* и т. п. Принимая во внимание определенную условность любой классификации, отметим только некоторые подходы и направления, характерные для современной глобалистики, где для большей наглядности будем выделять зарубежную и российскую составляющие.

Так, в зарубежной глобалистике изначально сложилось два направления: «технократическое», где позитивное влияние науки и техники на жизнь общества явно преувеличивалось, и «технопессимистское», возлагавшее ответственность за негативные последствия глобализации на научно-технический прогресс, международный капитал и транснациональные корпорации⁸. В последующем их позиции сблизались и в то же время по-разному скорректировались под влиянием различных оценок перспектив развития мирового рынка, а потому указанного деления

⁸ См.: Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «Элима», ИД «Питер», 2006. – С. 875–878.

теперь можно придерживаться весьма условно. Что касается российской глобалистики, то в советский период, когда она находилась под сильным идеологическим влиянием, для нее были характерны умеренно-оптимистические настроения. Вместе с тем в ней с самого начала проявилось несколько направлений, среди которых (с определенной долей условности) можно выделить следующие⁹:

– *философско-методологическое*, в рамках которого исследуются философские основания, сущность, генезис глобальных процессов, анализируются наиболее важные социально-политические и экономические преобразования, необходимые для успешного решения глобальных проблем и лежащих в их основе процессов;

– *социоприродное*, охватывающее широкий круг проблем, из которых наибольшую озабоченность и беспокойство вызывают экология, обеспеченность сырьевыми, энергетическими, водными, земельными и другими ресурсами. В этой области исследований в тесном контакте работают представители естественных, технических, общественных наук, политики, производственники, общественные деятели. Их усилия направлены на выработку принципов и методов оптимизации взаимодействия общества и природы, экологизацию производства и рациональное природопользование;

– *культурологическое*, где в центре внимания находятся проблемы глобализации, возникающие в сфере научно-технического прогресса, народонаселения, здравоохранения, культуры, права, образования и в других областях общественной жизни.

В последнее время как в России, так и за рубежом значительно возросло внимание к политическим, социальным, идеологическим, культурным и цивилизационным аспектам глобализации, что существенно расширило границы глобалистики и заметно повлияло на характер решаемых ею проблем. Сфера материального производства и духовная деятельность, экология и образ жизни, культура и политика – все это находится теперь в орбите *глобалистики*, которую, с учетом сказанного, следует определять как *междисциплинарную область научных исследований, направленных на выявление сущности процессов глобализации, причин их появления и тенденций развития, а также на анализ порождаемых ею глобальных проблем и поиск путей утверждения позитивных и преодоления негативных для человека и биосферы последствий этих процессов*.

В более широком смысле термин «глобалистика» обозначает всю совокупность научных, философских, культурологических и прикладных исследований различных аспектов глобализации и глобальных проблем, включая полученные результаты таких исследований, а также практическую деятельность по их реализации в экономической, социальной и политической сферах, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе.

Во избежание неправомερных аналогий и методологической путаницы важно подчеркнуть, что глобалистику не следует понимать как какую-то отдельную или специальную научную дисциплину, которые во множестве возникают, как правило, в результате дифференциации научного знания или на стыке смежных дисциплин. Она рождена противоположными – интеграционными – процессами, характерными для современной науки, и представляет собой сферу исследований и познания, где различные научные дисциплины и философия, по большей части в тесном взаимодействии друг с другом, каждая с позиции своего предмета и метода, анализируют всевозможные аспекты глобализации, предлагают те или иные решения глобальных проблем, рассматри-

⁹ См.: Глобалистика. Энциклопедия.

вая их как в обособлении друг от друга, так и в качестве целостной системы. Отсюда проистекает важное следствие. Можно ставить вопрос о *предмете, объекте, методе, цели, понятийном аппарате* и т. п. глобалистики, как то предлагают некоторые исследователи. Однако нужно иметь в виду, что ответы на эти вопросы применительно к глобалистике лежат в иной плоскости, нежели относительно той или иной конкретной науки. В частности, предмет ее не может быть определен однозначно, хотя упрощенно и можно сказать, что ее предметом является целостность мира, человечество в целом или вся биосфера с основным ее элементом – человеком. Также и понятийный аппарат глобалистики только в определенной мере (на философско-методологическом уровне) будет единым, в остальном же он оказывается «размытым» по отдельным наукам, причастным к соответствующим исследованиям. А если говорить о методах или целях глобалистики, то, помимо определения каких-то базовых подходов, придется заняться перечислением не только отдельных наук и их вклада в исследование соответствующих проблем, но и выявлением того, каким образом в глобалистике задействованы философия, культурология, политика, идеология, что делает решение такой задачи заведомо практически невыполнимым.

Еще одно важное отличие глобалистики от конкретных научных дисциплин состоит в том, что осмысление глобальных тенденций и принципиальное преодоление порождаемых ими проблем требует не только теоретических исследований, но и соответствующих им результативных практических действий. Глобалистика тем самым объективно выполняет интегративную роль в сфере науки и практики, заставляя многих ученых, политиков и общественных деятелей по-новому посмотреть на современный мир и осознать свою сопричастность единой судьбе человечества. Она заставляет задуматься над тем, что глобализация и порождаемые ею проблемы не оставляют человечеству иного выбора, как, преодолевая раздробленность и разногласия, идти к своему единству, по возможности сохраняя самобытность культур, вековых традиций и основополагающих ценностей отдельных наций и народов. Но такое единение и согласованность действий может обеспечить лишь адекватное понимание происходящих в современном мире процессов и событий, знания о которых вырабатываются и формулируются в глобалистике, где ближайшие цели и отдаленная перспектива рассматриваются в тесной взаимосвязи.

В заключение необходимо отметить, что ряд выводов, основанных на анализе объективных тенденций общественного развития, могут встретить обоснованные возражения со стороны тех, кто видит в глобализации прежде всего борьбу интересов и целенаправленную деятельность отдельных кланов или государств, в том числе и ценой игнорирования интересов, а то и попрания законных прав других. Замечания такого рода будут справедливы, и их следует учитывать как в теоретических исследованиях, так и в практической деятельности, когда дело касается глобализации и ее последствий. Однако в вопросе о статусе глобалистики, равно как и в определении ее предмета и границ, мы имеем дело с решением другой задачи и сталкиваемся не с субъективным фактором, а, как правило, с субъективизмом и пристрастием отдельных исследователей, мнения которых не должны подменять анализ объективных тенденций мировых процессов.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ, БЕЗОПАСНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

А. Д. Урсул

Показано, что процессы глобализации в XXI веке во все большей степени будут ориентироваться на цели стратегии устойчивого развития, принятой ООН и большинством государств мирового сообщества. Устойчивое развитие рассматривается как новый, социоприродный тип развития, при котором глобальные цивилизационные процессы принимают биосферосовместимую и безопасную форму. Наступает этап «глобализации через устойчивое развитие», открывающую возможности совместного, эффективного решения социально-экономических и экологических проблем, минимизации их негативных последствий, способствуя выживанию человечества и сохранению биосферы.

Деятельность живых и социальных существ можно в основном описать, объяснить и прогнозировать, если в основу положить две взаимосвязанные весьма общие концепции (теории) – концепцию развития и концепцию безопасности¹.

В ходе любого взаимодействия реализуются два основных типа развития – прогрессивное и регрессивное. Именно наличие этого последнего типа развития, его влияние на другие формы развития и вызвало возможность и реальность негативного воздействия на прогрессивное развитие эволюционирующих систем, в результате чего может быть причинен вред, ущерб системе и происходит ее регрессивное развитие (деградация, разрушение, катастрофа и т. д.). Эти потенциально или реально существующие процессы, могущие изменить прогрессивную траекторию эволюции системы, именуется опасностями и угрозами, в зависимости от характера и степени воздействия на объект.

Согласно синергетическим представлениям, наличие этих двух основных взаимодействующих между собой типов развития можно выразить в понятиях простого и странного аттракторов. Простой аттрактор притягивает эволюционирующую систему к состоянию устойчивости путем уравнивания системы со средой, а странный аттрактор ориентирует на формирование системой более сложной структуры, благодаря чему достигается устойчивое неравновесие с ее окружением. Действие простого аттрактора ассоциируется с регрессом, а странного – с прогрессом, и процесс самоорганизации в постбифуркационный период зависит от доминирующего влияния того или иного аттрактора.

В любой экосистеме, в которой протекают эволюционные процессы, существуют определенные пределы и условия, в которых может происходить прогрессивная самоорганизация, например, некоторый диапазон температур, давления, доз радиации т. д. Эти пределы и условия, формирующие определенный «коридор безопасности», в экологии получили наименование «несущей емкости экосистем»

¹ См.: Урсул, А. Д. Безопасность и развитие: концептуально-методологические аспекты // Безопасность Евразии. – 2007. – № 1.

(речь идет в основном о геоэкологии, глобальной и социальной экологии), за пределами которой система начинает в том или ином аспекте деградировать вплоть до разрушения. Понятие «несущая емкость экосистем» определяет границы безопасной самоорганизации систем или, по крайней мере, их сохранения.

По сути дела, в понятии несущей емкости экосистемы определяются границы «коридора» безопасного развития, которые в этом случае считаются устойчивым развитием (УР). Поэтому УР можно определить как такое социоприродное развитие, которое осуществляется в пределах несущей емкости экосистем (а главное – биосферы в целом), то есть безопасное развитие, обеспечивающее выживание как нынешних, так и будущих поколений людей в условиях сохранения биосферы².

Понятие УР фактически выступает синонимом безопасного развития, где достигается такой уровень безопасности, который обеспечивает выживание человечества и его неопределенно долгое развитие на нашей планете. В этом смысле безопасное развитие систем в модели неустойчивого развития (НУР) и в модели УР различаются именно уровнем и основными способами обеспечения безопасности глобальной социоэкологической системы во всех возможных направлениях и аспектах, которые можно соединить в различные группы согласно существующим и потенциальным опасностям.

В модели НУР безопасное развитие обеспечивается в основном средствами защиты, и поэтому безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (федеральный закон «О безопасности»). И это связано в основном с тем, что сохранение системы осуществляется благодаря ее защите как способу изоляции от угроз и опасностей. Для этого создаются специальные устройства и службы, которые защищают от угроз и тем самым в определенной степени изолируют систему не только от них, но и от других, в том числе и от возможных положительных воздействий. Защитный механизм обеспечения безопасности носит в основном локальный (точечный) и кратковременный характер, и он превалирует в модели НУР, представляющей собой весьма опасную среду для существования человека и в целом человечества. В условиях глобализации эта среда расширяется на всю планету, формируя и умножая новые глобальные опасности.

Что касается глобальных проблем и процессов глобализации, то они, конечно, связаны с понятием деятельности, которая в этом случае носит глобальный характер, расширяясь до планетарных размеров и в то же время ограничиваясь этими размерами. Так, понятие экологической деятельности в аспекте глобалистики выражает новое предельное содержание, проявляясь в планетарных масштабах. Такова деятельность по решению любой глобальной проблемы, поскольку она затрагивает жизненно важные интересы всего человечества и любого человека в отдельности, даже если он этого не осознает. Причем решение глобальных проблем и устранение негативов глобализации требует международного сотрудничества.

Составляющие глобальной деятельности во всех направлениях глобализации и отдельных глобальных проблем наполняются планетарным содержанием. Так, субъект глобальной деятельности (это все человечество в целом – объект, на который направлена деятельность) – это те или иные социальные и социоприродные системы и т. д. Можно продолжать этот перечень глобализации деятельностного подхода, но понятно, что это новая методологическая точка зрения в глобалистике.

² См.: Уреул, А. Д., Демидов, Ф. Д. Устойчивое социоприродное развитие. – М., 2006.

Такой деятельностный подход важен для понимания ноосферогенеза через устойчивое развитие, представления его как принципиально планетарного, а в более отдаленной перспективе и космического процесса. Как и любая деятельность, глобальная деятельность в каждом направлении и аспекте сопряжена как с созидательно-творческими, позитивными результатами, так и с отрицательными последствиями, вызовами и опасностями, что характерно для глобальных проблем. А это означает, что необходимо правильно ориентировать глобальную деятельность в ноосферном направлении, и в то же время важно уменьшать и даже устранять негативные факторы, предотвращать опасности и угрозы и особенно уменьшить риск возникновения омницида. Важно обеспечить безопасность развертывания этого процесса в прогрессивном направлении, то есть обеспечить становление ноосферы через УР, но это возможно только в случае гарантии предотвращения и защиты от реальных и потенциальных опасностей.

Если бы среда существования человека и общества оказалась бы более безопасной, то уменьшилась либо вообще отпала бы необходимость в защитных средствах. Именно поэтому возникает идея обеспечить дальнейшее развертывание глобализации через УР³. Очевидно, что от средств защиты в принципе невозможно будет отказаться, поскольку всегда будут существовать опасности, скажем, внешнего природного характера, от которых придется создавать защитные средства. Однако та часть внутренних угроз, которая зависит от антропогенного фактора, может быть изменена и создана в планетарном масштабе более безопасная среда обитания и развития, что и предполагает переход к УР. Ведь модель УР подразумевает формирование новой формы общественного развития и, соответственно, – планетарной среды, в которой будут существенно снижены масштабы и уровни опасностей и угроз до тех пределов и значений, которые должны обеспечить выживание и дальнейшую эволюцию человечества и сохранение биосферы. Созидание такой сферы (среды) означает превращение глобальной социозкосистемы в планетарную несущую емкость, то есть обеспечивающую двуединую задачу перехода к УР – выживание человечества и сохранение природной среды его обитания.

Глобалистика, на наш взгляд, – наука о человечестве в планетарном измерении и социоприродной целостности. Довольно часто социоприродное измерение глобализации исчезает, и поэтому в этом случае исчезает всестороннее понимание деятельности, субъектом которой выступает планетарный целостный социоприродный организм как пока высшая ступень эволюции.

С позиций рассматриваемых здесь проблем важно глобалистику связать с развитием теории безопасности в ее планетарно-космическом и общенаучном измерении. Это будет принципиально новое видение глобальных процессов, и это станет шагом к тому, чтобы рассматривать глобальные процессы уже в ракурсе перехода к УР и ноосферогенеза. Ведь нужно иметь в виду, что и переход к УР, и становление ноосферы – это глобальные процессы, причем новые и будущие процессы, призванные с помощью уже не стихийной, а целенаправленной и рациональной глобальной деятельности перевести эти эволюционные процессы в «русло» безопасного прогрессивного развития, то есть в траекторию ноосферогенеза.

Анализируя предпосылки и основания связи глобалистики с ноосферологией как наукой о становлении ноосферы через УР, уместно обратить внимание на то, что в этом последнем направлении научного поиска глобализация и глобальные

³ См.: Урсул, А. Д. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие // *Безопасность Евразии*. – 2001. – № 1; Он же: Глобализация через устойчивое развитие // *Безопасность Евразии*. – 2004. – № 1.

проблемы будут рассматриваться как сознательно планируемый целесообразный процесс. Если в модели НУР процессы глобализации разворачивались стихийно и, как показала история, это привело к росту угроз и опасностей, то в новой модели УР, принятой всем мировым сообществом стратегии на практически необозримые отрезки времени, должен постепенно увеличиваться уровень обеспечения безопасности, должны меняться средства и способы этого обеспечения, появляться новые ценности и общие цели развития.

В этой связи можно говорить о необходимости появления качественно нового, глобального уровня безопасности для всего человечества, что вытекает из необходимости такого способа решения глобальных проблем и ослабления негативных последствий глобализации, который не просто обеспечивал бы временное выживание цивилизации, но и определял бы в этом отношении стратегическую перспективу неопределенно долгого прогрессивного развития всего человечества. Появляется качественно новый уровень и масштаб обеспечения безопасности – планетарный, в котором фокусируются и объединяются все существующие и исторически предшествующие уровни этого обеспечения, но уже в модели УР. Достижение глобального уровня обеспечения безопасности в модели НУР в принципе было невозможно из-за отсутствия единого для всей цивилизации механизма, который начинает формироваться лишь с переходом к модели УР.

Становление качественно нового, планетарного уровня обеспечения безопасности как безопасности всего мирового сообщества и одновременно сохранения биосферы требует создания новых информационно-управленческих структур и, самое главное, формирования глобально-коллективного сознания человечества, ответственного за принятие судьбоносных для всего человечества решений и их реализации. В связи с этим и выдвигается идея формирования ноосферного интеллекта⁴.

Появление более безопасной социоприродной среды обитания человека в процессе перехода к УР означает, что существенная часть функций по обеспечению любых видов безопасности может быть реализована не защитой, а самим этим типом развития, которое в условиях глобализации существенно уменьшит количество, масштабы и интенсивность негативных и вредных воздействий. Защитный механизм обеспечения безопасности перестанет быть основным и окажется дополнительным средством реализации глобальной безопасности через УР.

Переход к УР требует создания более безопасной широкой системы как социоприродной среды существования человека за счет изменения именно социальной сущности самой антропогенной деятельности в планетарном масштабе. В модели НУР эта деятельность носит преобразовательно-экономический характер и человек руководствуется принципами личного либо корпоративного интереса и выгоды, что на глобальном уровне приводит к стихийному взаимодействию этих интересов, которые оказываются противоположными выживанию всего человечества, приближая его к антропоэкологической катастрофе.

Это несовпадение индивидуального выживания и выживания человеческого рода создает весьма опасную среду существования и развития, именуемую глобальной моделью НУР. Одной из задач глобализации через переход к УР как раз и является создание единой планетарной стратегии выживания, в которой личные интересы в необходимой степени совпадали бы с интересами выживания всего человечества, поскольку без этого переход к УР окажется невозможным.

⁴ См.: Урсул, А. Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации. – М., 1993; Он же. Социоприродное развитие в универсальной эволюции. – М., 2005.

Именно поэтому создание безопасной социоприродной среды обитания благодаря будущим УР-трансформациям человеческой деятельности выступает сейчас более существенным, чем многие иные приоритеты безопасности. Не допуская в процессе перехода к УР ущемления национальных интересов во имя глобальных целей и императивов, все же можно обнаружить пока еще слабо выраженную тенденцию к их «уравновешиванию»: ведь в случае глобальной антропогенной катастрофы обеспечение лишь национальных интересов не спасет ту или иную страну от негативного воздействия глобальных негативных факторов. В таких условиях приоритетным национальным интересом окажется предотвращение глобальной социально-экологической катастрофы и дальнейшее развертывание глобализации на принципах УР.

И хотя экология стала причиной выработки мировым сообществом концепции и стратегии УР, в действительности, как выясняется, в современных исследованиях этой проблемы основная цель перехода к новому, уже социоприродному этапу развития – это прежде всего решение проблемы безопасности во всех ее формах и направлениях, а не только в экологическом аспекте. И прежде всего речь идет о более системном видении как социально-экономического развития, так и обеспечения безопасности в экономическом, социальном, экологическом и многих других направлениях. Это уже не одностороннее экономоцентрическое видение развития в рамках модели НУР, а более системный коэволюционный подход к процессу как развития, так и обеспечения безопасности его продолжения.

Сам процесс развития приобретает принципиально социоприродный характер, как и будущий процесс глобализации. Этот последний мыслится не только как обретение человечеством своего социально-экономического единства, а как формирование целостной глобально-коэволюционной системы «человечество – биосфера», которая обретает способность неопределенно долгого существования⁵.

Для того, чтобы перейти к коэволюционной форме глобализации через УР, необходимо существенно усилить позитивные эффекты взаимодействия мирового сообщества и природы, то есть реализовать тот их синергетический эффект, который получил наименование экологизации. Глобальная экологизация должна обеспечить наиболее безопасное взаимодействие общества и природы, что реализуется в процессе перехода к УР. Это находит свое выражение в таких терминах, как «экологическая безопасность», «охрана окружающей среды», «устойчивое природопользование» и т. д. Проблема экологизации и толкования упомянутых и близких к ним терминов имеет принципиально разную смысловую нагрузку в модели НУР и модели УР, поскольку первая модель не учитывает глобальных императивов выживания.

Поясним это на примере экологической деятельности в области охраны окружающей среды. До недавнего времени (а иногда и сейчас) многие экологические мероприятия акцентировали внимание на деятельности в локальных экосистемах, скажем, на очистке тех или иных водоемов, ликвидации последствий экологических катастроф и чрезвычайных ситуаций и т. д. При этом не принималось во внимание, что в результате локальных экологических мероприятий, приносящих ожидаемый от них позитивный результат, глобальная экологическая ситуация продолжала ухудшаться, о чем свидетельствуют многочисленные публикации. И понятно, почему это происходило и происходит: ведь для того, чтобы улучшить состояние окружающей среды в отдельно взятой локальной экосистеме, необходимо

⁵ См.: Романович, А. Л., Урсул, А. Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). – М., 2006.

изыскать ресурсы в более широкой экосистеме, которой и является биосфера в целом. Это следует из синергетических принципов: улучшение экоситуации в одной локальной экосистеме (ее прогрессивное развитие) ведет к деградации в более широкой окружающей эту систему среде, и в конечном счете негативно воздействует на всю биосферу в целом.

Поэтому при любых экологических мероприятиях с учетом требований перехода к УР необходимо реализовывать императивы глобального характера, а именно, чтобы в результате человеческой деятельности не ухудшались экологические условия биосферы в целом. Это – основной императив процесса глобальной экологизации, который также должен осуществляться через УР, что существенно изменяет характер любой антропогенной активности, поскольку необходимо действовать таким образом, чтобы не только выполнялись глобальные цели УР, но и не ухудшались возможности удовлетворения жизненно важных потребностей будущих поколений людей. Здесь требование «вписывания» совокупной глобальной деятельности людей в несущую емкость экосистем как расширяется в пространственном аспекте – на всю планету в целом (то есть от локального до глобального масштабов), – так и продлевается во временном измерении, то есть не только на ныне живущие поколения людей, но и на будущие поколения, поскольку речь идет о выживании человеческого рода и о способности к неопределенно долгому прогрессивному развитию.

Надо думать, что процессы глобализации не остановятся ни в ходе ноосферогенеза, ни в будущем в уже сформированной сфере разума. И поэтому имеет смысл, рассуждая о связи глобальных процессов и ноосферогенеза, как-то выделить этапы этой уже рациональной, или, точнее сказать, более рациональной глобализации, которая в начале своего «процесса рационализации» будет разворачиваться через УР, а затем и через ноосферогенез⁶. Все эти процессы, как отмечено в упомянутой монографии, могут быть охарактеризованы в качестве не только «рациональной», но и «опережающей» глобализации, поскольку они выражают своего рода опережающую потребность для современного человечества, но весьма актуальную для будущей цивилизации. В настоящее время проблема выживания смещена на индивидуально-корпоративный и государственный уровень, а для перехода к УР необходимо распространение ее на все человечество. Пока большинство людей это не осознает, и потому данную потребность и следующую за ней тенденцию глобализации можно характеризовать в качестве виртуально-опережающих процессов. Это относится к проблеме глобализации через УР как первому этапу «опережающей» глобализации и к глобализации через ноосферогенез – как второму этапу этого же процесса футуризации – глобализации.

В соответствии с такой периодизацией можно выделить и два этапа в обеспечении безопасности: первый – через переход к УР и второй – через ноосферогенез. И в этом процессе становления ноосферной безопасности способ ее обеспечения будет также существенно футуризован, поскольку он станет достигаться на основе прогнозирования и превентивно-опережающих действий как наиболее рациональных для выживания всего человечества.

⁶ См.: Романович, А. Л., Урсул, А. Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез).

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАУКА ГЛОБАЛИСТИКА

У. Гэй

В статье представлена общая типология подходов к глобализации. Выделяются четыре подхода: сторонники глобализации, которые в целом представляют ее как процесс гуманный или способный стать таковым; критики глобализации, называют ли они себя антиглобалистами или нет; ученые, которые, независимо от того, поддерживают ли они глобализацию, признают, что будущее ее не определено; ученые, которые, независимо от того, поддерживают ли глобализацию, придерживаются научно-дисциплинарного подхода в ее понимании и оценке. Во второй части статьи автор обращается к истории науки глобалистики. Он полагает, что после разделения глобалистики на «западную» и «восточную» в настоящий момент происходит ее объединение.

Термины «глобализация» и «антиглобализация» употребляются в самых разнообразных смыслах*. И, как следствие, дискуссии по процессам глобализации могут привести в замешательство. С одной стороны, некоторые глобалисты и антиглобалисты позитивно рассматривают движение в защиту окружающей среды и демократию. С другой стороны, отдельные глобалисты и некоторые антиглобалисты отрицательно относятся к капитализму и милитаризму. В то время как одни глобалисты и антиглобалисты представляют процесс глобализации неотделимым от современности, другие считают его разрывом с современностью.

Несмотря на эти различия в использовании основных терминов, время, когда проблемам глобализации стали уделять значительное внимание, можно определить исторически. По сути, проблемы глобализации притягивают повышенное внимание на протяжении примерно пятидесяти лет. Начиная с 1960-х гг., понятия «экология», «экологические кризисы», «глобальные проблемы», «глобализация» и «антиглобализация» стали все больше распространяться в научном и политическом дискурсах. Причем общим у этих дискуссий является понимание того, что глобализм связан с экономическим влиянием капитализма на всю планету и с угрозами окружающей среде и правам человека.

В настоящей статье будут представлены два вида анализа. Для начала рассмотрим разнообразные перспективы глобализма. Затем, используя междисциплинарную область глобалистики, представим концептуальную и нормативную основы для изучения глобализации.

1. О типологии взглядов на глобализацию

Мы хотим представить общую типологию для классификации огромного числа подходов к глобализму. Хотя это и не всесторонняя классификация, думается,

* Вариант анализа, подобного приведенному в этой статье, дан в нашей предыдущей работе: Gay, W. C. Understanding and Assessing Globalization: The Role of Global Studies // *Parceling the Globe: Philosophical Explorations in Globalization, Global Behavior, and Peace* / Ed. by D. Poe and E. Souffrant. – Amsterdam: Rodopi, 2008. – P. 17–25.

она охватывает основные принципы. Представляя четыре подхода, мы дадим некоторые пояснения касательно ряда точек зрения в рамках каждого направления. Эти четыре подхода следующие: 1) сторонники глобализации, которые в целом представляют ее как процесс гуманный или способный стать таковым; 2) критики глобализации, называют ли они себя антиглобалистами или нет, в целом одобряют движение народных масс, работающее «снизу», а не элитарную глобализацию, навязываемую «сверху»; 3) ученые, которые независимо от того, поддерживают ли они глобализацию или нет, признают, что будущее ее не определено; 4) ученые, которые независимо от того, поддерживают ли глобализацию, придерживаются научно-дисциплинарного подхода в понимании и оценке глобализации.

А. Гуманистическое представление

Многие капиталисты поддерживают глобализм и утверждают, что глобализм гуманен. Многие из капиталистических глобалистов поддерживают свободный рынок с экономической и демократию – с политической точек зрения. Независимо от этого, они рассматривают процветание первоначально для некоторых и, может быть, со временем для большинства людей как результат глобального капитализма, благожелательно относящегося к демократическим политическим традициям. Когда они провозглашают, что Запад выиграл «холодную войну», они приписывают себе мировой триумф демократии и рыночной экономики.

Полемика о том, что глобализм гуманен, не должна приниматься за чистую монету. Мы с Татьяной Алексеевой проанализировали это утверждение применительно к постсоветской Российской Федерации и пришли к выводу, что российскому капитализму еще предстоит обрести гуманное или «человеческое» лицо¹. Хотелось бы теперь расширить это заключение. На протяжении большей части истории капитализм был лишен «человеческого» лица, несмотря на воздействие на капиталистические общества с целью обеспечения некоторой социальной стабильности или социальной безопасности. Основываясь на истории капиталистических обществ, можно справедливо полагать, что глобализированный капитализм едва ли будет хоть сколько-нибудь более гуманен, нежели ряд других экономических систем. Однако, несмотря на наш собственный скептицизм относительно гуманистической стороны глобализма, процитируем некоторых сторонников данной точки зрения.

В своей работе «Глобализация и бедность» Джей Р. Мэндл связывает глобализацию с типом экономического роста, который предположительно необходим для смягчения бедности. Основываясь на этом утверждении, он делает вывод, что глобализация должна прогрессировать. Однако он отмечает, что «правительства должны принять политику, обращенную на нужды тех, кто стал жертвами изменений, вызванных этим процессом»². Он утверждает, что в условиях гибели социализма оппозиция была не в состоянии достичь консенсуса по такой гуманистически направленной политике. Насколько можно судить, он просто считает, что бедность будет существовать всегда.

Другие авторы более настойчиво утверждают, что глобализм решит наши социальные проблемы. В книге «Исследуя глобализацию: Международная

¹ Мы подтверждаем это в нашей книге: Gay, W. C., Alekseeva, T. A. *Capitalism with a Human Face: The Quest For A Middle Road In Russian Politics*. – Lanham (Md.): Rowman & Littlefield, 1996. У нас есть еще две совместно изданные книги: *On the Eve of the 21st Century: Perspectives of Russian and American Philosophers*. – Lanham (Md.): Rowman & Littlefield, 1994 и *Democracy and the Quest for Justice: Russian and American Perspectives*. – Rodopi: Amsterdam, 2004.

² Mandle, J. R. *Globalization and the Poor*. – Cambridge (U.K.): Cambridge University Press, 2003. – P. 2.

экономика и возможности управления» Поль К. Хирст и Грэм Томпсон полагают, что национальными и международной рыночными системами можно управлять таким образом, чтобы поддерживать социальные цели³. Джон Миклтвейт и Эдриан Вулдридж идут еще дальше в работе «Совершенное будущее: Основы глобализации». Защищая глобализацию, они признают, что глобализм увеличивает неравенство, но отрицают, что он приводит к ситуации с победителями и побежденными, и такой, где победители доминируют. Они утверждают, что, хотя некоторые были оставлены позади, гораздо больше людей имеет возможность идти вперед. И, наконец, они придерживаются точки зрения, что глобализм уменьшает могущество наций-государств, но признают, что государства остаются главной единицей современной политики⁴.

В сборнике «Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире» редакторы Питер Л. Бергнер и Сэмюэль П. Хантингтон связывают подобное рассуждение с продвижением демократии и свободы. Бергнер говорит, что он исследует «некую середину между бесконечной релятивизацией и агрессивным фанатизмом»⁵. Наконец, в своей работе «В защиту глобализации» Джагдиси Н. Бхагвати едва ли не максимально использует этот аргумент. Он отрицает, что глобализация должна обрести «человеческое» лицо, и утверждает, что «у глобализации *есть* человеческое лицо, но мы можем сделать это лицо еще приятнее»⁶. Обращаясь к антиглобалистам, отметим, что они не разделяют этих положительных вплоть до полного восторга оценок гуманистических последствий глобализации.

В. Антиглобалистический подход широких масс

Александр Бузгалин и Юрий Павлов отмечают в своей работе «Антиглобализм», что многие антиглобалисты не используют данный термин для описания своих теорий, а многие, к тому же, поддерживают глобализм «снизу»⁷. В последнее десятилетие эти признаки становятся все более очевидными. Весьма заметная форма сопротивления глобализму видна в крупных общественных демонстрациях во время международных конференций и саммитов, проводимых Всемирной Торговой Организацией (ВТО), Международным Валютным Фондом (МВФ) и Мировым Банком в таких городах, как Сиэтл, Вашингтон, Квебек, Прага и Брюссель.

В своей книге «Глобализируй это! Борьба против Всемирной Торговой Организации и господства корпораций» Кевин Данаер и Роджер Бюрбах дают типичную трактовку, поддерживая протесты в Сиэтле против ВТО. Они утверждают, что протесты против ВТО в Сиэтле в ноябре 1999 г. чрезвычайно значимы, поскольку десятки тысяч человек протестовали против навязываемых ВТО всеобщих правил в интересах больших корпораций⁸. В работе, связанной с этой проблемой, Данаер и Бюрбах акцентируют внимание на том, что протестующие хотят, чтобы больше внимания уделялось вопросам экологии и занятости. Они утверждают, что эти протесты приводили к полному провалу переговоров. В отличие от глобалистов упомянутые антиглобалисты объявляют подобные открытые протесты

³ Hirst, P. Q., Thompson, G. *Globalization in Question: The International Economy and the Possibilities of Governance*. – 2nd ed. – Cambridge (U. K.): Polity Press, 1999. – P. 1.

⁴ Micklethwait, J., Wooldridge, A. A. *Future Perfect: The Essentials of Globalization*. – N. Y.: Random House, 2000. – P. 335.

⁵ Berger, P. L., Huntington, S. P., eds. *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World*. – N. Y.: Oxford University Press, 2002. – P. 16.

⁶ Bhagwati, J. N. In *Defense of Globalization*. – N. Y.: Oxford University Press, 2004. – P. x.

⁷ Buzgalin, A. V., Pavlov, J. M. *Antiglobalism // Global Studies Encyclopedia / Ed. by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, and W. C. Gay*. – Moscow: Raduga, 2003. – P. 27–29.

⁸ Danaher, K., Burbach, R. *Globalize This! The Battle Against the World Trade Organization and Corporate Rule*. – Monroe (Me.): Common Courage Press, 2000. – P. 7.

«огромной инъекцией адреналина движению за всеобщую демократию»⁹. Они рассматривают организации, связанные с этими протестами как развивающиеся средства управления мировой экономикой в плане ориентации на уровень жизни, а не на деньги. Кроме того, они отмечают произошедшее смещение от транснационального единства элиты к транснациональному единству широких масс.

Некоторые группы антиглобалистов концентрируют внимание на специфических проблемах. Например, некоторые ученые рассматривают глобализм как процесс постановки определенных проблем в отношении женщин или развивающихся стран. В работе «Женщины против глобализации» Шейла Роутботхам и Стефани Линкогль фокусируют внимание на движениях, особенно женских организациях, концентрирующихся на проблемах занятости, прав и демократии для всех людей¹⁰. В работе «Будущее висит на волоске: Главы о глобализации и противодействии ей» активист и исследователь третьего мира Вальден Ф. Белло выступает в поддержку развивающихся народов. Он утверждает, что международные финансовые институты спровоцировали экономический кризис, который является результатом деятельности «институтов, защищающих свободные рыночные отношения, основанные на принципах либерализма, ослабления контроля и приватизации»¹¹. Он настаивает на том, что для достижения законности и справедливости потребуются совершенно иные системы.

В конечном счете, в поисках альтернативной системы некоторые антиглобалисты подчеркивают необходимость развития местных структур. В работе «За пределами глобализации: Формирование устойчивой глобальной экономики» Хэзел Хендерсон утверждает, что для того, чтобы оторваться от существующей всеобщей рыночной системы, нужно создавать больше местных компаний, основывающихся на более целостном подходе¹².

С. Мнение о неопределенности будущего глобализма

Каких бы подходов к глобализму или антиглобализму мы ни придерживались, стоит с осторожностью относиться к высказываниям сторонников крайних позиций в этом споре. Даже некоторые знаменитые философы стали жертвами преувеличения собственных аргументов, как произошло в споре между Бертраном Расселом и Сидни Хуком, когда Рассел высказал весьма сомнительное предположение, что все погибнут в результате применения воюющими сторонами ядерного оружия, на что Хук ответил не менее сомнительным высказыванием, что при коммунизме не существует никакой свободы¹³. Мы с Майклом Пирсоном также отмечали проблему радикальных аргументов, когда предостерегали как насчет отрицания, так и насчет согласия с перспективами ядерной войны¹⁴. Рассуждая логически, можно прийти к выводу, что исторические возможности являются случайными событиями и имеют вероятность больше нуля и меньше ста процентов; они не являются невозможными, но и не предопределены на сто процентов. Более того, возможно доказать несостоятельность крайних позиций, когда итоги процесса глобализации или антиглобализации подают-

⁹ Ibid. – P. 9.

¹⁰ Rowbotham, S., Lickbogle, S. Women Resist Globalization. – N. Y.: Zed Books, 2001.

¹¹ Walden, B. F. The Future in the Balance: Chapters on Globalization and Resistance / Ed. by A. Mittal. – Oakland (Ca.): Food First Books, 2001.

¹² Henderson, H. Beyond Globalization: Shaping a Sustainable Global Economy. – West Hartford (Con.): Kumarian Press, 1999.

¹³ См.: Gay, W. C. The Russell-Hook Debates of 1958: Arguments from the Extremes on Nuclear War and the Soviet Union // In the Interest of Peace: A Spectrum of Philosophical Perspectives / Ed. by K. H. Klein and J. C. Kunkel. – Wakefield (N. H.): Longwood Academic, 1990. – P. 79–95.

¹⁴ Мы отмечаем это в книге с обзором литературы по теме гонки ядерного оружия. См.: Gay, W. C., Pearson, M. The Nuclear Arms Race. – Chicago (Ill.): American Library Association, 1987. – P. 58–59.

ся как уже predetermined. К счастью, среди защитников и критиков глобализма находятся авторы, осторожные в оценке своих притязаний.

В заключении к сборнику «Политика равноправия в эпоху глобализации» его редактор Крейг Н. Мерфи указывает, что авторы статей скептически относятся к теории Поланьи о двойственном движении глобализации, в которой просто предполагается, что каждая стадия стремительного процесса маркетизации, когда государство ослабляет управление экономическими силами, сменяется более либеральной и социально ориентированной стадией, когда растет успех общественных движений за равноправие¹⁵.

Среди антиглобалистов Джереми Бречер, Тим Костелло и Брендан Смит в своей работе «Глобализация “снизу”: Сила солидарности» исследуют результаты усилий «снизу» по переориентировке глобализации. Они утверждают, что конечный результат в настоящее время неизвестен. Среди возможных вариантов – «война всех против всех, мировое господство одной сверхдержавы, тиранический союз глобальной элиты, глобальная экологическая катастрофа или некая комбинация из перечисленных вариантов»¹⁶. Таким образом, от выбора людей будет многое зависеть. Бречер, Костелло и Смит, хотя и знают вариант, который им больше понравится, не обещают победы и признают, что конечный результат может быть даже хуже, чем ситуация в настоящий момент.

Эти компетентные доводы глобалистов и антиглобалистов объединяет вывод, что поскольку результат не predetermined, деятельность людей имеет важное значение. Имеет значение, что мы делаем. Эта идея адекватна, независимо от того, куда приводят политические споры об оценке глобализации.

D. Специальный дисциплинарный подход к глобализму

Дэвид М. Расмуссен заметил более тридцати лет назад, что ученым следует выходить за рамки кантовского представления об автономных дисциплинах¹⁷. Эта необходимость особенно значима при попытке постичь разумом и критически оценить глобализацию. Тем не менее, некоторые авторы, изучая глобализм, отдадут предпочтение определенной дисциплине или группе дисциплин.

Одной из работ, где сделан акцент на отдельной дисциплине при осмыслении глобализации, является «Глобализация и ее критики: Точка зрения политической экономии» под редакцией Рэндалла Д. Гермейна¹⁸. В этой книге, изданной при поддержке Исследовательского Центра Политической Экономии (ИЦПЭ) Университета Шеффилда, утверждается, что политическая экономия обеспечивает необходимую междисциплинарную точку зрения при исследовании новых проблем, сформулированных глобализмом. Гарольд Джеймс предлагает более узкий ракурс и выводы в книге «Конец глобализации: Уроки Великой депрессии»¹⁹. Он утверждает, что глобализм потерпит неудачу, и модель для понимания этого можно обнаружить в Великой депрессии.

В то время как широкий и даже узкий экономический анализ могут оказаться полезными, сами по себе они не могут обеспечить достаточного понимания. Итак,

¹⁵ Murphy, C. N., ed. *Egalitarian Politics in the Age of Globalization*. – Chippenham: Palgrave, 2002. – P. 211.

¹⁶ Brecher, J., Costello, T., Smith, B. *Globalization from Below: The Power of Solidarity*. – Cambridge (Mas.): South End Press, 2000. – P. XIV.

¹⁷ На это обращено внимание во вступительной статье в *Cultural Hermeneutics*, журнале, публикуемом в настоящий момент под названием *Philosophy and Social Criticism*. См.: Rasmussen, D. M. *Between Autonomy and Sociality*. *Cultural Hermeneutics* 1:1 (April 1973). – P. 3–45.

¹⁸ Germain, R. D., ed. *Globalization and its Critics: Perspectives from Political Economy*. – London: Macmillan Press, 2000.

¹⁹ James, H. *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression*. – Cambridge (Mas.): Harvard University Press, 2001.

вместо использования одной дисциплины или довольно ограниченного круга научных дисциплин, мы поддерживаем широкий междисциплинарный и ценностно-ориентированный подход. Такой подход можно найти в глобалистике, и мне, как философу, особенно приятно, что на протяжении всей своей истории глобалистика включает в себя философию в качестве ключевого компонента. Далее обратимся к аргументам о роли глобалистики в понимании и оценке глобализма.

2. Роль философии в глобалистике

Исторически наука глобалистика, будучи многоплановой, все равно связана с философией в широком понимании. Однако эта связь более очевидна за пределами, нежели внутри США. Возможно, даже больше удивляет связь организации «Обеспокоенные философы за мир» в рамках международных форумов, которые помогли продвинуть вперед область глобалистики. Говоря вкратце, глобалистика прошла три стадии. Первая стадия была в 1960 г., когда мировое сообщество ученых серьезно занялось изучением последствий глобализации. Вторая стадия продолжалась в период с 1970-х по 80-е гг., когда в результате «холодной войны» глобалистика развивалась на Западе и в Советском Союзе по отдельности. Третья стадия охватывает последние пятнадцать лет после распада Советского Союза, когда появились более комплексные области глобалистики. Около сорока лет разделяют, с одной стороны, появление первых основных институтов по изучению глобализации и последующую работу таких групп, как Римский клуб, и, с другой стороны, публикацию первой международной интегративной междисциплинарной энциклопедии, посвященной глобалистике²⁰. Остановимся кратко на периодах разделения и объединения глобалистики во время и после «холодной войны», а затем перечислим некоторые важные нормативные проблемы.

А. Временная бифуркация глобалистики на Востоке и Западе

Политическое разделение между Востоком и Западом во времена «холодной войны» привело к длительному, но непостоянному разветвлению проделанной работы в глобалистике. Следовательно, слияние глобалистики в период после «холодной войны» привело к преодолению разногласий в проблемах, методах и лексиконе, характерных для глобалистики в Советском Союзе и на Западе в период «холодной войны». «Глобалистика в Советском Союзе» Виктора Лося²¹ и «Глобалистика на Западе» Анатолия Уткина²² – вот работы, точно и лаконично представляющие эти различия. Учитывая, что в этих книгах дан очень полезный исторический и концептуальный обзор, в настоящей статье нам не требуется обобщать эти различия подходов в период «холодной войны».

Вместо этого приведем некоторые заметки по поводу личной причастности и участия организации «Обеспокоенные философы за мир» в зарождении третьего этапа развития глобалистики. Распад Советского Союза застиг врасплох большинство советских ученых и аналитиков. В самом деле, особенно в 1980-е гг. и в преддверии наращивания ядерных вооружений администрацией Рейгана многие люди в США, Советском Союзе, Европе и других странах опасались возможной ядерной войны между США и Советским Союзом, которая могла уничтожить обе эти современные технологически передовые страны. Возникали народные и профессиональные организации, искавшие пути снижения напряженности между двумя супердержавами.

²⁰ См. ссылки в сносках 7, 21–22, 24 и 27–31.

²¹ Los, V. A. Global Studies in the Soviet Union // Global Studies Encyclopedia. – P. 210–214.

²² Utkin, A. I. Global Studies in the West // Global Studies Encyclopedia. – P. 215–217.

Одним из результатов гласности, введенной советским премьером Михаилом Горбачевым, явилась возможность более прямого контакта между американскими и советскими философами в конце 1980-х гг. Группа американцев, организовавшая первый визит в 1988 г., называлась «SAVI» (Советско-американские визиты и взаимодействие). Как отмечал Пьер Бурдьё, названия организаций часто связаны с историческими периодами или событиями; точнее говоря, название профессиональной группы часто является «отражением в официальном названии особенного состояния борьбы и переговоров в прошлом»²³. Подобное произошло и с SAVI, и с обществом «Обеспокоенные философы за мир». В последнем случае возникновение, название и последующее развитие произошло в ответ на осязаемую опасность политики наращивания ядерного оружия Рейгана, впрочем, сохраняя прежнее название, эта организация продолжает реагировать на развитие внутринационального и глобального милитаризма и в то же время продолжает поддерживать тесные контакты с философами из Российской Федерации²⁴.

Спустя несколько лет после образования общества «Обеспокоенные философы за мир» и SAVI я был среди американских философов, принимавших участие во встречах с советскими коллегами-философами в Москве²⁵. Хотя большинство наших встреч происходили в Институте философии в Москве, однажды августовским вечером в 1988 г. мы посетили Философское общество СССР и узнали, что двумя наиболее насущными проблемами советские философы считают войну, особенно ядерную угрозу, и экологию, в особенности проблемы ухудшения условий окружающей среды. Это различие в оценке очень хорошо отражает различия направлений в западной и советской глобалистике в 1970-х и 1980-х гг.

С философской точки зрения, в программах Всемирного философского конгресса, который собирается каждые пять лет, можно найти еще один аспект внимания ученых к глобальным проблемам. Хотя проблемы глобализации рассматривались на многих секциях на встрече в Брайтоне в 1988 г., на заседаниях в Москве в 1993 г. и в Бостоне в 1998 г., глобализация оказалась центральным вопросом на XXI Всемирном Философском Конгрессе в Стамбуле (Турция). Этот конгресс собрался в августе 2004 г., и в центре внимания была «Философия лицом к мировым проблемам»²⁶. К XXI Всемирному Философскому Конгрессу были выпущены издания *Глобалистика: Энциклопедия* на русском и английском языках. (Как на встрече в Бостоне, так и в Стамбуле Российское Философское общество и «Обеспокоенные философы за мир» провели совместные семинары по данным проблемам.)

В. Нормативные компоненты глобалистики

Еще одним автором, рассмотревшим связь глобалистики и философии, является Томас С. Дафферн²⁷. Я уже подчеркивал эту связь, также и в других своих работах я старался показать, что бывшая советская глобалистика и изучение мирового порядка

²³ Bourdieu, P. *Language and Symbolic Power* / Ed. J. B. Thompson, transl. by G. Raymond and M. Adamson. – Cambridge (Mas.): Harvard University Press, 1991. – P. 240.

²⁴ Gay, W. C. Concerned Philosophers for Peace (CPP) // *Global Studies Encyclopedia*. – P. 80–82. Эта статья дает представление об истории общества «Обеспокоенные философы за мир».

²⁵ Lee, S. The 1988 Moscow SAVI Conference: An American Report // *Concerned Philosophers For Peace Newsletter* 8: 2 (October 1988). – P. 5–6; and Petrovsky, H. The 1988 Moscow SAVI Conference: A Soviet Report // *Ibid.* – P. 5–6.

²⁶ Gay, W. C. With Russian Colleagues at the World Congress // *Concerned Philosophers For Peace Newsletter* 23: 1–2 (Spring-Fall 2003). – P. 16. В этой статье рассматривается обсуждение программы объединения Российского Философского общества и общества «Обеспокоенные философы за мир» на Всемирном философском конгрессе.

²⁷ Daffern, T. C. *Global Studies and Philosophy* // *Global Studies Encyclopedia*. – P. 204–206.

на Западе имеют общие ключевые моменты²⁸. Однако для более качественного описания сущности и ценностной ориентации науки я нахожу наиболее полезной работу по «Глобалистике» Ивана Мазура и Александра Чумакова²⁹. Также полезны две работы Чумакова по вопросам классификации и критериям глобальных проблем³⁰.

Какими проблемами занимается глобалистика? Мазур и Чумаков отмечают, что исследуются три главные темы: 1) процессы глобализации; 2) мировые проблемы, вызванные процессами глобализации; 3) увеличение положительных и сокращение отрицательных последствий этих процессов для людей и биосферы³¹. Внимание сконцентрировано на правах человека и окружающей среде, что приводит к антимилитаризму, так как милитаризм нарушает оба этих права.

Глобалистика стремится исследовать коренные причины глобальных изменений и вытекающих проблем. Поэтому исследователи обращаются к истории формирования современной цивилизации. Сюда включаются и ухудшение окружающей среды, и деградация самих людей в рамках мировой капиталистической системы, которая в настоящий момент характеризуется как свободный рынок.

Вывод. Будущее нашей планеты

Рассматривая различные мнения нескольких авторов, отмечу, что и глобализм, и антиглобализм имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Кроме того, мы утверждаем, что светлое или мрачное будущее нашей планеты никак не будет обусловлено исключительно ускорением или замедлением процесса глобализации. Подчеркнем, что сложность проблем требует высокого междисциплинарного и ценностно-ориентированного подхода по отношению к поддержанию состояния планетарной экосистемы и соблюдению прав человека. На многих уровнях люди, как бы они ни называли себя и свои идеи, представляют угрозу окружающей среде и человеческой жизни через расходы на вооружения и, особенно, военные действия. Независимо от того, какой точки зрения придерживается человек в спорах по урегулированию мировой экономики, капитализм в значительной степени не регулируется и способствует ухудшению условий окружающей среды.

Подтвердить документально ущерб от человеческой деятельности, нанесенный окружающей среде и самим людям, проанализировать и экстраполировать тенденции – вот сложные междисциплинарные задачи, допускающие поправки, являющиеся, тем не менее, ценностно-ориентированными. В последние несколько лет мы все более склонны согласиться с выводами, четко сформулированными в Москве в августе 1988 г. Военная угроза и угроза окружающей среде представляют наибольшую опасность, к кому бы мы себя ни причисляли – глобалистам или антиглобалистам³². Глобалистика не разрешает политических споров, но для эпохи после «холодной войны» она представляет перспективу, когда перед лицом глобальных проблем по защите наших основных прав человека и хрупкой экосистемы, от которой зависит продолжение жизни на планете, можно положить конец разногласиям между Востоком и Западом в прошлом и Севером и Югом в настоящем.

²⁸ Gay, W. C. Marxism and Global Values // Global Studies Encyclopedia. – P. 337–339.

²⁹ Mazour, I. I., Chumakov, A. N. Global Studies Global Studies Encyclopedia. – P. 200–203.

³⁰ Chumakov, A. N. Global Problems, Classification of // Global Studies Encyclopedia. – P. 184–187, and Chumakov, A. N. Global Problems, Criteria of // Global Studies Encyclopedia. – P. 187–190.

³¹ Mazour, I. I., Chumakov, A. N. Global Studies // Global Studies Encyclopedia. – P. 200.

³² Gay, W. C. Environmental Issues, Pollution, and the Military // An Encyclopedia of War and Ethics / Ed. by D. A. Wells. – Westport (Con.): Greenwood Publishers, 1996. – P. 132–135.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ В МИРЕ

В. Л. Иноземцев

В своей статье автор, известный российский специалист по международной экономике, исследует истоки и перспективы развития «теории глобализации», приходя к выводу, что к началу нового столетия в западной науке сложилось отношение к глобализации как к совокупности ряда экономических, социальных и политических процессов, не требующих описания в рамках некоей единой теории. Широкое распространение понятия в теоретической литературе объясняется автором в первую очередь тем, что оно не указывает на активного субъекта данного процесса; это позволяет уходить от вопроса об ответственности отдельных социальных акторов за те или иные последствия глобализации. Автор указывает на отличия глобализации от «интернационализации» и «интеграции», подчеркивая, что ее сутью является формирование системы, позволяющей человеку или компании взаимодействовать с другими людьми, корпорациями и социальными структурами, не прибегая к посреднической роли государств. Основной проблемой современного этапа глобализации в статье называется серьезное (и прогрессирующее) отставание «политической» глобализации от экономической, информационной и социальной.

Термин «глобализация» – один из наиболее часто употребляемых, и в то же время один из самых бессодержательных в лексиконе современной политологии. Если проследить его возникновение, следует признать, что он появился в первые послевоенные годы и «вырос» из глагола «глобализировать» (to globalize), наличие которого как самостоятельного понятия зафиксировано еще в 50-е гг.¹ Так, в 1944 г. два американских исследователя в специальной работе неоднократно использовали понятия «globalize» и «globalism»². В начале 70-х гг. европейские управленцы использовали для обозначения растущей взаимозависимости национальных экономик французское слово mondialisation, из обратного перевода которого на английский язык возникла «глобализация» в том смысле этого слова, в котором оно сейчас используется. Применявшийся до того эпизодически, данный термин впервые был поставлен в центр концептуального исследования в 1981 г. американским социологом Дж. Маклиным, призвавшим «понять исторический процесс нарастания *глобализации* (курсив мой. – В. И.) социальных отношений и дать ему объяснение»³. В 1983 г. Р. Робертсон впервые вынес термин globality в

¹ См.: Third New International Dictionary of the English Language. – N. Y.; London: Merriam-Webster, 1961. – P. 965.

² См.: Reiser, Oliver and Davies, Blodwen. Planetary Democracy: An Introduction to Scientific Humanism and Applied Semantics. – N. Y.: Creative Age Press, 1944. – P. 212, 219.

³ Подробнее о возникновении термина см.: Scholte, J. Beyond the Buzzword: Towards a Critical Theory of Globalization // Globalization: Theory and Practice / Ed. by E. Kofman and G. Youngs. – London: Continuum, 1996. – P. 44–45.

название одной из своих статей, в 1985 г. он же дал подробное толкование понятия globalization, а в 1992 г. изложил основы своей концепции в специальном исследовании⁴. К середине 90-х гг. концепция глобализации, в рамках которой этот процесс трактовался как один из важнейших в условиях современного мира, была распространена уже так широко, что М. Уотерс писал: «Подобно тому, как основным понятием 80-х гг. был постмодернизм, ключевой идеей 90-х гг. может стать глобализация, под которой мы понимаем *переход человечества в третье тысячелетие*» (курсив мой. – В. И.)⁵.

И вот на протяжении почти двух десятилетий термин «глобализация» используется для обозначения нарастающей взаимозависимости мира – экономической, социально-культурной и политической⁶. Характерно, что он считается настолько понятным, что большинство авторов не дают ему определения даже в работах, непосредственно посвященных теории глобализации⁷. Попытки разобраться в смысле данного термина начинаются только тогда, когда он противопоставляется прочим однокоренным словам – таким как, например, «глобализм (globalism)» или «глобальность (globality)». Классическим определением этих понятий я бы считал формулировку У. Бека, который понимает под первым «убеждение в том, что мировой рынок преодолевает или подавляет политические барьеры... или идеологию доминирования рыночных сил (неолиберализма)», а под второй – сам факт того, что «мы уже долгое время живем в условиях всемирного общества в том смысле, что “закрытость” отдельных пространств является иллюзией»⁸. В то же время этот подход – только лишь один из многих; так, например, С. Тэлботт в только что вышедшей книге утверждает, что термин «глобализм (globalism)» просто-напросто отражает тот «факт, что человечество тысячелетиями устанавливает связи [между своими отдельными частями], в том числе простирающиеся через моря и океаны»⁹. Подробно дискуссия о различии глобализации и глобализма излагается в известной книге Р. Кохейна и Дж. Ная-младшего¹⁰, где авторы приходят к выводу, что такое различие не имеет серьезной научной значимости, а споры вокруг него представляются сугубо схоластическими.

Я согласен с мыслью Д. Белла о том, что сейчас «мир оказался подверженным экономической глобализации, которая отличается от системы взаимосвязанных национальных экономик (курсив мой. – В. И.)». Старая международная экономика представляла собой совокупность индустриальных, аграрных и добывающих об-

⁴ См.: Robertson, R. *Interpreting Globality* // Ed. by Robertson, R. *World Realities and International Studies*. – Glenside (Pa.): Pennsylvania Univ. Press, 1983; Robertson, R. *The Relativization of Societies: Modern Religion and Globalization* // Robbins, T., Shepherd, W. and McBride, J. *Cults, Culture, and the Law: Perspectives on New Religious Movements*. – Chicago: Scholars Press, 1985; Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. – London; Thousand Oaks (Ca.): Sage Publications, 1992.

⁵ Waters, M. *Globalization*. – London; N. Y.: Routledge, 1995. – P. 1.

⁶ Наиболее подробно этимология и происхождение термина рассмотрены в: Chanda, N. *Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers, and Warriors Shaped Globalization*. – New Haven (Ct.); London: Yale Univ. Press, 2007. – P. 245–254.

⁷ См., например: Bauman, Z. *Globalization: The Human Consequences*. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1998 (рус. пер.: Бауман, З. *Глобализация: последствия для человека и общества*. – М.: Весь мир, 2004), или Held, D. and McGrew, A. (eds.) *Globalization Theory: Approaches and Controversies*. – Cambridge: Polity, 2007.

⁸ Beck, U. *What Is Globalization?* – Cambridge: Polity, 2000. – P. 9–10 (я цитирую английское издание, так как перевод на русский язык [Бек, У. *Что такое глобализация?* – М.: Прогресс-Традиция, 2001] только запутывает проблему).

⁹ Talbot, S. *The Great Experiment: The Story of Ancient Empires, Modern States, and the Quest for a Global Nation*. – N. Y.: Simon & Schuster, 2008. – P. 257.

¹⁰ См.: Keohane, R. O., Nye, J. S., Jr. *Power and Interdependence*. – 3rd ed. – N. Y.: Addison-Wesley, 2000. – Ch. 10.

ществ, которые покупали друг у друга и продавали друг другу те или иные продукты. Глобализация создает единые мировые рынки для отдельных типов товаров», провоцируя «дальнейшее становление единства и унификации, наиболее заметное ныне в хозяйственной сфере. Такой тип взаимодействия заменяет прежние экономические отношения между государствами»¹¹. Глобализация не является «совершенно особым, современным, и, по всей вероятности, высшим этапом интеграции»¹², как это считают некоторые российские специалисты. Суть процесса глобализации – в становлении такого социально-экономического пространства, которое позволит человеку взаимодействовать с другими людьми, корпорациями и социальными структурами, не прибегая к посреднической роли собственного государства. В этом отношении У. Бек прав, считая глобализацию предпосылкой становления того космополитического общества, которое он видит «светлым будущим» всего человечества¹³ – хотя нельзя не отдавать отчета в том, что и вплоть до нашего времени глобализация была и остается преимущественно экономическим, социальным и культурным, но не политическим феноменом.

Я специально озаглавил эту статью «Современная глобализация и ее восприятие в мире», так как говорить о «теории глобализации», на мой взгляд, неправильно. Теории глобализации не существует – по крайней мере, за пределами России и других критически относящихся к «глобализации» стран. Сайт www.amazon.com, на котором представлено подавляющее число выходящих в мире книг, в ответ на запрос «theory of globalization» выдает в качестве наиболее точно подходящего результата книгу «Как футбол объясняет мир: неочевидная теория глобализации»¹⁴. Недавно вышедшая под редакцией Д. Хелда и Э. Макгрю книга «Globalization theory» лишь указывает на существование «современных теорий и нарративов глобализации, прикладных и нормативных»¹⁵, но не упоминает их авторов; сама же она представляет собой сборник статей ряда ученых по конкретным проблемам, порождаемым глобализацией. Место теории занимает масса отрывочных представлений о глобализации; из объекта исследования она становится целой научной областью, что подтверждается и недавним изданием тем же Р. Робертсоном и Я. Шольте 1800-страничной «Энциклопедии глобализации»¹⁶. А появление энциклопедий – верный признак того, что границы теории практически окончательно утрачены. Поэтому можно лишь присоединиться к мнению П. Тейлора, который уже в середине 90-х гг., сравнивая термин «глобализация» с появившимся в конце XVIII в. понятием «интернационализация», предполагал, что новый термин способен «повторить тот хаотичный путь и прийти к тому же бессодержательному финалу, что и его двухстолетний предок»¹⁷.

Можно ли дать процессу глобализации четкое определение? На наш взгляд, тот факт, что этого до сих пор не сделано, подчеркивает не столько сложность за-

¹¹ Белл, Д., Иноземцев, В. Эпоха разобщенностей. Размышления о мире XXI в. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – С. 9, 213.

¹² Делягин, М. Мировой кризис: общая теория глобализации. – 3-е изд. – М.: Инфра-М, 2003. – С. 51.

¹³ Подробнее о доктрине космополитического общества см.: Beck, U. *Der kosmopolitische Blick, oder: Krieg ist Frieden*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2004 (рус. пер.: Бек, У. Космополитическое мировоззрение / пер. с нем. под ред. и со вступительной статьей В. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008).

¹⁴ См.: Foer, F. *How Soccer Explains the World: An [Unlikely] Theory of Globalization*. – N. Y.: Harper & Collins, 2004 (запрос «theory of globalization» на сайте www.amazon.com [посещен 10 марта 2008 г.]).

¹⁵ Held, D., McGrew, A. *Introduction: Globalization at Risk // Globalization Theory: Approaches and Controversies* / Ed. By D. Held and A. McGrew. – Cambridge: Polity. – 2007. – P. 1.

¹⁶ См.: Scholte, J. A., Robertson, R. (eds.) *Encyclopedia of Globalization*. – N. Y.; London: Routledge, 2006.

¹⁷ См.: Taylor, P. *Beyond Containers: Internationality, Interstateness, Interterritoriality in: Progress in Human Geography*, 1995. – Vol. 19. – No. 1. – P. 14.

дачи, сколько то, что решение ее просто не представляется необходимым. В западной социологической теории определения исторически играли меньшую роль, чем в российском обществоведении, где многие известные ученые были десятилетиями озабочены придумыванием терминов и понятий (что в последнее время стало похоже на какую-то хроническую болезнь). Между тем сам по себе тот факт, что понятие «глобализация» не получило пока четкого определения, многое говорит о характере обозначаемого им процесса.

Есть ли у глобализации «двигатель»?

Одной из странных черт российской политологии последнего времени становится убежденность политологов в том, что самые значимые для современного мира события разворачиваются по определенному плану. Отразилась ли в их сознании та «вертикаль власти», что выстроена в стране в последние годы; расписались ли они в своей неспособности понять объективные процессы и их внутреннюю логику; стремятся ли выполнить чей-то политический заказ – я не собираюсь сейчас анализировать. Однако должен заметить, что понятие «глобализация» оказалось столь популярным отнюдь не только потому, что в конце XX в. процессы экономического и социального единения мира обрели невиданный масштаб, но и потому, что оно оптимальным образом снимало со всех субъектов этих процессов любую ответственность за их последствия.

Взглянем на заголовки книг наиболее известных авторов, чьи имена так или иначе ассоциируются с исследованиями глобализации (правда, о ней в разном контексте пишут почти все современные исследователи). Просмотрев каталог своей личной библиотеки, я могу констатировать, что данный термин обычно выносятся в название книг *в четырех случаях*. *Во-первых*, это книги, чьи авторы хотя бы познакомят читателя с историей понятия «глобализация» или же с той или иной степенью доходчивости сообщат ему, что это такое. Как правило, эти работы либо не приносят широкой известности¹⁸ либо пишутся теми, кто считается признанным специалистом в этой «сфере»¹⁹. *Во-вторых*, это книги (и к данной категории относится подавляющее большинство исследований), в которых сама глобализация принимается за объективную данность, а предметом изучения выступает ее влияние на те или иные экономические или социальные процессы, а также отдельные регионы мира. Типичным названием подобных работ выступает «глобализация и ...»²⁰; список их практически бесконечен. *В-третьих*, появляется все больше исследований, авторы которых стремятся изучить историю самого процесса глобализации (и углубляются при этом в прошлое на многие века, если не на тысячи лет)²¹. И, наконец, *в-четвертых*: это книги, которые написаны как мани-

¹⁸ К этой категории я бы отнес такие работы, как: Waters, M. *Globalization*. – London; N. Y.: Routledge, 1995 и Steger, M. *Globalization: A Very Short Introduction*. – Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2003.

¹⁹ Среди них можно выделить, например, труды того же У. Бека (Beck, U. *What Is Globalization?* – Cambridge: Polity, 2000), Я. Шольте (Scholte, J. A. *Globalization. A Critical Introduction*. – Houndmills; N. Y.: Palgrave, 2000), или Л. Склэр (Sklair, L. *Globalization. Capitalism and Its Alternatives*. – 3rd ed. – N. Y., Oxford: Oxford University Press, 2002).

²⁰ См., например: Clark, I. *Globalization and Fragmentation. International Relations in the 20th Century*. – Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1997; Holton, R. *Globalization and the Nation-State*. Houndmills. – N. Y.: Macmillan, 1998; Lal, D. *In Praise of Empires. Globalization and Order*. – Houndmills; N. Y.: Palgrave, 2004; Nassar, J. R. *Globalization and Terrorism. The Migration of Dreams and Nightmares*. – Lanham (Md.), Boulder (Co.); N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2005; Schirm, S. *Globalization and the New Regionalism*. – Cambridge: Polity, 2002; Stalker, P. *Workers Without Frontiers. The Impact of Globalization on International Migration*. – Boulder (Co.); London: Lynne Rienner Publishers, 2000 и т. д.

²¹ См., например: O'Rourke, K. H., Williamson, J. G. *Globalization and History. The Evolution of a Nineteenth-Century Atlantic Economy*. – Cambridge (Ma.); London: MIT Press, 1999; Hopkins, A. G. (ed.) *Globalization in World*

фесты, с одной стороны, критиков глобализации и «глобоскептиков»²² и, с другой – ее защитников и «глобооптимистов»²³. Конкуренция на этом поле столь велика, что порой даже маститые исследователи не могут изыскать для отражения своих мыслей различные названия²⁴. Хочется обратить внимание на то, что практически невозможно найти названий, в которых глобализация рассматривалась бы как активный субъект происходящих ныне процессов; она как бы постоянно присутствует на заднем фоне, но никогда не выходит на передний план (разумеется, за исключением тех случаев, в которых выступает в качестве «обвиняемого»). Почему?

Ранее нам уже приходилось давать ответ на этот вопрос. Он определяется двумя причинами, которые можно проиллюстрировать, сравнивая историю понятия «глобализация» с судьбой другого относительно абстрактного термина, появившегося в одно с ним время – «постиндустриальное общество».

В 60–70-е гг. десятки авторов пытались определить тот тип социального устройства, который постепенно приходил на смену традиционной модернити. Термин «постиндустриальное общество» обрел особую популярность по двум причинам. С одной стороны, он четко указывал на то, чем это новое общество *не является*. С другой – он *не определял* его базовых принципов и потому не подвергал сомнению основы существовавших в те годы социальных доктрин. С «глобализацией» произошло то же самое. Этот термин четко указывает на то, что мир уже *не является* фрагментированным, но при этом *ничего не говорит* о том, каким он стал. Именно поэтому широкое использование понятия «глобализация» было изначально предопределено. Оба понятия внутренне противоречивы. Строго говоря, никакое общество не может быть «индустриальным» или «постиндустриальным»; такие определения могут относиться исключительно к экономике²⁵. В той же мере бессмысленны формулировки типа «глобального мира»²⁶, так как «мир» – это само по себе всеобъемлющее понятие, и никаким иным, кроме глобального, он по определению быть не может.

Однако в одном аспекте понятие «глобализация» несомненно отличается от термина «постиндустриальное общество». Идеологи постиндустриализма указывали на возникшие в мире новые ресурсы и движущие силы – на появление ин-

History. – London: Pimlico, 2002; Osterhammel, J., Petersson, N. Globalization: A Short History. – N. Y.; Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2003; Robertson, R. The Three Waves of Globalization. A History of a Developing Global Consciousness. – Nova Scotia; London; N. Y.: Fernwood Publishing & Zed Books, 2003 и т. д.

²² Самые аккуратные тексты из этого лагеря представлены такими работами, как: Rodrik, D. Has Globalization Gone Too Far? – Washington (D.C.): Institute for International Economics, 1997; Rugman, A. The End of Globalization. A New and Radical Analysis of Globalization and What it Means for Business. – N. Y.; London: Random House, 2000 и Shipman, A. The Globalization Myth. – Cambridge: Icon Books, 2002.

²³ Лидерами в этом лагере с позиций профессионала выступает Дж. Бхагвати (Bhagwati, J. In Defense of Globalization: How the New World Economy Is Helping Rich and Poor Alike. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2004 [рус. пер.: Бхагвати, Дж. В защиту глобализации, пер. с англ.; под ред. и со вступительной статьей В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2005]), а с позиций дилетанта – Т. Фридман (Friedman, T. The World Is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century. – N. Y.: Farrar, Straus & Giroux, 2006 [рус. пер.: Фридман, Т. Плоский мир: краткая история XXI в. – М.: Изд-во «АСТ», 2006]).

²⁴ Характерно, что с интервалом в четыре года появились одинаково озаглавленные работы С. Сассен (Sassen, S. Globalization and Its Discontents. – N. Y.: The New Press, 1998) и Дж. Стиглица (Stiglitz, J. Globalization and Its Discontents. – N. Y.; London: W. W. Norton & Co., 2002).

²⁵ См. подробнее: Иноземцев, В. Постиндустриальная экономика и «постиндустриальное общество»: терминологические и концептуальные проблемы // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 140–152.

²⁶ Между тем подобные названия книг – не редкость; см., например: Torres, C. Democracy, Education, and Multiculturalism: Dilemmas of Citizenship in a Global World. – Lanham (Md.); Boulder (Co.); N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 1999; Peacock, J. and Matthews, C. The American South in a Global World. – Chapel Hill (Nc.); London: Univ. of North Carolina Press, 2005; Bowe, H., Martin, K. Communication Across Cultures: Mutual Understanding in a Global World. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007 и др.

формации как важнейшей экономической данности и класса носителей знаний как новой доминирующей в обществе силы. Идеологи глобализации практически сняли с повестки дня вопрос о том, какие новые возможности и движущие силы стоят за описываемым ими процессом. Теоретики постиндустриализма как бы *перекладывали* ответственность за судьбы *общества* с одного социального слоя на другой. Идеологи глобализации *освобождали* кого бы то ни было от ответственности за судьбы *мира*. Поэтому неудивительно, что этот термин впервые появился в годы наибольшей геополитической и геоэкономической неопределенности – на рубеже 70-х и 80-х гг., как неудивительно и то, что его распространение оказалось столь стремительным.

Неправильно говорить, что понятие «глобализация» пришло на смену термину «интернационализация». Несмотря на сходство их судеб, они отражают качественно разные явления. «Глобализация» вытеснила из оборота другие понятия, а именно: «европеизацию» и «вестернизацию», которые прежде воспринимались как характерные элементы эпохи модернити. Вестернизация исторически рассматривалась как процесс распространения на весь мир экономических практик и социальных порядков, сформировавшихся прежде всего в Европе. Это понятие в последней трети XX в. обрело полную определенность усилиями Ф. Дарлинга, Т. фон Лауэ и С. Латуша²⁷. Под европеизацией в прежние времена понималось расширение сферы действия европейского права, а также этот термин использовался для описания последствий миграции европейцев в те страны, где они затем становились этническим большинством (в последнее время, однако, понятие применяется прежде всего для обозначения расширения сферы применения подходов и принципов, принятых в Европейском Союзе²⁸). Между тем эти ушедшие в историю понятия гораздо точнее отражали происходившие в мире XX в. перемены и определенно указывали на их источник – Запад (а если быть более точным – Европу). Рассуждения же о глобализации, распространившиеся в последнее время, отражают радикальное изменение ситуации: сколько бы сегодня ни говорили о возрождении империй и их особой роли в формировании как прежнего, так и «нового» мирового порядка²⁹, глобализация становится синонимом неуправляемости планетарного масштаба.

И разве может быть иначе? Ведь под глобализацией, по сути, скрыт процесс замены прямого контроля над миром (не будем забывать: из 149 состоявших в 2000 г. в ООН неевропейских государств и территорий, не входивших ранее в состав СССР, 125 [!] хотя бы раз в своей истории управлялись европейцами) косвенным контролем, не предусматривающим ответственности. Лидер нового глобального порядка, Соединенные Штаты, радикально отличаются от лидера вестернизированного мира конца XIX в. – Великобритании. В 1896 г. доля экспорта в британском ВВП составляла 28 %, а импорта – всего 11 %; экспорт капитала из Англии

²⁷ См.: Darling, F. *The Westernization of Asia: A Comparative Political Analysis*. – New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, 1980; Laue, T. H. von. *The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective*. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 1987 и Latouche, S. *L'occidentalisation du monde: Essai sur la signification, la portée et les limites de l'uniformisation planétaire*. – Paris: Editions La Découverte, 1994.

²⁸ См., например: Featherstone, K., Kazamias, G. *Europeanization and the Southern Periphery*. – London: Routledge, 2001; Graziano, P., Vink, M. (eds.) *Europeanization: New Research Agendas*. – Houndmills; N. Y.: Palgrave & Macmillan, 2006; Headley, John. *The Europeanization of the World: On the Origins of Human Rights and Democracy*, Princeton (NJ). – Oxford: Princeton Univ. Press, 2007 и др.

²⁹ См., например, уже широко известную книгу: Ferguson, N. *Empire. How Britain Made the Modern World*. – London: Allen Lane, 2003 и еще только ожидающую признания: Khanna, P. *The «Second World»: Empires and Influence in the New Global Order*. – London: Allen Lane, 2008.

накануне Первой мировой войны достигал 4,5–10 % ВВП ежегодно³⁰. Европа в целом оставалась нетто-экспортером населения, исторгнув из себя за первые три десятилетия XX в. более 30 млн человек (заметим, что британское правительство рассматривало переселение в колонии как «перераспределение населения в пределах нации»³¹). При этом в одной Индии в 1850–1913 гг. британцы увеличили площадь орошаемых земель в 8 раз и построили железных дорог больше, чем в самой Англии. Ничего подобного сегодня нет и в помине. В 2007 г. доля экспорта в ВВП США с трудом дотягивает до 12 %, а импорт достигает 17,4 %³². Вместо экспорта капитала Америка имеет дефицит платежного баланса, подбирающийся к 800 млрд долларов в год. 10 % населения «глобальной метрополии» – иммигранты в первом поколении, что вводит в истерику даже самых «глобализированных» американцев³³. Никакие прямые инвестиции в инфраструктурные проекты (кроме военных баз) в других странах мира Соединенные Штаты не производят. Да и военные операции не приносят им удач: на бесславно заканчивающейся иракской войне уже побывало 1,6 млн военнослужащих³⁴ – больше, чем Англия задействовала во всех своих войнах второй половины XIX в., но Ирак, долгое время бывший спокойной английской колонией, так и не стал американской вотчиной.

Глобализация отличается от вестернизации тем, что у нее нет центра, в котором принимаются решения. Мир сегодня зависит от Соединенных Штатов не как от глобальной управленческой штаб-квартиры, а как от воронки, образующийся вокруг которой водоворот заставляет ее вращаться. Глобализация не требует насилия, на которое порой опиралась вестернизация; она основана на привлекательности образов, которые мастерски создает, и на стохастических действиях миллиардов людей, которые и определяют тенденции, неизвестные самим ее «архитекторам». Именно поэтому данный процесс не может описываться строгой теорией, а его обрывки достаются энциклопедиям и справочникам. Не случайно поэтому эпоху глобализации уже давно называют «периодом неопределенности»³⁵ и «обществом риска»³⁶. Эти эпитеты более точно и глубоко отражают суть нашего времени.

Насколько «глобальна» глобализация?

Этот вопрос является принципиальным для оценки как достижений глобализации, так и масштаба приносимых ею проблем. Современные историки – и об этом мы уже говорили – все активнее стремятся опровергнуть идею о том, что глобализация стала порождением последних десятилетий. Для этого у них, на наш взгляд, есть веские основания. Аргументация, построенная на оценке активного роста международной торговли, быстрого снижения таможенных пошлин и ценовых дифференциалов во второй половине XIX и начале XX вв. вполне позволяет говорить о том, что в истории глобализации было как минимум две «волны». Некоторые исследователи убеждены, что изначальный всплеск глобализации может

³⁰ См.: Findlay, R., O'Rourke, K. *Power and Plenty: Trade, War, and the World Economy in the Second Millennium*. – Princeton (NJ); Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. – P. 408, 412.

³¹ Morris, J. *The Pax Britannica*. – Vol. II: *The Climax of the Empire*. – London: Faber & Faber, 1998. – P. 69.

³² Рассчитано по отчету о состоянии внешней торговли Минстата США от 11.03.2008 г. (<http://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/2008pr/01/ft900.pdf>) и *Economic Report of the President. Transmitted to the Congress February 2008*. – Washington (D.C.): United States Government Printing Office, 2008.

³³ См.: Huntington, S. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. – N. Y.: Simon & Schuster, 2004. – P. 212–213, 218, 256.

³⁴ См.: Stiglitz, J., Bilmes, L. *The Three Trillion Dollar War: The True Cost of the Iraq Conflict*. – London: Allen Lane, 2008. – P. 77.

³⁵ См.: Elliott, L., Atkinson, D. *The Age of Insecurity*. – London; N. Y.: Verso, 1998.

³⁶ См.: Beck, U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986.

быть отнесен даже к еще более раннему периоду, к XVI–XVII вв., и рассуждают о «трех волнах глобализации»³⁷. Наиболее адекватным мне представляется подход Р. Финдлея и К. О’Рурка, которые склонны рассматривать экономическую историю начиная с 70-х гг. XX столетия не как специфический этап глобализации, а как восстановление ею утраченных в первой половине века позиций, называя этот процесс «реглобализацией»³⁸. Это так, но «реглобализацию» нужно оценивать беспристрастно.

Разумеется, существуют сферы, в которых ее превосходство над предшествующими этапами развития не вызывает сомнений. Прежде всего это касается информационной и технологической областей, где создано глобальное информационное пространство, а технологические перемены практически одномоментно происходят во всем мире благодаря интенсивной конкуренции. В то же время нельзя не заметить двух важных обстоятельств.

С одной стороны, хотя обороты международной торговли растут опережающими темпами по отношению к глобальному валовому продукту (опережая их в среднем вдвое), необходимо обращать внимание на направление товарных потоков. С 1950 по 1993 г. суммарный ВВП всех государств мира вырос с \$3,8 до \$18,9 трлн (или в 5 раз), а объем торговых оборотов – с \$0,3 до \$3,5 трлн (или в 11,7 раза)³⁹. В 1996–2006 гг. темп прироста объемов экспорта по всем странам мира составил 6,3 %, а темп прироста ВВП – около 3,5 %⁴⁰. Между тем, если в 1953 г. индустриально развитые страны направляли в страны, сходные с ними по уровню развития, 38 % своего экспорта, в 1963 г. эта цифра составляла 49 %, в 1973 г. – 54 %, а в 1990 г. – уже 76 %⁴¹. К началу XXI в. показатель стабилизировался на уровне 77–80 %. Во второй половине 90-х гг. развитые постиндустриальные державы импортировали из стран «третьего мира» (включая нефтедобывающие государства) товаров и услуг на общую сумму, не превышающую 1,2 % своего суммарного ВВП⁴². В последние годы эта цифра выросла до 3–3,5 %, но произошло это практически исключительно за счет роста цен на энергоресурсы и прочие сырьевые товары. То же самое можно наблюдать и на примере транснациональных инвестиционных потоков. В 1970–2000 гг. иностранные инвестиции в экономику США выросли в 18 раз, – однако компании семи стран (причем наиболее развитых) – Великобритании, Японии, Канады, Франции, Германии, Швейцарии и Нидерландов – суммарно обеспечили 85 % всех инвестиций в США и выступили реципиентами для 60 % американских капиталовложений за рубежом⁴³. Если в 1970 г. в Европу направлялось не более трети всех американских инвестиций, то сегодня – почти 53 %⁴⁴. Единственным заметным глобализационным процессом, в

³⁷ См., например: Robertson, R. *The Three Waves of Globalization. A History of a Developing Global Consciousness*. – Nova Scotia; London; N. Y.: Fernwood Publishing & Zed Books, 2003. – P. xi–xiii, 7–11.

³⁸ См.: Findlay, R. and O’Rourke, K. *Power and Plenty*. – P. 473–526.

³⁹ См.: Korten, D. *When Corporations Rule the World*. – London: Earthscan, 1996. – P. 18.

⁴⁰ См.: *World Trade Report 2007*. – Geneva: World Trade Organization, 2007. – Ch. 1. – P. 2.

⁴¹ См.: Krugman, P. *Peddling Prosperity. Economic Sense and Nonsense in the Age of Diminished Expectations*. – N. Y.; London: W. W. Norton & Co., 1994. – P. 231; Kenwood, A. G., Lougheed, A. L. *The Growth of the International Economy 1820–2000*. – 4th ed. – London; N. Y.: Routledge, 1999. – P. 288.

⁴² См.: Krugman, P. *Does Third World Growth Hurt First World Prosperity? // The Evolving Global Economy: Making Sense of the New World Order / Ed. By K. Ohmae*. – Boston: Harvard Business School Press, 1995. – P. 117.

⁴³ Рассчитано по: *World Investment Report 2000: Cross-Boarder Mergers and Acquisitions and Development*. – N. Y.; Geneva: UN Publications, 2000. – P. 31; Burtless, G., Lawrence, R., Litan, R., Shapiro, R. *Globophobia. Confronting Fears about Open Trade*. – Washington (D.C.): Brookings Institution, 1998. – P. 36, 39.

⁴⁴ См.: Hopkins, T.; Wallerstein, I. et al. *The Age of Transition. Trajectory of the World-System 1945–2025*. – London: Zed Books & Pluto Press, 1996. – P. 51.

котором развивающиеся страны представлены весьма заметно, остается миграция – но и она в наши дни не достигает тех масштабов, которые имели место в конце XIX в. Все это говорит о том, что глобализация (и тут ее критики во многом правы) в начале нового столетия «замыкается» в круге развитых стран, к которым присоединились несколько крупных азиатских государств, прежде всего Китай, в то время как значительная часть мира остается ею, по сути, не затронутой.

С другой стороны, следует заметить, что доля продаваемой за пределами развитых в промышленном отношении «укрупненных регионов» (Соединенных Штатов, Европейского Союза и Японии) продукции и услуг относительно невелика. Даже если мы возьмем самую, казалось бы, «глобализированную» отрасль – автомобилестроение – окажется, что лишь 17 % собранных в ЕС автомашин и всего 7,9 % сделанных в США продаются на экспорт. Общий объем экспорта товаров и услуг из всех стран мира (\$11,76 трлн в 2006 г.⁴⁵) составляет менее 19 % глобального валового продукта, а если исключить \$2,23 трлн, которые представляют трансакции внутри ЕС, то немногим более 15 %. Намного более заметной выглядит глобализация, например, финансовых услуг, но этими услугами пользуется небольшая часть населения планеты. Мировая экономика и в начале XXI в. остается в значительной мере локализованной.

В чем же наиболее полно проявляется глобализация? В соответствии с ранее предлагавшимися попытками ее определения, предположу: в том, что все большая часть производимых в отдельных странах продуктов и услуг создается на предприятиях или в компаниях, физически не принадлежащих резидентам соответствующих стран. Сегодня в США на предприятиях, контролируемых иностранными инвесторами, производится 16 % ВВП и занято почти 10,9 % активной рабочей силы; в ЕС эти показатели еще выше: 22,4 и 14,7 % (хотя тут, в условиях отсутствия границ и таможи и наличия единой валюты, само понятие «иностранный» быстро уходит в историю). Насколько должен этот факт волновать как приверженцев, так и оппонентов глобализации? На мой взгляд, *ни в малейшей мере*. В той же мере, в какой история XVIII–XIX вв. показала, что свобода человека – экономическая, политическая и социальная – оптимально обеспечивается в рамках национальных государств, в той же степени история XX столетия демонстрирует нам, что волюнтаризм национальных правительств – от гитлеровской Германии и сталинского СССР до унитаралистских США и репрессивных режимов в разных уголках мира – самый страшный источник зла в формирующемся глобальном миропорядке. Чем менее самостоятельными в своих решениях окажутся национальные правительства, тем адекватнее будут они вести себя по отношению как к другим странам, так и к собственным экономическим субъектам и гражданам. Ценность и значение современных глобализационных процессов заключена, на мой взгляд, в первую очередь в том, что они открывают перед людьми новые степени свободы в достижении своих целей и заставляют их правительства «сдавать новый экзамен» на зрелость. Критерием эффективности власти становится защита собственных граждан, а не достижение сомнительных «национальных интересов», как они определялись в эпоху геополитических доктрин XIX в.

Происходит ли политическая глобализация?

Однако оборотной стороной данного процесса выступает вопрос о том, происходит ли сегодня «политическая глобализация» и как могут сосуществовать в XXI столетии глобальная экономическая и социальная среда и ее национально-

⁴⁵ См.: World Trade Report 2007. – P. 6.

государственная форма. Однозначного ответа на этот вопрос нет; можно только констатировать, что в последние годы он обсуждается преимущественно в контексте двух важных международных проблем.

С одной стороны, это дискуссия вокруг природы и возможных путей развития самого крупного интеграционного эксперимента, проводимого в современном мире – формирования Европейского Союза. До сих пор не выработано единой позиции по вопросу о том, является ли ЕС формой «локальной» глобализации или же защитной реакцией на глобальные тенденции. Мало кто сомневается, что единая Европа, которая «во многих существенных пунктах выглядит развивающейся в направлении создания единой федерации»⁴⁶, «уже ныне является самой комплексной политической системой [the most complex polity], какую когда-либо производило на свет человечество»⁴⁷. В этом контексте становление наднациональных политических структур, несомненно, расширяет влияние глобальных процессов на все происходящее в пределах европейского континента. Разумеется, снятие внутренних границ и барьеров в самой Европе не предполагает исчезновения внешних, и сложно отделаться от впечатления, что «остров Европа» замыкается в себе, пытаясь противопоставить стихийности глобализации осознанную поступательность интеграционных усилий.

Постепенно, однако, в западной политологии начинает доминировать оптимистичный (а иногда и гипероптимистичный) взгляд на европейские достижения. Можно с уверенностью утверждать, что убогие рассуждения о никчемности европейцев à la Кейган⁴⁸ ушли в прошлое. Сейчас даже американцы ждут от ЕС то «позитивного примера, который он может продемонстрировать постсоветским государствам», как М. Мандельбаум⁴⁹; то привнесения в мир «европейской мечты», которая даст, наконец, альтернативу американской, на что надеется Дж. Рифкин⁵⁰; а порой даже успешного решения проблем и Балкан, и Ближнего Востока, и чуть ли не всего постсоветского пространства (П. Ханна)⁵¹. Как один из самых «проевропейских» политологов России (и автор проевропейской книги, вышедшей в Москве раньше всех указанных исследований⁵²), отмечу, что даже если не разделять чрезмерного оптимизма в отношении ЕС, изменение отношения к нему, безусловно, определяется осознанием большим числом исследователей очевидного факта: функции национальных государств не могут оставаться неизменными в эпоху глобализации⁵³.

С другой стороны, со времени окончания «холодной войны» во всем мире активизируется обсуждение еще одной темы, не менее тесно связанной с политиче-

⁴⁶ Burgess, M. *Federalism and the European Union: Building of Europe, 1950–2000*. – London; N. Y.: Routledge, 2000. – P. 263, 29.

⁴⁷ Schmitter, P. *How to Democratize the European Union... and Why Bother?* – Lanham (Md.); Boulder (Co.); N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. – P. 75.

⁴⁸ См.: Kagan, R. *Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order*. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 2003.

⁴⁹ См.: Mandelbaum, M. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. – N. Y.: Public Affairs, 2005. – P. 215–216.

⁵⁰ См.: Rifkin, J. *The European Dream. How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*. – N. Y.: Jeremy P. Tarcher / Penguin, 2004. – P. 6–8, 14.

⁵¹ См.: Khanna, P. *The Second World: Empires and Influence in the New Global Order*. – London: Allen Lane, 2008. – P. 28, 61, 218–219 и др.

⁵² См.: Иноземцев, В., Кузнецова, Е. *Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии*. – М.: Интердиалект+, 2002.

⁵³ См.: Ohmae, K. *The End of the Nation-State. The Rise of Regional Economies*. – N. Y.: The Free Press, 1995; Guéhenno, J.-M. *The End of the Nation-State*. – Minneapolis (Min.); London: Univ. of Minnesota Press, 2000 и др.

скими аспектами глобализации. Я имею в виду проблематику «глобальной управляемости (global governance)», которая становится все более популярной. Здесь исследователи обращаются к проблемам координации усилий международного сообщества в борьбе с терроризмом и бедностью; оценивают, какие меры экономического или даже силового воздействия можно применить к государствам, угрожающим безопасности соседей или массово нарушающим права человека; обсуждают, что можно сделать с территориями, на которых институты государственной власти по той или иной причине практически полностью отсутствуют. Сама по себе риторика относительно «нового мирового порядка», которая становится все более интенсивной вот уже пятнадцать лет, предполагает озабоченность несоразмерностью политической унификации мира его прогрессирующему экономическому и социальному единству. И даже несмотря на то, что после терактов 11 сентября 2001 г. многие исследователи поспешили объявить о «конце глобализации»⁵⁴ и даже попытались сравнить итоги этих трагических событий с влиянием, которое оказала Первая мировая война на «вторую волну» глобализации⁵⁵, проблематика глобальной управляемости становится только более и более популярной. Не исключено, что мы присутствуем при рождении нового крупного нарратива XXI в.

Несмотря на то, что политическая глобализация начинает проявлять себя в тех или иных аспектах, следует заметить, что национальные государства и в нынешних условиях остаются весьма мощными структурами, которые *вполне способны противостоять негативным аспектам глобализации*. Как отмечает Д. Родрик, «глобализация, с одной стороны, подрывает способность национальных государств осуществлять излишние регулирование и контроль, но, с другой стороны, она делает по-настоящему ценными прочные институты власти»⁵⁶. Автор этой цитаты, несомненно, прав: сегодня, как и раньше, власти национальных государств имеют право устанавливать таможенные пошлины и облагать налогами предприятия и компании (развивающиеся страны, замечу, пользуются этим активнее развитых – средние пошлины на импорт непродовольственных товаров в африканских странах составляют сегодня 45,4 % от их стоимости – против 1,8 % в странах ОЭСР⁵⁷), регулировать трудовые отношения, закреплять производственные стандарты и контролировать предельные уровни загрязнения окружающей среды. И если кто-то рассуждает о том, что «западные фирмы переносят в “страны Юга” самые “грязные” производства», то это происходит в первую очередь потому, что законодательство стран-реципиентов считает это допустимым. И проблема низких заработков или хищнического использования ресурсов – это не следствие злой воли «глобализаторов», а результат коррумпированности местных властей или осознания ими того, что такие последствия суть «справедливая» цена за вхождение в мировое разделение труда.

⁵⁴ См., например: Stiglitz, J. The Overselling of Globalization // Weinstein, M. (ed.). Globalization: What's New? – N. Y.: Columbia Univ. Press, 2005. – P. 229–232, а также: Rosenberg, J. Globalization Theory: A Post Mortem // International Politics. – Vol. 42. – 2005. – № 3. – P. 65–67; Saul, J. R. Collapse of Globalism: And the Reinvention of the World. – N. Y.: Overlook Books, 2005. – P. 11–23 и др.

⁵⁵ См., например: Ferguson, N. The War of the World: Twentieth-Century Conflict and the Descent of the West. – London; N. Y.: Penguin, 2006. – P. 779–782.

⁵⁶ Rodrik, D. One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. – Princeton (NJ): Oxford: Princeton Univ. Press, 2007. – P. 195.

⁵⁷ См.: Rodrik, D. The New Global Economy and Developing Countries: Making Openness Work. – Washington (D.C.): Overseas Development Council, 1999. – Table 1.3. – P. 11.

Ответом стран, с беспокойством относящихся к экономической глобализации, может быть только одно: совершенствование собственного законодательства – налогового, трудового, природоохранного, антимонопольного и т. д. – с тем, чтобы приход иностранных компаний не ударял бы по интересам их граждан. И это может позволить себе любая страна – от Либерии до Европейского Союза. Вопрос заключается лишь в желании ее власти и контролируемости этой власти ее собственным населением.

Более важным (и более непосредственным) проявлением политической глобализации я бы назвал процесс медленного разрушения государственного суверенитета ввиду, с одной стороны, нарастания хаоса и неуправляемости во многих странах, обычно относимых к «четвертому миру» (их иногда называют неуправляемыми хаотическими общностями [«ungovernable chaotic entities»]⁵⁸ или постгосударственными общностями [«post-state societies»]⁵⁹) и утрачивающих способность обеспечивать общественные блага для своих граждан; с другой – распространения доктрины прав человека как значимого элемента международного права. Так, У. Бек отмечает: «В международном праве содержатся правила использования силы, а также проведена грань между справедливой войной и неспровоцированной агрессией. Но сделано это неудовлетворительно, так как не учтено, *имеют ли право на существование сами государства* (курсив мой. – В. И.) или, точнее говоря, удовлетворяют ли они требованиям Всеобщей декларации прав человека... При переходе от национального государства к космополитическому мировому порядку происходит далеко идущее изменение в соотношении приоритетов международного права и прав человека. Принцип “международное право выше прав человека”, действовавший в условиях “первой модернити”, когда доминировали национальные государства, замещается принципом “права человека выше международного права”, которому подчинены глобальные отношения во “второй модернити”»⁶⁰. Оба этих обстоятельства существенно изменяют сложившуюся систему международного права. Во-первых, «вестфальская доктрина сдерживания не может функционировать в условиях, когда государства не способны эффективно контролировать свою собственную территорию»⁶¹. Во-вторых, «свобода действий суверенного государства на мировой арене должна быть в ряде важных аспектов ограничена и подвергнута контролю со стороны международного сообщества, так же как и абсолютная власть суверена – будь то монарх или народ – в пределах государства должна ограничиваться, обуславливаться рядом обстоятельств и не переставать быть подотчетной»⁶². Все это порождает практику гуманитарных интервенций, как сегодня принято называть акты вмешательства одних государств в дела других стран или целых регионов, которые не могут быть признаны легитимными (legitimate), но при этом и не противоречат принципу правомочности (legality)⁶³.

⁵⁸ См.: Rivero, O. de. *The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*. – London; N. Y.: Zed Books, 2001. – P. 147.

⁵⁹ См.: Reno, W. *Sierra Leone: Warfare in a Post-State Society* // Rotberg, R. I. (ed.) *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*. – Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 2003. – P. 71 и сл.

⁶⁰ Бек, У. *Космополитическое мировоззрение*. – С. 190.

⁶¹ Ignatieff, M. *The Lesser Evil. Political Ethics in an Age of Terror*. – Princeton (NJ); Oxford: Princeton Univ. Press, 2004. – P. 152.

⁶² Hoffman, S. *Sovereignty and the Ethics of Intervention* / Hoffman, S. (ed.) // *The Ethics and Politics of Humanitarian Intervention*. – Notre Dame (In.): Univ. of Notre Dame Press, 1996. – P. 18.

⁶³ Литература по этой теме сегодня стала очень обширной; укажем лишь, что основные принципы теории гуманитарного вмешательства хорошо изложены в: Tesón, F. R. *Humanitarian Intervention: An Inquiry into Law and Morality*. – 3rd ed. – Ardsley (NY): Transnational Publishers, 2005; см. также: Chandler, D. *From Kosovo to*

Результатом становится «ограниченный суверенитет» – реальность, еще плохо изученная отечественными авторами⁶⁴, но, безусловно, являющаяся продуктом «политической глобализации». Можно (и должно) спорить о том, позитивный или негативный характер носит данная тенденция в развитии международного правового порядка, но вряд ли стоит сомневаться, что она окажется менее объективной и непреодолимой, чем сама глобализация, которая ее порождает.

Кто недоволен глобализацией? Есть ли ей альтернатива?

В последние годы глобализация стала – и это хорошо известно – объектом политических нападок и теоретической критики. Рассмотрим бегло и первые, и вторые.

Те критики глобализации, которые обычно именуют себя «анти- (или «альтер-) глобалистами», в большинстве своем представители левых сил, ассоциирующие процесс глобализации с процессом расширения власти всемирного капитала над планетой и идущего с ним в ногу ужесточения эксплуатации трудящихся. Для такой трактовки есть основания (нарастание глобального неравенства не может не бросаться в глаза), однако ее сторонники, как правило, не учитывают двух обстоятельств. С одной стороны, они редко обращаются к опыту тех стран и народов, которые смогли поставить глобализацию на службу собственным интересам и интересам своих граждан. Известно, например, что большая часть экономических успехов стран Юго-Восточной Азии обусловлена успешной интеграцией государств региона в мировое рыночное хозяйство, и наоборот: вызывающие сострадания этих гуманистов государства Латинской Америки в 70-е гг. сделали все, чтобы остаться за бортом глобальной экономики. С другой стороны, антиглобалисты не учитывают того факта, что в последние тридцать-сорок лет самой тяжелой проблемой развивающихся стран является не их угнетение странами «Севера», а катастрофические масштабы злоупотреблений их собственного руководства. В мире начала XXI в. существуют по меньшей мере 40 государств, где ВВП на душу населения сегодня ниже, чем в 1965 г. Практически все они при этом являются рекордсменами по масштабам коррупции и доле военных расходов в бюджетных тратах; кроме того, ни в одном из них не существует демократических порядков. И перекладывать ответственность за бесконечные бедствия их граждан на «глобализацию» – значит не бороться со злом, а покрывать его.

Кроме того, я не могу не согласиться с Дж. Бхагвати в его утверждении о том, что «антиглобалисты» «зачастую обнаруживают энтузиазм и даже идеализм, но никогда – способность конкретно рассуждать о проблемах, необходимость разрешения которых они декларируют»⁶⁵. Ни одна из работ, вышедших из-под пера представителей этого направления, не содержит реалистических предложений по совершенствованию современного мирового порядка, экономического и политического. В значительной мере это, на мой взгляд, объясняется тем, что идеологически большинство антиглобалистов сформировались в период серьезного кризиса

Kabul. Human Rights and International Intervention. – London: Pluto Press, 2002; Chesterman, S. Just War or Just Peace? Humanitarian Intervention and International Law. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2003; Finnemore, M. The Purpose of Intervention. Changing Beliefs About the Use of Force. – Ithaca (NY); London: Cornell Univ. Press, 2003; Jackson, R. H. Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990; Haas, R. Intervention. The Use of Military Force in the Post-Cold War World. – Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 1999; Holzgrefe, J. L., Keohane, R. (eds.) Humanitarian Intervention: Ethical, Legal, and Political Dilemmas. – Cambridge: Cambridge Univ. Press. – 2003 и др.

⁶⁴ Среди новаторских работ на эту тему см.: Кузнецова, Е. Суверенитет. Незыблемый и неделимый? // Международная жизнь. – 2004. – № 7–8. – С. 150–167.

⁶⁵ Бхагвати, Дж. В защиту глобализации. – С. 26.

капиталистического хозяйства в 80-е гг., и они не готовы поверить в то, что современная глобализация подарила западному обществу выход из многих противоречий того времени, которые они почему-то считали неразрешимыми.

Второй лагерь составляют исследователи, которые не ставят своей целью бороться с глобализацией, но серьезно озабочены ее «неуправляемым характером». С некоторыми из выдвигаемых ими тезисов можно было бы согласиться, если бы в их рассуждениях не прослеживалось два «порочных круга». С одной стороны, сторонники «регулируемой глобализации», как правило, сами не слишком хотят создания каких-либо масштабных «регуляторов» этого процесса; никто из них не выступает за унификацию международного законодательства в экономической сфере, многие весьма скептически относятся к опыту Европейского Союза, а перспектива политического доминирования США в мире вызывает у них резкое отторжение. Никто не предложил пока способа, каким глобализация могла бы «управляться»; максимум, что можно услышать, – это перечень мер по сокращению масштабов спекуляций на финансовых рынках, но, на наш взгляд, никакие тенденции глобализации не будут поколеблены их имплементацией. С другой стороны, основные критики «неуправляемой» глобализации начинают свою карьеру критиканов после того, как многие годы возглавляют институты и агентства (или работают в них), которые могут считаться основными промоутерами этого процесса⁶⁶. Поэтому многие их рассуждения воспринимаются как весьма лукавые.

Характерно также, что большинство альтерглобалистов – выходцы из развитых стран, и там, где глобализация приносит наибольшие результаты (в тех же странах Юго-Восточной Азии, например), число их сторонников минимально. Мы с сожалением вынуждены констатировать, что движение это антипродуктивно и представляет собой отзвук уже обанкротившихся идеологий.

Альтерглобалисты не предлагают альтернативы глобализации; более того, всем своим образом жизни они показывают, что такой альтернативы нет. Нет и не может быть альтернативы свободе передвижения и возможности покупать те товары, которые больше нравятся. Компании не могут не приходить в те страны, где для них создаются более благоприятные условия. Граждане не могут не выступать против примитивных систем социальной защиты, и, глядя на более успешные страны, требовать большего. И, наконец, люди – и сторонники глобализации, и даже ее противники – не могут и не должны безучастно взирать на смерть и насилие, приносимые диктаторами и клептократами их собственным народам, даже если сами эти тираны прикрываются принципами нерушимости государственного суверенитета. Глобализация рубежа тысячелетий – это процесс формирования единого и целостного мира, и никто никакими силами не сможет его остановить.

⁶⁶ См., например: Иноземцев, В. Стресс глобализации: благородное возмущение и упрямая реальность (Рецензия на книгу: Stiglitz, J. *Globalization and Its Discontents*. – N. Y.: W. W. Norton & Co., 2002) // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 11. – С. 109–113.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА ПРЕСНОЙ ВОДЫ

В. И. Данилов-Данильян

Рассмотрены причины возникновения и усиления дефицита пресной воды, показано, что в середине третьего десятилетия XXI в. этот дефицит неизбежно примет глобальные масштабы и вызовет структурную перестройку мировой экономики. На мировом рынке будут ускоренно развиваться секторы водоемкой продукции, водосберегающих и водоохраных технологий, в то время как рынки воды останутся, в основном, бассейновыми из-за резкого скачка затрат на транспортировку воды при пересечении границ бассейнов. В России имеются колоссальные ресурсы пресной воды, использование которых позволит развить до экспортных масштабов производство различных видов водоемкой продукции и не только ответить на потребность мирового сообщества, но и обеспечить качественный экономический рост в стране.

1. Введение

Дефицит пресной воды – явление, знакомое человечеству с древнейших времен. Не раз он становился причиной кризисов и социальных катастроф. В традиционном обществе дефицит воды случался в локальных масштабах, и обусловленные им кризисы тоже оставались локальными. Но по мере развития человечества увеличивались масштабы и вододефицита, и кризисов. Именно водный кризис, обусловленный последствиями грандиозных работ по гидромелиорации (а именно – вторичным засолением почвы), стал причиной гибели цивилизации Древнего Двуречья. Аналогичные проявления неумелого водопользования привели к экономическому ослаблению Карфагена, последовавшему затем его поражению в войнах с Римом и фактическому исчезновению с карты Древнего Средиземноморья. В наши дни водный кризис приобретает глобальные масштабы.

По данным ООН¹, уже сейчас более 1,2 млрд людей живут в условиях постоянного дефицита пресной воды, около 2 млрд страдают от него регулярно (в сухой сезон и т. п.). По прогнозам ФАО, к середине третьего десятилетия XXI в. численность живущих при перманентной нехватке воды превысит 4 млрд человек. Подобные прогнозы представляются весьма правдоподобными. Еще в 1997 г. Дж. Родда² экстраполировал, во-первых, растущую кривую глобального водопотребления (при трех возможных сценариях) и падающую кривую экономически доступных водных ресурсов. Отметим, что при экстраполяции учитывались, есте-

¹ Глобальная экологическая перспектива 3. – М.: ИнтерДиалект, 2002; Вода для людей, вода для жизни. Доклад ООН о состоянии водных ресурсов мира. Обзор (Программа оценки водных ресурсов мира). – М., 2003.

² Rodda, G. On the problems of Assessing the World Water Resources // Geosci and Water Resource Environment Data Model. – Berlin: Heidelberg, 1997. – P. 14–32.

ственно, только сложившиеся тенденции, уже действующие факторы негативного антропогенного воздействия на водные источники (загрязнение, истощение вследствие недопустимо высокого водозабора, осушение верховых болот с неизбежным иссяканием питаемых ими малых рек, сведение лесов на водосборе и т. д.), ожидаемые, но еще практически не проявившиеся факторы (например потепление климата) в прогнозах такого рода не могут быть учтены. Получилось, что кривые водопотребления и доступных ресурсов пересекаются в 2035–2045 гг. (в зависимости от сценария). Однако за прошедшие 10 лет выяснилось, что потребление растет «круче», чем в самом неблагоприятном сценарии, а объем доступных ресурсов сокращается быстрее, чем в период, взятый за базу при экстраполяции, – при соответствующих корректировках пересечение приходится уже примерно на 2025–2030 гг.

Конечно, в реальности подобное пересечение вообще неосуществимо, кривая водопотребления не может подняться выше уровня предельно доступных запасов. Продолжение роста водопотребления с темпами, характерными для второй половины XX в., уже невозможно. Смысл экстраполяционного прогноза – предупреждающее знание, оно служит стимулом для постановки проблемы: как кривые, демонстрируемые экстраполяционным прогнозом, в ходе реализации процесса трансформируются силами, не принимаемыми во внимание при экстраполяции, что это за силы, как они будут действовать? Приближение глобального водного кризиса остановит рост водопотребления, это произойдет с той же непреложностью, с какой выполняются законы природы, но к каким экономическим, социальным и политическим последствиям приведет эта остановка?

В последние десятилетия все чаще дефицит пресной воды возникает в регионах, где его раньше не было, и повсеместно усиливается. Очевидная причина этого – расширение водопотребления увеличивающимся населением и растущей экономикой. Однако если бы дело ограничивалось только этой причиной, то ухудшились бы лишь относительные показатели водообеспеченности (не обязательно реального потребления): объем водных ресурсов в расчете на душу населения и на единицу производимого продукта. Однако пресной воды удовлетворительного качества становится меньше не только в относительном, но и в абсолютном измерении. Это обстоятельство часто недооценивается, подчас и вовсе остается незамеченным. Тем не менее, именно оно позволяет понять сущность процесса нарастания вододефицита и определить основные принципы стратегии, которая позволит развивающемуся человечеству решить проблему. Для его анализа необходимо начать с естественнонаучного аспекта, чтобы затем перейти к экономическому и политическому аспектам.

2. Водные ресурсы и их воспроизводимость

Пресную воду (во всяком случае, из поверхностных источников) привыкли считать **воспроизводимым, возобновляемым** ресурсом. Предполагается, что эксплуатация водных объектов не наносит им существенного ущерба, во всяком случае, ущерб не достигает критического уровня, за которым начинается деградация водного объекта – источника пресной воды, а ее воспроизводимость (даже необязательно в полном объеме) становится проблематичной. Часто водные ресурсы противопоставляют минеральным (прежде всего нефти), утверждая, что запасы нефти неизбежно иссякнут (с этим спорить не приходится), а запасы пресной воды – никогда. Для науки наивность подобных представлений очевидна уже много лет, но адекватное понимание проблемы все еще пробивает дорогу к общественному сознанию, хотя теперь каждому известны примеры гибели малых рек, зарастания озер, очень высокого загрязнения водных объектов всех видов и разновидностей.

Здесь следует разделять два аспекта. Первый касается **качества** воды в природных водных объектах, то есть ее пригодности для различных целей – прежде всего питьевого водоснабжения (именно здесь обычно применяются наиболее строгие критерии качества), рыбоводства, сельского хозяйства, использования в промышленности; главное здесь – изучение природных процессов воспроизводства качества. Второй аспект исследует физическое **количество** доступной воды и процессы воспроизводства этого количества. На первый взгляд, во втором аспекте возникают более простые проблемы, однако это не совсем верно. В качественном аспекте задачу (по крайней мере, при современном уровне знаний), как правило, рассматривают в относительно ограниченных, локально определенных рамках. В то же время границы той системы, которую нужно изучать для получения количественных оценок и прогноза их изменения, очертить гораздо труднее, они не только менее четкие, но обычно и гораздо более широкие, а сами процессы отличаются многообразием и высокой неопределенностью.

Для изучения проблемы в обоих аспектах одним из ключевых является понятие **экосистемы**. Это важнейшее для современного естествознания понятие в первом приближении можно определить как открытую воспроизводящуюся, саморегулирующуюся систему, в которую входят абиотические факторы внешней среды и сообщество живых организмов, обитающих в заданных этими факторами условиях³. Поверхностные воды суши – совокупность специфических и при этом весьма разнообразных экосистем. Как количество, так и главное – качество пригодной для использования воды, воспроизводимой конкретным водным объектом, в существенной мере зависят от соответствующей экосистемы и ее состояния. Угнетение, деградация, тем более гибель пресноводной экосистемы неизбежно влекут серьезное ухудшение качества, а подчас и ощутимое изменение количества воспроизводимой пресной воды. Нормально функционирующая экосистема находится в состоянии равновесия с окружающей ее средой, потоки вещества из системы и в нее сбалансированы (и значимо меньше, чем обмен внутри экосистемы). Отклонение от равновесия, если оно не превосходит саморегулирующих возможностей экосистемы, достаточно быстро устраняется. Чрезмерное воздействие на экосистему, превосходящее эти возможности, угнетает ее, инициирует деградиционные явления.

Изучение динамики экосистем, анализ их состояния – исключительно сложная задача. Главная характеристика, уменьшение которой однозначно свидетельствует об ухудшении здоровья экосистемы, ее угнетении, а затем и деградации – **биоразнообразие**. Оценивая биоразнообразие экосистемы, принимают во внимание как количество биологических видов, представители которых составляют соответствующее сообщество организмов, так и показатели внутривидового разнообразия. (В глобальной и региональной экологии обязательно учитывают также разнообразие экосистем.) Вторая характеристика – **биопродуктивность** экосистемы – показывает количество биомассы, которую она производит за год (имеется несколько способов измерения биомассы, чаще других используется приведение к массе органического углерода). Однако в отличие от биоразнообразия рост биомассы может быть и негативным симптомом, сигнализирующим о неблагополучии экосистемы (в частности, массовое размножение чужеродного вида может привести к нарушению экологического баланса, а в дальнейшем – к угнетению и деградации экосистемы). Чрезмерное **эвтрофирование** водоема (увеличение массы водорослей вследствие роста концентрации в воде веществ, связанных с оборотом органики, прежде всего соединений азота и фосфора, из-за смыва минеральных удобре-

³ Более точное определение, а также анализ альтернативных вариантов см., например, в Экологическом энциклопедическом словаре. – М.: Ноосфера, 2002.

ний с территории, а также сброса загрязненных органикой стоков) является едва ли не самой распространенной причиной ухудшения качества воды. Чаще всего эта причина – **вторичная**. Следует отметить, что в настоящее время практически во всех водных объектах России, расположенных в освоенных регионах, наблюдается активное эвтрофирование (это относится также к Каспийскому и Азовскому морям, Финскому заливу, заливу Петра Великого, бухте Золотой рог и другим участкам акватории наших морей).

Среди **первичных** процессов, обуславливающих ухудшение качества пресной воды, обычно в центре внимания оказывается антропогенное загрязнение. Естественно, в первую очередь – это сброс неочищенных сточных вод непосредственно в водные объекты. Далее следуют смыв разнообразных загрязняющих веществ (прежде всего минеральных удобрений, пестицидов, гербицидов) паводками и атмосферными осадками с почвы, проникновение поллютантов в поверхностные источники из подземных (чаще других такими поллютантами оказываются нефтепродукты, но свою лепту вносят соли тяжелых металлов, радионуклиды и т. д.). Существенную роль играет и выпадение загрязнителей из атмосферы, прежде всего с осадками: окислы серы и азота вызывают закисление почвы на территории водосбора с весьма серьезными последствиями и для водных экосистем, а восстановленный азот усиливает эвтрофикацию водоемов. Однако в случае природных водных объектов (как и любых иных экосистем) дело не в том, попадают или не попадают антропогенные загрязнители в эти объекты, а в том, как количество таких загрязнителей соотносится с возможностями, потенциалом самоочищения. Соответствующую характеристику обычно называют **ассимиляционным потенциалом** экосистемы. Предел воздействий на экосистему, превышение которого вызывает в ней необратимые деградационные процессы, называют ее **несущей емкостью**. В отличие от ассимиляционного потенциала несущая емкость учитывает не только загрязнения, но и все иные виды воздействия на экосистему, например забор воды (в том числе и из подземных источников), сведение леса на водосборе, горные выработки, нарушающие гидрогеологический режим, и многое другое.

Не вызывает сомнения, что проблема почти повсеместного ухудшения качества пресной воды в мире обусловлена тем, что антропогенное воздействие на ее источники – водные объекты – превышает их несущую емкость. Частный случай – антропогенное загрязнение, уровень которого превышает ассимиляционный потенциал экосистемы, – обычно принимают за главную причину. Однако другие антропогенные воздействия (примеры указаны выше) имеют не меньшее значение, причем не только в качественном, но и в количественном аспекте. **Истощение** поверхностных водных источников обуславливается прежде всего косвенными воздействиями на них – через нарушения лесных экосистем, режима воспроизводства подземных вод, механическую обработку почвы в сельском хозяйстве и пр. Важнейшее значение имеет распространение производимых человеком возмущений по «гидрологическим цепочкам», например, осушение верховых болот неизбежно влечет оскудение питаемых ими рек, чрезмерный забор воды из подземных источников может привести к катастрофическим последствиям даже для крупных рек.

Даже беглый обзор факторов, влияющих на воспроизводство водных ресурсов, убеждает в том, что важнейшее значение для возникновения водного дефицита имеет общее экологическое неблагополучие, которое сегодня характерно для большинства стран мира и биосферы в целом. Уничтожение лесных экосистем (а в настоящее время в мире сведено около 40 % лесов, существовавших три тысячи лет тому назад, причем основная часть этих потерь приходится на последние сто лет), опустынивание, с катастрофической скоростью распространяющееся во

многих регионах мира, почти полная утрата луговых и степных экосистем и замена их агроценозами – все это факторы истощения водных источников, ухудшения качества воды.

3. Экстенсивное водопотребление и пределы его роста

Понимание природных механизмов воспроизводства водных ресурсов необходимо для правильного выбора стратегии преодоления вододефицита. Человеку свойственно при возникновении какой-либо нехватки прежде всего искать дополнительные количества недостающего. Расширение ресурсной базы при сохранении используемых технологий в части как производственного оборудования, так и организации труда и структуры потребления – это **экстенсивный** путь развития, который в определенный момент неизбежно приводит к **пределу роста**⁴. Такое столкновение крайне болезненно для развивающейся системы, поскольку означает неизбежность выхода из сложившегося режима воспроизводства, причем с ухудшением практически всех экономических характеристик. Однако возможен и другой путь – развитие преимущественно за счет **интенсивных** факторов, когда общее потребление дефицитного ресурса не растет, зато увеличивается эффективность его использования, сокращаются его затраты на единицу получаемого экономического результата (например на единицу выпускаемой продукции).

Нетрудно сопоставить экстенсивный путь и развитие за счет интенсивных факторов с точки зрения воспроизводства водных ресурсов, то есть фактически – с экологических позиций. Экстенсивный путь предполагает прежде всего увеличение забора воды из естественных источников, а это может оказаться для них угрожающим фактором, если несущая емкость экосистемы превышена или воздействие на абиотические структуры чрезмерно. Раньше, чем достигается предел роста в экономическом аспекте, может сказаться экологический **предел разрушения**⁵. Примеров этому в истории немало – от древних времен до Аральской экологической катастрофы, произошедшей на наших глазах.

Тенденция к утрате водными ресурсами свойства воспроизводимости, очевидно, тесно связана с общим экологическим неблагополучием на планете и его непрерывным усилением. Крайне тревожно то обстоятельство, что ухудшение состояния окружающей среды происходит прежде всего в развивающихся странах и именно там, где наблюдается острый дефицит пресной воды. В таких регионах формируется контур положительной (усилительной) обратной связи: дефицит обуславливает такое водопотребление, когда превышает допустимая нагрузка на водные источники, а это превышение инициирует деграционные процессы в гидро- и экосистемах, в результате которых происходит истощение водных источников и ухудшение качества воды в них, так что в результате дефицит растет, и т. д. Стереотип мышления подталкивает к экстенсивному способу: надо обеспечить увеличение количества того, чего не хватает, в нашем случае – забор свежей воды из водных объектов. Но этот способ не только инициирует образование описанного контура положительной обратной связи, но и закрепляет его – вырваться из порочного круга становится все труднее.

Дефицит пресной воды, вне всяких сомнений, будет нарастать, если процесс экологической деградации не будет остановлен. Отсюда следует вывод: необходимым условием решения проблемы дефицита пресной воды является нормализация антропогенного воздействия на окружающую среду, экологизация производ-

⁴ Meadows, D. H., Meadows, D. L. et al. *The Limiting to Growth*. – N. Y.: Potomac, 1974.

⁵ Данилов-Данильян, В. И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. – Т. 39. – Вып. 2. – 2003.

ства и потребления, сохранение и восстановление необходимого для экологического баланса количества неугнетенных экосистем.

Таким образом, процессы и объекты воздействия, важнейшие для проблемы дефицита пресной воды, находятся вне сферы непосредственного действия рынка, оказываются **экстерналиями**. Качество окружающей среды, состояние экосистем, их биопродуктивность – все это не продается на рынке и прямо им не оценивается. Методы **интернализации внешних эффектов**, восходящие к А. Пигу⁶, позволяют в некоторых случаях на основе рыночной информации получать (косвенные) оценки экстерналий, но область их применения узка, и главное – велик разброс значений таких оценок при использовании различных методов и варьировании исходных данных в интервалах их возможных значений. Однако главная задача, решаемая интернализацией, – возможность управления использованием внешних факторов, в том числе природных (через налоги, фиксированные платежи в бюджет, страхование, механизмы стандартизации и нормирования и пр.), позволяет в принципе компенсировать недостатки рыночной системы, предотвращать так называемые «провалы рынка». Стандартная рыночная схема проста: дефицит продукта определяет рост цены на него, это стимулирует приток инвестиций в производство данного продукта и повышение предложения. Эта схема, вообще говоря, не срабатывает в случае дефицита воды прежде всего потому, что ее воспроизводство обеспечивается природными, а не техногенными системами, роль последних вторична и второстепенна в сравнении с первыми. Угроза природным процессам воспроизводства пресной воды исходит от человека и его хозяйства, и рынок сам по себе не мобилизует инвестиции для предотвращения этой угрозы, а наоборот, способствует формированию отмеченного выше разрушительного контура положительной обратной связи.

В течение XX в., и особенно в последние 50 лет, воздействие человека на водный цикл планеты достигло глобального масштаба. Данные об объеме сбросных вод, приводимые в различных источниках, сильно расходятся (как и нормы разбавления загрязненных вод). Тем более сложно оценить объем антропогенно загрязненных вод в самих природных объектах. Сопоставление различных данных приводит к выводу, что ежегодно в мире загрязняется от 12 до 17 тыс. км³ поверхностных вод, то есть порядка половины доступной пресной воды. Именно загрязнение водных объектов в настоящее время служит основной причиной нехватки воды, неустойчивости водопользования⁷.

Недопустимо высокий водозабор из многих рек, а также подземных источников обуславливает изменение режима водных объектов, чему способствуют также угнетение и преобразование естественных экосистем на водосборах и строительство всевозможных гидротехнических сооружений. Всемирная комиссия по воде (World Commission on Water) констатировала, что более половины крупных рек мира «серьезно истощены и загрязнены, деградируют и отравляют окружающие их экосистемы, угрожая здоровью и жизнеобеспечению зависящего от них населения»⁸.

К 1950 г. в мире было построено 5 тысяч плотин высотой более 15 м. Сейчас таких плотин более 45 тысяч. В последние полвека создавалось в среднем по две плотины в день. Однако возможности крупномасштабного гидротехнического строительства, отвечающего критериям экономической целесообразности, в Европе и США практически уже исчерпаны – именно этим, а не экологическими ограничениями, как нередко объявляется, следует объяснить весьма заметный спад

⁶ Пигу, А. Экономическая теория благосостояния. – М.: Экономика, 1985.

⁷ Данилов-Данильян, В. И., Лосев, К. С. Потребление воды: экологический, экономический, социальный и политический аспекты. – М.: Наука, 2006.

⁸ Глобальная экологическая перспектива 3. – М.: ИнтерДиалект, 2002.

такой деятельности в указанных регионах в последние годы. В развивающихся странах уровень использования гидропотенциала, естественно, заметно ниже, соответственно, больше возможностей возведения крупных гидротехнических сооружений. Спад крупномасштабного гидростроительства в Европе и Северной Америке объясняется тем, что там осталось совсем мало гидроресурсов, которые еще не вовлечены в хозяйство (а во Франции и ряде других стран Западной Европы их почти совсем не осталось). В Азии, Африке и Южной Америке неиспользуемых ресурсов много, там причина замедления гидростроительства другая: недостаток капитальных вложений. Потребности промышленных анклавов, контролируемых транснациональными корпорациями, удовлетворены, а внутренние потребности развивающихся стран богатых инвесторов не интересуют. Подчеркнем, что расширение водопользования требует взвешенных решений, иначе оно может привести к крайне негативным последствиям.

Таким образом, мировые резервы пресной воды, которые могли бы с приемлемыми затратами быть вовлечены в экономику, близки к исчерпанию. Между тем рост населения мира будет продолжаться еще по крайней мере полвека, хотя и с уменьшающимися темпами. Однако не только дополнительное население обусловит рост потребности в воде. Не менее важно, что этот рост поддерживается стремлением населения всех стран, а прежде всего – развивающихся, к улучшению качества жизни, невозможному без решения водохозяйственных проблем.

4. Альтернатива экстенсивному росту водопотребления

Экономическое процветание развитых стран в значительной степени обусловлено умелым использованием эффекта масштаба, когда отдача каждой следующей единицы затрат увеличивается с ростом объемов производства. Причины, формирующие возможность эффекта масштаба, действуют в обрабатывающей промышленности, особенно в массовом производстве и высокотехнологичных отраслях. В водопользовании, эксплуатации минеральных и биологических ресурсов, землепользовании подобные причины перекрываются иными факторами – действует закон **убывающей эффективности**. Затраты на транспортировку воды в масштабах ее промышленного, хозяйственно-питьевого и сельскохозяйственного применения (в км³) претерпевают резкий скачок при пересечении границ бассейна⁹.

Подчеркнем, что речь идет о промышленном и сельскохозяйственном использовании пресной воды. Представление о масштабах потребностей различных производств в воде дают несколько примеров. Теплоэлектростанция мощностью 1 млн кВт потребляет более 1 км³ воды в год, АЭС той же мощности – не менее 1,5 км³ воды в год. Средний расход воды на производство 1 т стали составляет около 20 м³, 1 т бумаги – 200 м³, 1 т химического волокна – более 4000 м³¹⁰.

Импорт 1 т зерна эквивалентен импорту 1000 м³ воды. Решающим обстоятельством для формирования потоков сельскохозяйственной продукции на мировом рынке становится дефицит воды. По водоемкости производства ввоз продуктов питания в Северную Африку и на Ближний Восток эквивалентен годовому стоку реки Нил. Необходим второй Нил – в определенном смысле виртуальный, чтобы накормить население этого региона при нынешних технологиях производства продуктов питания¹¹.

Утверждение о резком скачке затрат на транспортировку воды при пересечении границ бассейна справедливо именно для крупномасштабного водопользова-

⁹ Данилов-Данильян, В. И. Дефицит пресной воды и мировой рынок // Водные ресурсы. – 2005. – Т. 32. – № 5. – С. 625–633.

¹⁰ Экологический энциклопедический словарь. – М.: Ноосфера, 2002.

¹¹ Данилов-Данильян, В. И., Лосев, К. С. Указ. соч.

ния, типичного для промышленности и сельского хозяйства. Часто повторяемая констатация, что бутылка воды стоит дороже, чем бутылка бензина, и предположение, что перевозить ее можно теми же способами, справедливы не столько для воды, сколько для бутылок. Отмеченный ценовой феномен указывает прежде всего на то, какие уродливые формы принимает подчас удовлетворение навязанных потребностей в современном обществе потребления. К решению проблемы глобального дефицита пресной воды это отношения не имеет.

Скачок транспортных затрат – главная причина, из-за которой водой нельзя торговать так, как торгуют нефтью. Рынки воды за весьма редкими исключениями всегда будут не более чем бассейновыми (имеются в виду, естественно, крупные бассейны), так что смягчение дефицита воды в странах, где он уже имеет место и будет все больше усиливаться, возможно либо за счет широкомасштабного применения водосберегающих технологий, либо благодаря отказу от производства водоемкой продукции и замещению ее импортом (либо в результате изменения системы конечного потребления, но эта возможность находится за рамками нашего анализа).

По оценкам, затраты на развитие водного хозяйства в соответствии со стратегией «as usual» («как обычно», то есть продолжая на экстенсивной основе устоявшиеся тенденции) для водоснабжения, канализации, водоочистки, сельского хозяйства и охраны окружающей среды составят ежегодно 180 млрд долларов США до 2025 г. (в предположении, что крупномасштабные переброски стока не будут реализовываться). Эта колоссальная величина может быть сокращена на порядок – до 10–25 млрд долларов в год для последующих 20 лет, если широко применять интенсивные технологии¹². Дело, конечно, не только в сокращении затрат, но и в том, что эти технологии обеспечивают уменьшение объема используемой воды и улучшение ее качества в природных источниках за счет снижения антропогенного воздействия на них и их водосборы, не дестабилизируют водопотребление в долгосрочном аспекте, а наоборот, способствуют его устойчивости.

Каковы резервы экономии воды при переходе к интенсивным технологиям водопользования, можно судить по нескольким примерам. В 2000 г. удельная водоемкость экономики в м³/год на 1 доллар ВВП составляла: в России – 0,3 м³/год, в Швеции – 0,012 м³/год, в Великобритании – 0,007 м³/год, в Белоруссии – 0,22 м³/год. Относительно уровня 1990 г. удельная водоемкость экономики России выросла в два раза, Швеции – осталась на том же уровне, а Великобритании – в два раза уменьшилась (ни одна из этих стран не относится к вододефицитным)¹³.

На мировом рынке сектор технологий интенсивного водопользования – водозаэффективных, водосберегающих и водоохраных – будет все активнее развиваться и расширяться по мере усиления глобального вододефицита. Эти технологии основаны на использовании широкого спектра веществ «высокой химии» и управляющих информационно-вычислительных систем, продавцами здесь будут развитые страны, обладатели патентов, лицензий, «ноу-хау» и прочей интеллектуальной собственности, квалифицированных кадров, передовых высокоэффективных производств. В дополняющем его секторе водоемкой продукции продавцами могут выступать только страны, имеющие водные ресурсы в избытке по сравнению со своими внутренними потребностями. К ним принадлежит и Россия, уступающая лишь Бразилии по водообеспеченности.

Деградация малых рек, недопустимое загрязнение крупных рек и особенно их притоков – явления, характерные для всех регионов России с развитой промыш-

¹² Gleick, P. H. Global Freshwater Resources: Soft-path Solutions for the 21st Century // Science. – 2003. – 302, № 5650. – P. 1524–1527.

¹³ Конопляник, Ал. А. Концепция «виртуальной воды» (рукопись). – 2006.

ленностью и относительно высокой плотностью населения. Наша практика показывает, что и весьма значительные по объему водные ресурсы можно довести до деградации, если незначительно их использовать, пренебрегать элементарными правилами охраны вод, экологическими и гидрологическими требованиями – сбрасывать без достаточной очистки огромные массы стоков, бессистемно бурить скважины для эксплуатации подземных вод, варварски вырубать лес на водосборе, неграмотно проектировать и строить дороги и ГТС, захламлять земли в речных бассейнах и т. д. Если в европейской части России уровень использования гидропотенциала в хозяйстве (порядка 80–90 %) примерно такой же, как в развитых странах, то азиатская часть нашей страны по этому показателю скорее напоминает развивающиеся страны (35–50 %). Было бы катастрофой, если бы массовое хозяйственное освоение водных богатств к востоку от Урала в будущем произошло в таких же антиэкологических (да и антиэкономических) формах, как состоялось в прошлом к западу от него. Вовлечение водных ресурсов в экономику должно происходить только в таких формах и объемах, при которых гарантируется устойчивость водопользования, сохранение в полной мере свойства их возобновимости.

Подчеркнем, что рынок водоемкой продукции – это рынок продукции, а не сырья. Для эффективного участия страны в качестве продавца на этом рынке одних запасов природного ресурса мало – необходимо и использующее его производство, не только добыча и транспортировка сырья. Используемый ресурс – пресная вода – воспроизводимый, неиссякающий (естественно, при выполнении водоохранных правил, соблюдении гидрологических и экологических норм эксплуатации). Кроме того, это ресурс, в принципе не заменимый никаким другим, его субституты могут составлять ему конкуренцию лишь до определенного природообустроенного предела, поскольку сама жизнь основана на «мокрых» технологиях, и нижний предел использования воды (прямого и опосредованного, через пищу и т. п.) положен человеку как биологическому организму, независимо от уровня его экономического и социального развития.

5. Глобальный водный кризис и перспективы российской экономики

Каковы перспективы выхода России на рынок водоемкой продукции? Для промышленности они, несомненно, очень высоки. К весьма водоемким отраслям относятся все основные подотрасли **электроэнергетики**, и Россия имеет здесь весьма солидный технологический опыт и научный задел. Конечно, значительная часть оборудования на наших теплоэлектростанциях морально устарела и физически изношена, но перспектива экспорта электроэнергии может послужить стимулом для обновления. Россия имеет колоссальные запасы угля, и весьма вероятно, что до появления принципиально новых способов производства электричества они будут востребованы. Естественно, расширение использования угля требует перехода к технологиям, обеспечивающим радикальное сокращение негативного воздействия на окружающую среду. Кстати, нет сомнений в том, что и ожидаемые новые электропроизводящие технологии будут весьма водоемкими. Вода в значительных количествах необходима для **металлургического производства**, а СССР 20 лет назад был мировым лидером по объемным показателям выплавки стали и ряда цветных металлов. Исключительно водоемкими являются **нефтеоргсинтез, химия полимеров**, и, опять-таки, эта отрасль представлена в России как промышленными предприятиями, так и научными коллективами, способными вывести ее на высокий уровень эффективности. Существенным обстоятельством является и то, что продукция данной отрасли используется при производстве технологий интенсивного водопользования (полимерные трубы, фильтры и пр.). Это может стать стартовой площадкой для прорыва и на рынок высоких технологий этого профиля.

Еще одна водоемкая отрасль промышленности – целлюлозно-бумажная, традиционная для нашей экономики, прекрасно обеспечена в России не только водой, но и основным для нее видом сырья – древесиной.

В исследованиях проблем дефицита воды, однако, внимание обычно акцентируется на продукции не промышленности, а **сельского хозяйства**. На первый взгляд, здесь не найти особенно радужных перспектив для России. Холодный климат, бегство молодежи из села, обезлюдевшие деревни, массовый алкоголизм среди остатков не только мужского, но и женского сельского населения, утрата традиций ведения сельского хозяйства – все это хорошо известные и весьма негативные внутренние обстоятельства. К ним добавляется такой весьма существенный внешний фактор, как заниженные цены на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке. Тем не менее, острота неизбежного глобального водного кризиса заставляет внимательно рассмотреть и это направление.

Заниженные мировые цены на продукты питания – результат хорошо спланированной и реализованной политики развитых стран. В данный момент такие цены еще выгодны для них, как были выгодны заниженные цены на нефть в 1950–1960-е годы. Так будет не всегда. Как только в глобальном масштабе станет ощущаться недостаток продовольствия (именно в глобальном масштабе, а не в отдельных странах вследствие неурожая или иных относительно случайных обстоятельств), и это станет фактором международной нестабильности, причиной активизации терроризма и т. п., цены на сельскохозяйственную продукцию начнут расти. Значимость сурового климата часто переоценивается. Конечно, даже в условиях глобального потепления России не стоит надеяться стать экспортером, например, хлопчатника. Однако когда-то наша страна была главным экспортером зерна в мире, и это – лучшее доказательство того, что по природным условиям она может играть на рынке продовольствия далеко не последнюю роль и сегодня. Речь идет не о том, чтобы сеять пшеницу в бассейнах Яны или Индигирки. Надо использовать ту огромную (например, по западноевропейским масштабам) территорию, где у нас вполне приемлемые условия для сельского хозяйства. Таких урожаев и надоев, как во Франции или Нидерландах, у нас, скорее всего, не будет, но ведь по затратам на добычу и доставку внешнему покупателю наша нефть тоже примерно в восемь раз дороже, чем в Кувейте. Наконец, социальные и демографические факторы в российской деревне – это проблемы, которые необходимо решить независимо от того, что мы собираемся делать на внешнем рынке. Возможно, что одним из решающих моментов здесь должна стать миграционная политика. Так или иначе, но без возрождения сельского хозяйства у России нет будущего.

В настоящее время основой экономики Российской Федерации является топливная промышленность, база для ее развития – весьма значительные запасы минерального сырья, имеющиеся в стране. Однако эти запасы – невозпроизводимый ресурс, со временем он неизбежно иссякнет. Истощение запасов нефти, представляющей собой главную статью российского экспорта и определяющей основные источники дохода бюджета, прогнозируется через 25–30 лет. Однако с 1990-х годов геологоразведка не компенсирует в полной мере отработку эксплуатируемых месторождений вновь открываемыми. Принимая во внимание это обстоятельство, некоторые аналитики (а также министр природных ресурсов Российской Федерации Ю. П. Трутнев) прогнозируют истощение российских запасов нефти примерно через 15 лет. Во всяком случае, указывают именно этот срок, когда пытаются обосновать необходимость существенного улучшения работы геологоразведки и соответствующего увеличения ассигнований на нее.

Запасы природного газа истощатся позже, но вряд ли стоит рассчитывать на то, что с помощью этого вида углеводородного сырья удастся заделать все бреши

в хозяйстве, которые возникнут из-за истощения запасов нефти. Очевидно, что расширение добычи газа неизбежно ускорит иссякание и этого источника.

Однако даже если истощение запасов нефти и природного газа в России произойдет существенно позднее, нашей экономике все равно необходимо преодолеть чрезмерную зависимость от рынка энергоресурсов, диверсифицировать экспортное производство, развивая перерабатывающие отрасли.

В рассуждениях о будущем российской экономики обычно слышатся призывы к рывку в постиндустриальный мир, к переходу от сырьевого хозяйства к высокотехнологичному. Для такого перехода имеются важные предпосылки, но нельзя игнорировать и весьма серьезные препятствия. По удельным экономическим показателям наша страна существенно отстает от развитых стран. У нас неблагоприятная демографическая ситуация, ее радикальное изменение требует длительного времени. Положение усугубляется потерями интеллектуальных ресурсов из-за «утечки мозгов», и хотя в последние годы она заметно замедлилась, но уже понесенные утраты весьма значительны. Недостаток финансирования российской науки в течение более чем полутора десятилетий снизил как ее результативность, так и потенциал. Эти долгосрочные факторы будут остро сказываться именно в тот период, который будет ключевым для перехода к высоким технологиям. Поэтому маловероятно, что Россия сможет в течение двух-трех десятилетий преодолеть научно-техническое отставание от развитых стран по всему спектру высокотехнологичной продукции. Следовательно, необходимо выбрать приоритетные направления экономического развития, исходя из объективных преимуществ, которыми располагает страна. Представляется, что главное преимущество России в «постнефтяной» период – водные ресурсы.

Вода – не единственный воспроизводимый ресурс, так что напрашивается вопрос: не применимы ли рассуждения о воде, пусть с теми или иными модификациями, к другим воспроизводимым ресурсам? Первое, о чем вспоминают в этой связи, – лес. Россия – самое богатое лесом государство мира (как и в случае с пресной водой, обладает почти четвертью мировых запасов). Несомненно, в будущем лесная и, особенно, лесоперерабатывающая промышленность должны занимать существенно более значимое место в экономике России, чем сейчас. Однако в отличие от пресной воды кризисной ситуации с древесиной в мире нет и не прогнозируется. Кризис, несомненно, имеет место, если говорить о сохранности и биосферных функциях лесных экосистем (человек вырубил уже около 40 % лесов на планете), но это – совсем другой сюжет, во всяком случае, не предполагающий увеличения лесозаготовок. Далее. Древесина вполне заменима в большинстве сфер ее применения синтетическими материалами и/или металлами, а ее использование как источника энергии сближает лесное хозяйство с сельским, поскольку основано на использовании быстрорастущих пород (типа североамериканской сосны), высаживаемых на лесных плантациях. В этом случае мы опять возвращаемся к воде как необходимому фактору производства. Что касается иных «природных» биологических ресурсов, то трудно ожидать, что по значению для мировой экономики они приблизятся к водоемкой продукции. Исключение составляет марикультура, но, во-первых, это, по-видимому, более далекая перспектива (имея в виду массовое производство), чем здесь рассматривается, во-вторых, при весьма протяженной береговой линии для России характерны два фактора, существенно осложняющих развитие этого производства: первый – подавляющая часть наших морей – холодные воды Северного Ледовитого океана; второй – эти регионы почти не имеют населения.

Перестройка структуры мировой экономики под давлением угрозы глобального водного кризиса формирует исключительно благоприятные условия для водо-

обеспеченных стран, поскольку неизбежен рост спроса и цен на водоемкую продукцию. Экспортеры водоемкой продукции окажутся в положении, аналогичном тому, которое обеспечивает благоденствие нынешних экспортеров нефти. Воспользоваться этим шансом можно будет только при условии серьезной подготовки к развитию экспортных водоемких производств.

Одна из стратегических задач управления развитием российской экономики состоит в том, чтобы определить, какие отрасли наиболее перспективны в этом аспекте, создать благоприятные условия для их развития, синхронизированного с ожидаемыми неизбежными сдвигами на мировом рынке. Вполне вероятно, что именно производство водоемкой продукции станет доминирующим направлением для российской экономики в «постнефтяной» период. Эти отрасли и должны стать «заказчиками» на высокие технологии, специалистов, инфраструктуру и пр. В связи с этим весьма ответственными представляются задачи водохозяйственного комплекса страны (ВХК); в него включаются, с одной стороны, водное хозяйство как инфраструктурная и ресурсообеспечивающая отрасль, с другой – все основные отрасли-водопользователи. ВХК будет принадлежать одна из главных ролей в обеспечении устойчивости развития экономики страны. В свою очередь, водное хозяйство должно будет обеспечить, во-первых, устойчивое водопользование, во-вторых, неистощимость эксплуатации водных ресурсов, их гарантированное воспроизводство, сохранение природных механизмов, их адекватное возобновление.

Сейчас большое внимание уделяется вопросам энергетической безопасности (в различных аспектах). В условиях глобального водного кризиса на первый план выйдет водная безопасность. Мировое сообщество будет трактовать ее как такое распределение воды и водоемкой продукции, при котором не возникает угрозы мировой стабильности по причине водных войн, водного терроризма и т. п. Соответственно, мировое сообщество будет заинтересованно следить за эффективностью и полнотой использования водных ресурсов там, где они имеются. Поэтому трактовка водной безопасности на национальном уровне будет предполагать, во-первых, удовлетворение потребностей экономики страны в водных ресурсах и, во-вторых, соответствие потребностям мирового сообщества в эффективном использовании избыточных для национальной экономики водных ресурсов. Здесь нет противоречия между интересами мирового сообщества и национальными интересами, поскольку для страны выгодно эффективно и устойчиво использовать свои ресурсы, продавать водоемкую продукцию на мировом рынке по ценам, обеспечивающим как минимум нормальную прибыль. Реальное противоречие в другом: между интересами страны и способностью ее элиты (хозяйственной, административной, политической) обеспечить адекватное соблюдение этих интересов.

Проблема выбора стратегии развития российской экономики в «постнефтяном» периоде в научной постановке не рассматривается ни в отечественной, ни в мировой литературе. Не изучалась также роль водных ресурсов как структурообразующего фактора для реального сектора народного хозяйства России. Задачи водного хозяйства не ставились и не анализировались для условий, когда оно оказывается центральной ресурсообеспечивающей отраслью. Возможности развития производства водоемкой продукции в России практически не исследовались в общей народнохозяйственной постановке, хотя известны работы по отдельным отраслям (гидроэлектроэнергетика, отчасти орошаемое земледелие) в частных постановках. Системную, широкомасштабную, много- и междисциплинарную научную проработку этих проблем нельзя откладывать до времени, когда глобальный водный кризис из прогнозируемого превратится в реальный, к ней необходимо приступить уже сейчас.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

И. И. Мазур

Глобальный характер проблем энергетической безопасности диктует необходимость создания всемирной системы управления энергоресурсным балансом в интересах всего человечества.

Именно этим проблемам посвящена статья, позволяющая представить современную панораму и контуры будущего развития мировой энергетики, а также понять задачи, стоящие перед мировым сообществом.

Мировое сообщество, вступив в XXI век, все больше внимания уделяет решению глобальных проблем энергетической безопасности, которые определяют не только темпы социально-экономического развития, но и выживание человечества в будущем.

Хотя современная цивилизация – результат функционирования и взаимодействия многих сфер жизни общества (промышленное и сельскохозяйственное производство, наука, информационные технологии, образование и др.), именно энергетика является базовым и в то же время самым уязвимым его звеном. Последствия неожиданного «исчезновения» энергетики проявятся мгновенно, и масштабы потерь будут катастрофическими.

После отключения освещения, связи, отопления и водоснабжения прекратится нормальная жизнь в городах. Даже кажущийся автономным и независимым автомобильный транспорт быстро встанет, так как бензонасосы на заправочных станциях работают от электродвигателей. Нефть в XX в. стала «кровью» мировой индустрии и сбой в ее поставках неоднократно приводил к национальным и мировым экономическим кризисам.

За последние 40 лет потребление природных топливных ресурсов (нефти, газа и угля) увеличилось в 2,5 раза, и они составляют почти 90 % мирового энергобаланса. Появились различные прогнозы развития мировой энергетики после значительного истощения природных ресурсов.

В связи с ограниченностью природных ресурсов Земли и необходимостью обеспечения энергетической безопасности мирового сообщества на первый план выдвигается задача максимального использования возобновляемых источников энергии. В последние годы достигнут значительный научно-технический прогресс в использовании нетрадиционных источников энергии для выработки тепла и электричества.

Энергобезопасность и мировое энергетическое пространство

Энергетический кризис может грозить не только отдельно взятой стране или континенту, но и всей цивилизации в целом. Поэтому проблемы глобальной энергетической безопасности приобретают все большую актуальность и широко обсуждаются на международных саммитах самого высокого уровня.

По мнению экспертов Международного энергетического агентства (МЭА), энергетическая безопасность – это комплексная концепция, целью которой явля-

ется защита потребителей от перебоев в поставках, вызванных чрезвычайными обстоятельствами, терроризмом или недостаточным инвестированием в инфраструктуру энергетических рынков. Наибольшее внимание в последнее время уделяется таким ключевым вопросам, как международное сотрудничество, оптимальная организация рынков и унификация условий доступа потребителей к мировым энергетическим ресурсам.

Согласно среднему прогнозируемому сценарию организации ООН, численность населения мира вырастет с 6,2 млрд человек (на начало XXI в.) до 8 млрд к 2030 г. и до 10 млрд человек к 2050 г., при этом 80 % населения будет проживать в развивающихся странах. Численность населения Земли существенно влияет на потребление энергии, но в большей степени энергодобавка зависит от темпов индустриального развития. Например, в XX в. население мира выросло в 3,6 раза, в то время как мировой энергодобавка увеличилась более чем в 10 раз. Гигантские потребности в энергии были обусловлены интенсивным развитием промышленности преимущественно в странах Европы, в США и России.

Если бы другие страны мира развивались в последние десятилетия по аналогичному сценарию, то объем добычи нефти, газа и угля во много раз превосходил современный уровень. Для стран Юго-Восточной Азии в среднесрочной перспективе прогнозируются чрезвычайно высокие темпы роста экономики – до 4 % в год. Лидером в настоящее время является Китай с годовым приростом в 9 %. Обеспечить энергией такой рост экономики было бы невозможно по технологиям XX в. Именно поэтому инновационные технологии в энергетике приобретают определяющее значение в мире. В большинстве развивающихся стран сложившийся уклад жизни пока не требует таких же затрат энергии на душу населения, как в Европе или США, но к середине XXI в. в результате индустриализации экономики эти страны будут потреблять половину мирового энергодобавка.

В начале XXI в., как и в XX в., в основном реализуется простейшая схема обеспечения мирового энергодобавка путем увеличения добычи нефти, газа и угля. Проблемы истощения природных ресурсов и ухудшения экологической обстановки широко обсуждаются мировой общественностью и международными организациями энергетического и экологического профиля. Разрабатываются рекомендации по уменьшению потребления углеводородного сырья как по экологическим причинам, так и из-за истощения запасов. Активно пропагандируются возможности использования энергии ядерных реакций, ветра, Солнца, тепла Земли и других источников энергии.

Экологическая компонента становится жестким ограничителем объемов сжигания органического топлива. Поэтому наряду с эффективным энергосбережением требуется широкомасштабное получение энергии из новых источников, значительное увеличение КПД и улучшение экологических характеристик действующих и вновь сооружаемых энергетических установок, оборудования и др.

Глобальный спрос на энергию увеличивается стремительно (около 3 % в год). При сохранении такого темпа к середине XXI в. мировой энергодобавка может возрасти в 2,5 раза, к концу века – в 4 раза. Увеличение потребностей в энергии обусловлено ростом мирового населения и улучшением качества жизни, развитием мировой промышленности, индустриализацией развивающихся стран. Многократное увеличение объема мирового энергодобавка неизбежно ведет к значительному истощению природных ресурсов. Для уменьшения этих негативных последствий огромное значение имеет энергосбережение, которое позволяет производить продукцию и полезную работу с гораздо меньшим потреблением энергии, чем в прошлом веке. В XX в. эффективно использовалось около 20 % первичной энергии, в то время как новейшие технологии позволяют повысить коэф-

коэффициент действия энергетических установок в 1,5–2 раза. По экспертным оценкам, реализация программ энергосбережения позволит сократить потребление энергии на 30–40 %, что будет способствовать безопасному и устойчивому развитию мировой энергетики.

Потенциальные источники энергии в XXI веке

Анализ потенциала природных ресурсов Земли свидетельствует о том, что человечество обеспечено энергией на длительную перспективу. Нефть и газ обладают достаточно мощным ресурсом, однако этот «золотой фонд» планеты необходимо не только рационально использовать в XXI в., но и сохранить для будущих поколений.

Нефть. Мировая добыча нефти и газа будет непрерывно нарастать, хотя и с замедлением темпа роста. В отличие от прошлого столетия почти половину объема жидких и газообразных углеводородов прогнозируется получить из нетрадиционных типов природного сырья. В настоящее время из нетрадиционных источников (битумов, высоковязкой нефти, горючих сланцев) производится только 5 % синтетической нефти и менее 1 % газа (метан угольных пластов). Для широкомасштабного освоения нетрадиционных источников энергии потребуются как усовершенствование существующих технологий, так и создание способов разработки скопленных газогидратов и месторождений с низкопроницаемыми коллекторами. Кроме того, предстоит осваивать месторождения, залегающие на больших глубинах на суше и на море, что также приведет к многократному росту стоимости добычи.

В ближайшие десятилетия закончится эпоха «дешевых» углеводородов. Из месторождений в среднем по миру извлекается лишь 30–35 % запасов нефти, но при применении новейших технологий (компьютерные системы управления разработкой, многоствольное и горизонтальное бурение, закачка активных химических реагентов, перегретого пара и т. д.) коэффициент извлечения увеличивается в 1,5–2 раза.

В ноябре 2005 г. МЭА опубликовало доклад о состоянии мировой нефтяной отрасли и перспективах ее развития. Главный вывод этого доклада заключается в том, что, если не будут увеличены инвестиции в развитие мировой добычи и переработки, то в ближайшей перспективе спрос на нефть превысит предложение и цена начнет стремительно расти. В руководстве большинства стран Ближнего Востока активно обсуждается вопрос о привлечении крупных иностранных инвестиций и транснациональных корпораций в нефтегазовый сектор. Постоянное увеличение цен на нефть снизит темпы развития экономик крупных стран-потребителей нефти, особенно лидирующих по росту потребления энергии, прежде всего Китая и Индии.

Суммарных выявленных и прогнозных запасов традиционной (около 500 млрд т) и синтетической нефти (более 700 млрд т) при годовой добыче 4–5,5 млрд т хватит на длительный срок. Но обеспечение растущих потребностей человечества в жидких углеводородах (с сохранением значительной части месторождений для будущих поколений) возможно только при широкомасштабном производстве по передовым технологиям синтетической нефти из битумов, сланцев и угля. По прогнозам, к концу XXI в. доля нефти, добываемой из традиционных и нетрадиционных месторождений, в мировом топливно-энергетическом балансе снизится по сравнению с современным уровнем в 2 раза (от 39 % до 17 %).

Газ. Суммарных выявленных и прогнозных запасов газа традиционных (520 трлн м³), а также нетрадиционных месторождений – метана угольных пластов, залежей в битуминозных песках, сланцах и низко проницаемых коллекторах, незначительной части ресурсов газогидратов – (суммарная минимальная оценка

500–550 трлн м³) хватит более чем на 200 лет при годовой добыче 3–6,5 трлн м³. Решение проблемы разработки залежей газогидратов в несколько раз увеличит запасы метана, что обеспечит мировое сообщество голубым топливом на несколько столетий. Но для промышленной разработки газогидратов потребуется создание уникальных технологий.

Производство жидких углеводородов непосредственно на месторождениях позволяет полностью утилизировать попутные нефтяные газы, успешно разрабатывать месторождения природного газа на море и в удаленных регионах. Расширяются межгосударственные и межконтинентальные газопроводные сети, прогнозируется многократное увеличение производства и мирового рынка сжиженного природного газа. Спрос на газ увеличивается так быстро, что уже к середине века значение газа будет так же велико, как и нефти.

Уголь. Уголь продолжит играть важную роль в мировой экономике, а его доля в мировом энергетическом балансе сохранится на уровне около 22 %. Мировые доказанные запасы угля по своему энергетическому эквиваленту превышают суммарные запасы нефти и газа и обеспечивают современный уровень добычи (4,8 млрд т) в течение более 300 лет. В дальнейшем постепенно в промышленные категории будут переводиться огромные потенциальные ресурсы (по оценкам, более 4800 млрд т), которые при уровне добычи 10–14 млрд т обеспечат угольную отрасль сырьем на 400–500 лет. Научно-технический прогресс приведет к широкому внедрению автоматизированных систем добычи угля с использованием новых механизмов и робототехники. Применение принципиально новых способов сжигания угля многократно сокращает выбросы в атмосферу вредных веществ и увеличивает коэффициент действия энергетических установок. Новыми направлениями в использовании угля являются обогащение и очистка сырья, водоугольные смеси, углехимическое производство синтетического жидкого топлива, аммиака, метанола, удобрений. По прогнозам, уголь останется одним из лидеров топливно-энергетического комплекса и его роль в мировом энергобалансе составит 20–22 %. Громадные мировые запасы угля позволяют многократно увеличить добычу, что в значительной мере будет определяться темпами внедрения новых экологически чистых технологий сжигания угля.

Нефть, газ и уголь до конца XXI в. по-прежнему останутся базовыми элементами энергетики, их доля будет составлять около половины мирового энергобаланса. Рациональное использование невозобновляемых ресурсов – важнейшая задача мирового сообщества. В настоящее время нефть, газ и уголь используются преимущественно как топливо и только 4–5 % их объема поставляется в химическую промышленность. В перспективе потребуется многократное увеличение производства продукции нетопливного назначения (синтетические материалы, удобрения и т. д.). Нефть и газ сохранят свои ведущие позиции не только как источники энергии, но и как важнейшее сырье для получения специальных материалов, необходимых для развития современной цивилизации. По прогнозам, к середине XXI в. в химической промышленности будет использоваться до 10 % добываемых углеводородов, а к концу века – до 30 %. Эти объемы следует исключать из мирового топливно-энергетического комплекса (соответственно увеличится нагрузка на другие энергетические отрасли).

Атомная энергетика. На атомных станциях (АЭС) вырабатывается около 16 % мировой электроэнергии, а для многих развитых стран их доля превышает 60–70 %. В настоящее время АЭС построены в 32 странах, причем около 70 % мирового объема производства электроэнергии приходится на 5 из них (США, Франция, Япония, Германия и Россия). Формируется мировая ядерная программа, обеспечивающая единые нормы безопасности и предусматривающая контролируемый

доступ развивающихся стран к ядерным технологиям в мирных целях. Расширяется международное сотрудничество стран-лидеров в мировой энергетике. В XXI в. изменится структура атомной энергетики. Получат развитие реакторы на быстрых нейтронах, а в будущем и термоядерный синтез, внедрение которых позволит не только многократно увеличить мощности ядерной отрасли, но и сделать ее максимально безопасной. Кроме того, применение реакторов-бридеров в 60 раз увеличивает эффективность использования урановой руды, что обеспечит ядерную энергетику ресурсами не менее чем на тысячу лет.

Современные технологии обеспечивают надежное захоронение радиоактивных отходов, а переход к замкнутому ядерному циклу позволит производить их переработку и повторное использование в реакторах нового поколения. В результате широкомасштабных международных мероприятий по безопасности АЭС и захоронению отходов доверие общественности к атомной энергетике возросло. В большинстве стран планируется многократный рост атомной отрасли.

Развитие мировой атомной отрасли позволит решить энергетические проблемы во многих странах. В последние годы в мире введены в строй более 30 АЭС (22 в Азии) и строятся 27 АЭС (18 в Азии). При отсутствии в той или иной стране атомных технологий могут быть использованы модульные конструкции АЭС развитых стран с установкой их на время работы (20–25 лет) в нужном месте. Такие реакторы исключают возможность использования урана для создания ядерного оружия, а перезагрузка топлива проходит под контролем МАГАТЭ.

К концу XXI в. объем производства в ядерной отрасли возрастет по сравнению с современным уровнем как минимум в 10 раз. По экспертным оценкам, значительная часть энергии будет использоваться для получения водорода. Современное мировое производство и потребление водорода составляет около 50 млрд м³ в год. По прогнозам Российского научного центра «Курчатовский институт», к 2100 г. потребление водорода достигнет 800 млрд м³, а по максимальным оценкам международных организаций – 8000 млрд м³. Топливные элементы позволят использовать водород на транспорте и при производстве электроэнергии. Огромное значение имеют технологии получения высококачественного жидкого топлива из угля, битума, высоковязкой нефти путем их гидрогенизации (в присутствии водорода).

Во второй половине XXI в. возможно создание промышленных термоядерных реакторов, хотя из-за больших технических проблем они еще не станут лидерами в атомной отрасли. Существует гипотеза использования в качестве топлива гелия-3, огромные запасы которого обнаружены на Луне. Потребуется решить проблемы его извлечения из лунной породы и доставки на Землю. Использование гелия-3 на Земле предполагает создание системы принципиально новых термоядерных реакторов, разработка которых представляет собой сложнейшую техническую задачу.

Роль России в формировании мирового энергетического пространства

Россия, оказывающая значительное влияние на мировое энергетическое пространство, является не только крупнейшим в мире экспортером энергетических ресурсов, но и обладает большим научно-техническим потенциалом.

На мировой энергетической арене Россия играет важную роль в обеспечении глобальной энергетической безопасности. Геополитическое положение России позволяет обеспечивать поставки энергоресурсов на крупнейшие мировые рынки – европейский, североамериканский и в страны АТР.

Европейский рынок традиционно является наиболее емким. Россия заинтересована в том, чтобы в максимальной степени осуществлять экспорт нефти и газа со своей территории непосредственно потребителю, сокращая транзит. Увеличиваются мощности Балтийской и Каспийской трубопроводных систем (КТК),

начато строительство Северо-Европейского газопровода, нефтяных терминалов в Варандее, Индиге и на Кольском полуострове. Только в порту Приморск (Балтийское море), ориентированном на увеличение экспорта нефти и нефтепродуктов в Европу, предусмотрено увеличение мощностей до 62 млн т/год, а по системе КТК (через порт Новороссийск) – до 67 млн т/год. В ближайшее десятилетие возможно строительство второй линии газопровода «Голубой поток» для поставок газа на европейский рынок. По прогнозам, потребление газа в странах ЕС к 2015 г. достигнет 610–640 млрд м³, почти половина этого объема будет обеспечиваться импортом из России. Планируется также значительное увеличение экспорта в Европу российской нефти и нефтепродуктов. Рассматриваются также варианты объединения Европейской и Российской электрических сетей, что обеспечит стабильные поставки электроэнергии в страны ЕС. Таким образом, российские энергоносители обеспечат дальнейшее экономическое развитие Европы.

Постепенно растут поставки нефти на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). После завершения строительства нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан экспорт нефти в страны АТР достигнет 60–70 млн т/год. До сооружения этого нефтепровода будут увеличены железнодорожные поставки нефти в Китай: к 2010 г. – до 20 млн т/год, а в дальнейшем до 30 млн т/год.

Возможна также реализация проектов экспорта газа в Китай с крупного Ковыктинского месторождения и других, еще не разрабатываемых месторождений Восточной Сибири.

В ближайшей перспективе значительно возрастет экспорт нефти и газа в страны АТР с месторождений шельфа острова Сахалин.

Россия обладает не только огромным потенциалом природных ресурсов, но и уникальными технологиями во всех энергетических отраслях. Наряду с надежным обеспечением мировой экономики традиционными видами топлива Россия вносит большой вклад в развитие атомной энергетики и использование экологически чистых источников.

В российской атомной энергетике разработаны различные реакторы нового поколения – начиная от малогабаритных установок до мощных реакторов. Страна является мировым лидером по совершенствованию реакторов на быстрых нейтронах. В течение 25 лет успешно эксплуатируется Белоярская АЭС с реактором BN-600. Планируется перевод реактора на использование в качестве топлива оружейного плутония, а также строительство мощного реактора BN800.

Начиная с 1970 г. разрабатываются высокотемпературные атомные реакторы с гелиевым теплоносителем. Они характеризуются высоким уровнем безопасности и высоким КПД. Это новый тип атомных станций, способных вырабатывать тепло с температурой более 1000 °С, что позволяет использовать их для получения водорода и обеспечения процессов химической, нефтеперерабатывающей, металлургической и других отраслей промышленности.

В рамках международного проекта по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам (*INPRO*) решаются проблемы безопасного лизинга топлива и оборудования, создания международных центров топливного цикла. Научно-методическое руководство проектом осуществляется Российским научным центром «Курчатовский институт».

В гидроэнергетике накоплен многолетний опыт строительства крупных ГЭС в сложных физико-географических условиях. Планируемый рост гидроэнергетики на Дальнем Востоке позволит поставлять большие объемы электроэнергии в страны АТР.

Интерес для мирового сообщества могут представлять российские технологии строительства суперпротяженных нефтегазовых транспортных систем в сложнейших природно-климатических условиях, в том числе морских трубопроводов.

На саммите АСЕАН, состоявшемся с участием России в декабре 2005 г., были подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере высоких технологий и инвестиций в энергетику, промышленность, космические программы. Выступая на саммите, президент РФ В. В. Путин высказал убеждение, что Россия готова играть одну из ключевых ролей в формировании транспортной и энергетической архитектуры этого региона. Оценивая современные тенденции интеграции России в мировое энергетическое пространство, он отметил: «Весьма полезным может быть российский опыт в области гидро- и атомной энергетики, в проведении пилотных исследований нетрадиционных источников энергии и внедрения энергосберегающих технологий».

Россия органически вошла в мировое энергетическое пространство. Из стран, не являющихся членами ОПЕК, Россия – самый крупный поставщик нефти на мировые рынки. Активное присутствие России на мировых рынках нефти и газа – фактор, укрепляющий доверие потребителей к поставщикам. Стабильные поставки России на мировой рынок энергоресурсов и новейших энергетических технологий способствуют формированию единого мирового энергетического пространства и его безопасности. Поэтому закономерно, что проблемы глобальной энергетической безопасности были в центре внимания в июле 2006 г. Санкт-Петербургского саммита «Большой восьмерки» под председательством России.

Новая парадигма «Энергия будущего»

Для мировой цивилизации энергетика имеет основополагающее значение. Во многих странах разработаны программы развития энергетических отраслей на ближайшие десятилетия, однако они недостаточно учитывают структуру мирового энергетического баланса и роль инновационных технологий в будущем. Необходимо аккумулировать накопленный мировой опыт и научные знания, направленные на эффективное использование энергии. На протяжении развития цивилизации мировая энергетика непрерывно эволюционировала: от дров – к углю, от угля – к нефти и т. д. В настоящее время энергетический ресурс нефти и газа следует рассматривать как временный плацдарм для создания качественно новой мировой энергетики.

Формируется новая концепция, или парадигма, «Энергия будущего». Являясь системой взглядов на развитие мировой энергетики, новая парадигма энергетики устанавливает следующие приоритеты: энергосбережение; применение экологически чистых технологий добычи, транспортировки и сжигания топлива; использование возобновляемых источников энергии как основы развития человечества и сохранения значительных объемов природных ресурсов для будущих поколений.

Основные положения парадигмы «Энергия будущего» следующие.

1. Парадигма «Энергия будущего» предусматривает усовершенствование экономической структуры на локальных, региональных и глобальных уровнях в соответствии с принципами эффективного использования энергии, оптимального управления энергетическим балансом с учетом критериев качества энергии и экологической безопасности.

2. Для обеспечения многократного роста энергопотребления в XXI в. необходимо не просто интенсивное развитие всех отраслей и модернизация устаревшего оборудования, а внедрение высоких технологий и принципиально новой техники:

Энергосбережение – внедрение в мировом масштабе инновационных технологий.

Нефтегазовая отрасль – освоение нетрадиционных видов сырья (битумов, горючих сланцев, метана угольных пластов, газогидратов).

Угольная отрасль – использование новых типов ТЭС, производство экологически чистого твердого и жидкого топлива.

Ядерная энергетика – широкомасштабное производство энергии на АЭС новых типов, освоение термоядерного синтеза. Развитие водородной энергетики.

Возобновляемые источники энергии – усовершенствование технологий и строительство рентабельных энергетических установок. Законодательное инициирование и финансовая поддержка широкомасштабного внедрения инновационных технологий.

Для адаптации мировой энергетической системы к новым условиям необходимы формирование научно-технической базы и обеспечение благоприятного инвестиционного климата.

Государственное регулирование – один из определяющих факторов развития энергетики. На основе разумного сочетания государственного регулирования и рыночных принципов достигается экономический рост и максимальный научно-технический прогресс. Кроме того, важную роль играют институты гражданского общества, которые, в частности, влияют на экологическую государственную политику: все крупные проекты в обязательном порядке подлежат государственной и международной экологической экспертизе, осуществляется постоянный контроль за выбросами углекислого газа и др. Такие же жесткие санкции необходимо применять и к нарушениям норм эффективного потребления энергии. Соответствующие положения целесообразно включать в проектную документацию (параметры используемых энергетических установок, сроки модернизации производства и т. д.). Государственные органы должны осуществлять контроль за выполнением этих требований.

Человечество обеспечено энергией на длительную перспективу при условии эффективного использования энергетических ресурсов. Природные ресурсы Земли должны рассматриваться не как неиссякаемый источник энергии, а как трамплин для научно-технического прогресса и создания качественно новой мировой энергетики на основе возобновляемых источников энергии и новых открытий в изучении строения материи.

Проблемы глобальной энергетической политики обсуждаются на международных встречах самого высокого уровня. Ключевыми вопросами являются: эффективность функционирования глобальной энергетической системы, взаимодействия стран-производителей и потребителей энергоресурсов, развитие инфраструктуры топливно-энергетического комплекса, использование альтернативных источников энергии, охрана окружающей среды.

Все более важную роль играют неправительственные организации (НПО) разных стран. В России общественное движение «Энергетику XXI в. – на путь устойчивого развития» способствовало широкой пропаганде значения инновационных технологий во всех энергетических сферах. По инициативе президента России Владимира Путина в процесс развития инновационных технологий привлекается российская бизнес-элита, призванная оказать финансовую поддержку науке, образованию, созданию технопарков, новым разработкам в энергетике.

Возобновляемые источники энергии

Энергию воды, ветра и излучения Солнца человек начал использовать в глубокой древности – первоначально в простейших формах, а затем в механических устройствах и для производства электричества. Такие возобновляемые источники энергии служили основой для развития древних цивилизаций.

Гидроэнергетика. Наибольшее развитие получила гидроэнергетика, сформировавшаяся в мощную энергетическую отрасль. В мире построено свыше 7 тыс. крупных гидроэлектростанций, которые вырабатывают около 16 % мирового объема электроэнергии. Мировой потенциал гидроэнергии, экономически рентабельный для освоения по современным технологиям, используется только на 30–35 %, что свидетельствует о больших перспективах возможного развития отрасли. Крупнейшие производители электроэнергии на ГЭС – Бразилия, Канада, США, Китай и Россия, на долю которых приходится половина ее мирового объема.

В ближайшие десятилетия наибольший прирост мощностей ГЭС прогнозируется в странах Азии и Южной Америки, а позднее интенсивное строительство начнется также в Африке. В развитых странах практически не планируется строительство крупных ГЭС. Основные усилия направлены на реконструкцию и усовершенствование действующих агрегатов (новые типы турбин, гидроаккумулирующие станции), что более эффективно, чем сооружение новых плотин.

По прогнозам, производство электроэнергии на ГЭС к 2050 г. возрастет в 1,7–1,8 раза, к 2100 г. – в 2,2–2,4 раза. Доля энергии ГЭС в мировом энергобалансе XXI в. останется практически постоянной – около 6 %.

Нетрадиционные возобновляемые источники энергии

Благодаря научно-техническому прогрессу нетрадиционные возобновляемые источники энергии (солнечное излучение, ветер, стихия Мирового океана, тепло Земли) в XXI в. начинают использоваться на качественно новом уровне и в будущем смогут обеспечить значительную часть потребностей человечества в практически неисчерпаемой и экологически чистой энергии. Энергетический потенциал нетрадиционных возобновляемых источников энергии (НВИЭ) в 50 раз превышает современные потребности цивилизации. Однако существуют большие технические трудности в широкомасштабном внедрении новых технологий. В современном мировом энергетическом балансе доля НВИЭ оценивается в 2–2,5 %, а к концу XXI в. их роль значительно возрастет, снизив тем самым зависимость человечества от нефти и газа.

Энергия биомассы. В настоящее время основная часть – более 80 % – энергии НВИЭ производится из биомассы. При расчетах энергобаланса рассматриваются только новейшие технологии использования биомассы для производства электроэнергии и тепла на современных установках, получения биогаза, этанола и дизельного топлива. Примитивное сжигание биомассы для местных нужд оценивается лишь приблизительно (в мире потребляется около 1 млрд т у. т. в год), в то время как промышленные энергетические установки можно оценивать количественно и, соответственно, проводить статистический анализ.

Новые технологии использования биомассы развиваются по следующим основным направлениям: брикетирование отходов лесопереработки, сжигание горючих фракций промышленных и бытовых отходов, получение биогаза, этанола и дизельного топлива.

Солнечная и ветровая энергетика. Солнечные и ветровые установки начали сооружаться не только в Европе и Северной Америке, но и во многих других странах мира.

Современными солнечными тепловыми коллекторами в мире оснащены крыши более 40 млн домов. В Китае сосредоточено более 70 % мирового объема солнечных тепловых установок и планируется увеличить их число к 2015 г. в 3,5–4 раза. В Израиле, Японии, США и некоторых других странах почти половина домов снабжены солнечными панелями, которые обеспечивают горячее водоснабжение. Эти достижения представляют большой интерес для всего мира.

С каждым годом совершенствуется техническое устройство ветровых установок для производства электроэнергии и уменьшается их стоимость. По прогнозам, к 2050 г. мировое производство электроэнергии на основе ветра может увеличиться в 10 раз по сравнению с современным уровнем, а к концу XXI в. – в 30–40 раз.

В результате научных разработок стоимость строительства солнечных и ветровых установок в среднесрочной перспективе может уменьшиться в 2–3 раза. Таким образом, они составят конкуренцию традиционным электростанциям. По прогнозам, к середине XXI в. будет производиться солнечной электроэнергии в 10 раз больше современного уровня, а к концу века доля гелиоэнергетики в мировом энергобалансе превысит 3 %.

Геотермальная энергия. Наглядное проявление геотермальной энергии – горячие источники, гейзеры, выбросы пара. Тепло горячих источников используется очень давно, а в начале XX в. в ряде стран начали строиться электростанции, работающие на перегретом паре (ГеоЭС). В настоящее время геотермальная энергия используется в 62 странах, а лидеры по производству электроэнергии – Исландия, Япония, Новая Зеландия, США, Мексика, Филиппины. В 2004 г. в мире действовало 45 крупных ГеоЭС.

Другой источник геотермальной энергии – грунтовые воды, залегающие на небольших глубинах. Их температура недостаточна для прямого использования в быту или промышленности, однако, используя тепловые насосы, ее можно повысить до нужных кондиций. Многие жилые дома в странах Европы снабжены такими конструкциями, что обеспечивает экономию нефти, газа и угля.

Дальнейшие перспективы использования внутреннего тепла Земли связываются также с освоением глубоких недр (1–2 км), в которых содержатся огромные объемы воды с высокой температурой.

По прогнозам, по сравнению с современным состоянием к 2050 г. использование геотермальной энергии возрастет в 3–4 раза, а к концу века – в 15–18 раз.

Многообразие возобновляемых источников энергии позволяет выбрать для каждого района наиболее перспективные направления. Например, по экспертным оценкам, в странах Европы наиболее рациональный комплекс для северных регионов – ветровая, приливная энергетика и тепловые насосы, а для южных – солнечные установки. Для условий России большое значение имеет развитие технологий утилизации отходов лесозаготовок и деревообработки, поэтому в различных регионах (Республика Коми, Кировская область и др.) строятся заводы по гранулированию опилок. На Камчатке до 30 % необходимой энергии обеспечат новые геотермальные станции. Практически в каждой стране мира с использованием инновационных технологий может быть реализован потенциал той или иной энергии природных процессов.

Энергия морской стихии многократно превосходит гидроресурсы суши. Так, течение Гольфстрим в Атлантическом океане пронесет через Флоридский пролив в 20 раз больше воды, чем сток всех рек земного шара. После реализации сложнейших проектов строительства морских электростанций (пока гипотетических) будет производиться в 1000 раз больше энергии, чем производят ГЭС на суше.

Потенциальные возможности возобновляемых источников энергии практически неограниченны. Однако для эффективного их использования требуется создание новых технологий и оборудования, международное сотрудничество и финансирование перспективных проектов.

Охрана окружающей среды

Экологические проблемы все больше определяют перспективы дальнейшего развития общества. Техногенная деятельность человека стала уже опасной для

экосистемы Земли и инициирует механизмы деструктивного характера на региональном и глобальном уровнях.

Основными составляющими стратегии, определяющими императивы экологической безопасности, являются:

1) экологическое совершенствование энергетических технологий на действующих и новых производствах, обеспечивающих экологически безопасное использование энергоносителей, уменьшение объемов вредных выбросов;

2) активное вовлечение в топливно-энергетический баланс возобновляемых, наиболее чистых источников энергии;

3) утилизация, переработка и рециркуляция промышленных и бытовых отходов в качестве дешевого сырья для производства товаров, что снизит поступление вредных веществ в окружающую среду;

4) создание единых унифицированных стандартов в области энергетики, определяющих нормативно-технические и правовые меры экологической защиты регионов планеты.

Глобальная энергобезопасность

Проблема энергобезопасности приобрела особую остроту в связи с процессами глобализации мировой экономики, негативными воздействиями систем энергетики на окружающую среду, а также истощением традиционных энергоресурсов планеты. Все эти факторы представляют угрозу устойчивому развитию цивилизации.

В арсенале энергетики имеется большой набор первичных природных источников энергии.

Для предотвращения «энергетических» конфликтов и обеспечения энергобезопасности мирового сообщества в интересах настоящего и будущих поколений неизбежен переход от энергетической независимости стран к энергетической взаимозависимости и сотрудничеству.

Основоположениями положениями международного сотрудничества в области мировой энергетики будущего являются следующие:

1. Достоверность и прозрачность данных о запасах нефти и газа как основы долгосрочного прогноза объемов их добычи.

В 2000 г. ведущие международные организации – Азиатско-Тихоокеанский центр энергетических исследований, Статистическое бюро ЕС, Латиноамериканская энергетическая организация, Международное энергетическое агентство, ОПЕК и Статистический департамент ООН – предложили применять единый международный механизм сбора и стандартизации данных о мировых запасах нефти. Эта программа (с апреля 2003 г. она официально называется *Joint Oil Data Initiative, JODI*) обеспечивает наибольшую прозрачность информации о том, какими запасами нефти располагает мировое сообщество.

2. Обеспечение международного доступа к мировым энергетическим ресурсам – важнейшая проблема энергетической безопасности.

Для ее решения предусматривается разработка единых международных правил участия нефтяных корпораций как в разработке нефтегазовых месторождений в разных точках земного шара, так и в крупных транснациональных инфраструктурных проектах. Расширение межгосударственных и межконтинентальных сетей транспортировки нефти, газа и электроэнергии имеет первостепенное значение в создании единого мирового энергетического пространства.

3. Обеспечение предсказуемости международного рынка нефти и газа за счет расширения практики долгосрочных контрактов, развития диалога между потребителями и производителями энергии для установления приемлемых цен.

4. Активизация международного сотрудничества в энергетической сфере возможна только при сближении национальных нормативно-законодательных баз в областях природопользования, охраны окружающей среды, энергосбережения и энергоэффективности.

5. Диверсификация экспорта и максимальная защита эксплуатируемых месторождений нефти и газа, транспортных сетей и нефтехранилищ от техногенных катастроф и террористических актов.

Последние десятилетия характеризуются расширением международного сотрудничества в нефтегазовой сфере, что является важнейшим фактором глобальной энергетической безопасности. В 1991 г. был создан Международный энергетический форум (МЭФ). Раз в 2 года МЭФ проводит сессии, на которых проходят многосторонние дискуссии и консультации по проблемам развития мировой энергетики, рынков энергоресурсов и энергетической безопасности с участием более 70 стран – крупнейших производителей и потребителей нефти. Активная роль в работе МЭФ принадлежит ОПЕК и МЭА, что позволяет сбалансировать интересы крупнейших в мире групп производителей и потребителей нефти. Так, в 2005 г. после разрушительного урагана «Катрина» МЭА обратилась к ОПЕК с рекомендацией увеличить добычу нефти, что и было выполнено.

В конце 2005 г. по инициативе индийского министра нефти и газа Мани Шанкар Айяра в г. Нью-Дели собрался «круглый стол» с участием представителей энергетических ведомств Индии, Китая, России, Японии, Южной Кореи, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана и Турции, на котором обсуждались проблемы создания в ближайшей перспективе единой азиатской нефтегазовой сети на базе взаимозависимости стран – потребителей и производителей углеводородного сырья.

Расширяется международное сотрудничество стран-лидеров ядерной энергетики. В ближайшей перспективе во многих странах реализуются программы строительства АЭС нового поколения, в среднесрочной перспективе будет сформирована глобальная ядерная Программа, предотвращающая распространение ядерного оружия и сохраняющая доступ развивающихся стран к ядерным технологиям. Развитие мировой атомной отрасли будет способствовать укреплению глобальной энергобезопасности.

Обеспечение человечества энергией в долгосрочной перспективе

Обеспечение энергетической безопасности мирового сообщества в интересах настоящего и будущего поколений – обязательное условие развития мировой энергетики.

Энергетический рационализм – важнейшая составляющая развития человечества в XXI в. За счет энергосбережения в середине века прогнозируется экономить в год 6 млрд т у. т, что эквивалентно современной добыче нефти и газа, а к 2100 г. – 18 млрд т у. т, то есть больше, чем весь современный мировой энергобаланс – 14 млрд т у. т. Энергосбережение позволит сохранить значительный объем природных ресурсов для будущих поколений.

В период 2050–2100 гг. продолжится многократный рост угольной и атомной отраслей, а также возрастет значение возобновляемых источников энергии. Производство энергии с использованием нефти и газа сохранится на уровне 2050 г. Новые открытия, особенно в ядерной физике, приведут к гигантским изменениям в энергетике, но их потенциал невозможно оценить даже гипотетически. Если учесть, что при сооружении реакторов новых поколений возникают все более сложные научные и технические проблемы, становится ясно, что потребуется много десятилетий для их промышленного внедрения.

Наиболее важными элементами глобальной энергетической безопасности являются следующие.

– Диверсификация источников энергии, то есть экономика не должна чрезмерно зависеть от какого-либо одного энергоносителя, недопустима моноструктура энергетического баланса.

– Экологическая приемлемость, то есть развитие энергетики не должно сопровождаться увеличением ее негативного воздействия на окружающую среду.

– Рациональное потребление традиционных углеводородных ресурсов, то есть использование органического топлива в энергетике не должно приводить к нехватке его для химической промышленности.

– Переход от простых поставок сырья к международному сотрудничеству в области переработки энергоресурсов, обмена новейшими технологиями, широкому взаимодействию в инвестиционной сфере, а также в разработке современных норм энергосбережения.

– Высокие темпы освоения возобновляемых источников энергии позволят снизить зависимость мировой экономики от поставок нефти и газа и минимизировать затраты на транспортировку энергоресурсов.

– Интенсификация международных научных исследований во всех отраслях энергетики.

Обеспечение энергетической безопасности мирового сообщества может быть достигнуто только с учетом долговременных ориентиров и долгосрочных прогнозов и должно опираться на результаты глобального мониторинга энергоресурсов планеты и их использования.

Дальнейшая интеграция государств при решении научных и технических задач будет способствовать успешному внедрению инновационных технологий. Во многих сферах энергетики потребуются создание и реализация крупных программ, подобных международным разработкам при создании космических аппаратов или термоядерного реактора.

В начале XXI в. интенсивно формируется единое мировое энергетическое пространство – залог энергетической безопасности человечества. Для большей динамичности этого процесса в ближайшие годы необходимо разработать методологическую, нормативно-правовую и организационную основу мировой энергетики. Главнейшая задача второго этапа – в 2015–2030 гг. начать реализацию проектов в рамках Единой международной программы управления топливно-энергетическим комплексом.

На третьем этапе на основе долгосрочных общественно-государственных программ должна получить развитие система «Энергетика – Экономика – Природа – Общество», базисом которой призвана стать «зеленая» энергетика. Подобная глобальная программа XXI в. может быть создана под эгидой ООН при широком участии представителей власти, бизнеса, авторитетных ученых и общественных организаций.

В XXI в. нефть, газ и уголь останутся основными источниками мировой энергетики. Высокая эффективность этих источников энергии имеет большое значение для устойчивого развития человечества. Вместе с тем стратегия развития мировой энергетики должна учитывать перспективы использования экологически чистых источников энергии и новейших технологий их освоения, что позволит гарантировать энергобезопасность нашей цивилизации. Мировое сообщество должно совершить грандиозный научно-технический прорыв в освоении энергии земных недр, океана, солнца, космоса и мирного атома. Только тогда мы сможем удовлетворять растущий спрос на чистую, обильную, надежную и безопасную энергию – основу высокого уровня жизни, развитой экономики и культуры, международной и национальной безопасности. Этот источник жизненной силы мы обязаны многократно приумножить и передать в надежные руки наших потомков.

ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА: КТО ВИНОВАТ? И ЧТО ДЕЛАТЬ?

А. Б. Вебер

Глобальное изменение климата, как теперь доказано новейшими исследованиями, вызвано деятельностью человека. Осознание серьезности ситуации постепенно проникает в мировое общественное мнение. Еще существует возможность смягчить последствия, избежать худшего. Научное сообщество предложило правительствам конкретные рекомендации. Прислушаются ли к голосу ученых политики?

Собирают финики лопари,
А в Сахаре снегу невпроворот.
Это наши физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

Такие шуточные куплеты распевала когда-то студенческая молодежь, вряд ли предполагая, что в начале XXI в. глобальное изменение климата будет признано величайшей опасностью, с какой когда-либо сталкивалось человечество. Сегодня эта проблема все больше овладевает вниманием мира. О ней все чаще напоминают средства массовой информации и говорят политические деятели. Ей посвящают научные исследования и художественные фильмы. За усилия по углублению и распространению знания о порожденных человечеством изменениях климата присуждена Нобелевская премия мира 2007 г. – ее разделили Межправительственная группа экспертов ООН, многолетние исследования которой получили отражение в серии фундаментальных научных докладов, и американец Альберт Гор, бывший вице-президент США, поборник защиты окружающей среды, создатель знаменитого документального фильма «Неудобная правда» – этого страстного предупреждения об угрозе глобального потепления.

Вызов человечеству

К настоящему времени мировым научным сообществом получены неопровержимые доказательства векового тренда глобального потепления, которое служит индикатором изменения климата на Земле¹. За последние сто лет приземная температура атмосферы повысилась на 0,74 °С. Средняя температура в Северном полушарии во второй половине XX в. была выше, чем за любой 50-летний период в последние 500 лет и, вероятно, самой высокой в последние 1300 лет.

С феноменом глобального потепления согласуются такие, подтверждаемые огромным массивом эмпирического материала явления, как повышение уровня

¹ Данные, использованные в настоящей статье, заимствованы (если не оговорено иное) из следующих источников: 1) Intergovernmental Panel on Climate Change. Climate Change 2007: Synthesis Report (Fourth Assessment Report). Summary for Policymakers (www.ipcc.ch); 2) Stern, N. The Economics of Climate Change. The Stern Review. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007 (электронная версия: www.hm-treasury.gov.uk); 3) Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире; пер. с англ. – М.: Весь мир, 2007.

Мирового океана, таяние ледников и полярных ледовых щитов (особенно в Арктике), сокращение покрытых снегом и льдом площадей земной поверхности, увеличение количества осадков в одних регионах (восточная часть Северной и Южной Америки, Северная Европа, Северная и Центральная Азия) и сокращение в других, расширение засушливых зон (Африка, часть Южной Азии), более частые тропические циклоны в Северной Атлантике и т. п. Глобальное потепление и изменение климата в той или иной мере влияют на состояние многих природных экосистем и тем самым – на состояние биосферы в целом, на биосферные условия существования человека.

Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК), в которую входит до 2500 экспертов из 130 стран, в представленном ею в 2007 г. Четвертом докладе по оценке констатирует: глобальное потепление *неоспоримо* и уже *необратимо*. Согласно прогнозу МГЭИК, к концу XXI в. при сохранении нынешних тенденций приземная температура может повыситься по наиболее достоверной оценке еще на 1,8–4,0 °С (разные сценарии), но вероятны и большие значения – от 2,9 до 6,4 °С. Это повлечет за собой нарастание климатических «шоков» и катастроф – таких как более частые и обширные наводнения, затопление низлежащих прибрежных зон в одних регионах, засухи и опустынивание – в других. Что, в свою очередь, приведет к снижению производительности в сельском хозяйстве, особенно в засушливых зонах, истощению ресурсов водоснабжения, резкому сокращению биоразнообразия, распространению опаснейших инфекционных заболеваний, ухудшению вследствие всего этого условий существования огромной массы людей, особенно в беднейших странах, и к общему регрессу в развитии человечества на протяжении всего XXI в.

Почему бунтует природа?

К важнейшим результатам исследований МГЭИК, получившим отражение в последнем ее докладе, относится вывод о том, что наблюдаемое ныне изменение климата *инспирировано человечеством*². В этом отношении эксперты категоричны: по сравнению с предыдущим докладом (2001) они повысили степень своей уверенности в существенной роли антропогенного фактора с «вероятно» до «весьма вероятно» (или с 60 до 90 %).

До недавнего времени многими этот вывод оспаривался. Ссылались на природные факторы как главную причину глобального потепления, на то, что подобные явления наблюдались и в прошлом. Теперь можно считать научно доказанным, что на современном этапе роль антропогенного фактора перевешивает возможный «вклад» природных источников глобального потепления. С начала промышленной революции атмосферные запасы CO₂ возросли на *треть* – таких темпов роста не было за предыдущие 20 тыс. лет, как минимум. Нынешний уровень концентрации парниковых газов в атмосфере превышает естественный уровень, наблюдавшийся на протяжении последних 650 тыс. лет.

Главная причина этого – масштабное использование человеком углеводородов как источников энергии. Увеличение эмиссии двуокиси углерода (основного компонента парниковых газов) стало заметным с началом промышленной революции в Европе, ознаменовавшимся переходом к широкому использованию каменного угля, а затем, с конца XIX – начала XX вв., все большего включения в энергетический

² Согласно определению, принятому Рамочной конвенцией ООН по изменению климата, понятие «climate change» относится только к человеческой деятельности. Природные факторы обозначаются как «climate variability» (изменчивость климата).

баланс мировой экономики нефти и природного газа. С середины XIX в. увеличение масштабов эмиссии CO₂ строго коррелирует с ростом ВВП на душу населения.

Эти данные не оставляют почвы для сомнений и скептицизма. «Пять лет назад скептицизм в отношении возможного изменения климата являлся процветающим промыслом. Скептиков в вопросах изменения климата щедро финансировали крупные компании, их мнения широко освещали СМИ и внимательно выслушивали некоторые правительства, они оказывали неоправданно большое влияние на общественное понимание данной проблемы. Сегодня каждый заслуживающий доверия климатолог считает, что изменение климата реально, что оно серьезно и связано с выбросом CO₂», – отмечают эксперты ООН³.

Попытки отрицать решающую роль антропогенного фактора несостоятельны хотя бы потому, что он не только нарушает сложившийся природный баланс между естественной эмиссией парниковых газов и их поглощением, но и действует как «спусковой механизм» увеличения природной эмиссии (например, в результате таяния вечной мерзлоты) и, кроме того, ведет к сокращению поглощающей способности земной поверхности (вследствие сведения лесов, загрязнения поверхности океанов и т. п.). Поэтому можно говорить о совместном действии обоих факторов, среди которых антропогенному принадлежит сегодня ведущая роль.

Углеводородное сырье на ближайшие десятилетия остается главным источником получения энергии. По прогнозам, потребление нефти к 2025 г. увеличится не менее чем на 50 %, природного газа – на 70 % и каменного угля – почти на 60 %. Что касается ядерной энергии и возобновляемых источников, то их использование возрастет в меньшей степени и по-прежнему будет занимать довольно скромное место – 5,3 и 7,6 % соответственно⁴. Ископаемые углеводороды и в дальнейшем сохранят свои доминирующие позиции в глобальном производстве энергии.

А это значит, что будет возрастать и эмиссия двуокси углерода. Несмотря на предпринимаемые развитыми странами усилия по сокращению выбросов CO₂, общий объем эмиссии с 1970 по 2004 г. увеличился в мире на 80 %. Намечившаяся было ранее тенденция сокращения удельных выбросов (на единицу производимой энергии) после 2000 г. обратилась вспять. Главная причина – рост выбросов в развивающихся странах: в Китае только с 1990 по 2004 г. они увеличились более чем в два раза – на 110 %, в Индонезии – на 105, в Индии – на 90, в Бразилии – на 59,8 %⁵. Сейчас на долю развивающихся стран приходится 42 % выбросов, а Китай занимает по этому показателю второе место в мире после США. Доклад МГЭИК прогнозирует рост глобальной эмиссии парниковых газов в период до 2030 г. на 25–90 %.

Такова оборотная сторона капиталистической модернизации. Прогресс науки и техники со времени начала индустриальной эры позволил все шире использовать «даровые услуги природы» (термин Маркса). Главной энергетической основой экономического роста стало беспрецедентное по масштабам использование углеводородного топлива. Унаследованное от прошлого представление о неисчер-

³ Доклад о развитии человека 2007/2008. – С. 22. Американские специалисты, работающие по правительственной программе US Climate Change Science Program, в пику МГЭИК выступили «в защиту человечества», утверждая, что несправедливо винить людей в изменении климата, так как, по их оценке, «лишь треть» изменений можно объяснить антропогенным воздействием. Другими словами, виновата «небесная канцелярия». Лукавство тут налицо. Никто не отрицает роли природных факторов. Все дело в том, что именно появление антропогенного фактора нарушает сложившееся в природе климатическое и вообще биосферное равновесие.

⁴ Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States: 2007. US Census Bureau. Table 1354. – P. 858.

⁵ По данным того же источника.

паемости энергетических и других природных ресурсов обусловило крайне низкую их оценку. Понижению издержек добычи способствовала вертикальная интеграция производства – объединение «под одной крышей» добычи и переработки сырья. И главное – сохранившаяся с колониальных времен возможность получения дешевого сырья из стран капиталистической периферии, где его добыча долго оставалась под контролем западных монополий.

Изобилие и относительная дешевизна ресурсов – один из главных факторов экономического процветания Запада в новейшее время. Установившийся в мировых экономических отношениях диспаритет цен между высокотехнологичной продукцией индустриальных стран и сырьем, поставляемым менее развитыми странами, продолжал нарастать на протяжении большей части XX в. Лишь в последние десятилетия, когда на горизонте замаячила перспектива исчерпания сырьевых ресурсов, а государства третьего мира стали брать их эксплуатацию под свой контроль, наметился перелом в динамике цен на сырье: сначала в сфере нефтедобычи, а затем в некоторых других сырьевых отраслях.

Теперь эксперты ООН сетуют: «мир слишком увлекся (!) развитием в высшей степени углеродоинтенсивной инфраструктуры». Правильнее было бы сказать: мир увлекла на этот путь стихия рыночных сил, подкрепленная экономическим и политическим доминированием главных промышленных держав. Рынок реагирует преимущественно на краткосрочные или, в лучшем случае, среднесрочные сигналы (текущий спрос, прибыль), но слеп в отношении долгосрочных интересов и целей общества, не говоря уже об интересах всего человечества, его будущих поколений. Как говорится в Обзорном докладе об экономических аспектах изменения климата, подготовленном под руководством бывшего главного экономиста Всемирного банка Николаса Стерна (Доклад Стерна), глобальное потепление – свидетельство «крупнейшего рыночного провала, какой только видел мир»⁶.

Но это также свидетельство «провала политики». Свой немалый вклад в сложившуюся на планете экологическую ситуацию внесло соперничество великих держав и, особенно, мировые войны XX в., которые, помимо не поддающегося измерению колоссального непосредственного ущерба природе, означали также громадную растрату материальных и сырьевых ресурсов человечества. Не меньшим, а возможно, и большим ущербом природе и растратой ресурсов обернулась тянувшаяся десятилетиями «холодная война» с ее безумной гонкой ядерных вооружений. И это «организованное безумие» (В. Брандт) продолжается по сей день, представляя как бесконечная череда этнических конфликтов, гражданских войн, эксцессов международного терроризма и «войны против терроризма», как новая бессмысленная гонка вооружений.

В этом отношении преобладание рутинных рыночных мотивов в экономической деятельности и политически (и/или идеологически) мотивированное искажение приоритетов общественного развития идут рука об руку. Неoliberalная глобализация последних десятилетий скорее усугубляет ситуацию, чем способствует ее исправлению. Бурный рост мировой торговли и обострение международной конкуренции провоцируют антиэкологические практики, особенно в связи с ускоренным развитием энергетики, морского, железнодорожного и автомобильного транспорта, авиационного сообщения и т. д. Корпорации, озабоченные поддержанием своей конкурентоспособности, то есть снижением издержек, заинтересованы в экономии на природоохранных мерах; они лоббируют понижение национальных

⁶ Stern Review Report... – P. VIII.

и международных экологических стандартов или противятся их повышению, а то и просто их обходят. И подчас находят в этом поддержку своих правительств, как, например, в США, где администрация Буша в свое время отозвала подпись своей страны под Киотским протоколом. Готовность некоторых корпораций соблюдать экологические требования наталкивается на стоимостные барьеры, навязываемые жесткими условиями рыночной конкуренции.

Природа мстит человеку

Доминирующий в современном мире тип экономического развития вырос из европейских культурных корней – из связанных с ними представлений о господстве человека над природой, из идеологии прогрессизма и крайнего антропоцентризма, фаустовской тяги к открытиям и исследованию, к накоплению, торгово-промышленной экспансии и т. п. Ценностные приоритеты западного человека формировались в контексте кажущейся безграничности земных ресурсов и возможностей экономического роста. Увеличение материальных благ сегодня не воспринималось как препятствие для еще большего увеличения благ завтра.

Это представление было воспринято и марксизмом. Маркс, насколько можно судить сегодня, склонен был недооценивать значение природных ограничений для роста производства, полагая, что на достаточно высокой ступени развития производительных сил «все источники общественного богатства польются полным потоком» и станет возможным распределение «по потребностям»⁷. Энгельс, говоря о способности человека господствовать над природой, заставляя ее служить своим целям, обратил внимание на другую сторону дела. Он писал: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и в третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»⁸. Энгельс подчеркивал, что имеет в виду не только естественные, но и общественные последствия производственной деятельности человека. Приведя ряд примеров того и другого, он высказывал надежду на то, что со временем люди научатся заранее учитывать эти последствия и регулировать их.

К сожалению, это суждение оказалось слишком оптимистичным. Прошло более ста лет, но люди пока так и не научились заранее учитывать и регулировать последствия своей производственной деятельности. Положение ухудшилось настолько, что сегодня человечество стоит перед перспективой «двойной катастрофы» – той, что в ближайшее время грозит беднейшей части мирового населения, и той, что грозит в будущем всему человечеству.

Изменение климата уже заявило о себе как о мощной силе, влияющей на положение беднейшей части мирового населения. С 1975 по 2006 г. среднегодовое число масштабных стихийных бедствий выросло вчетверо. Только в 2003–2004 гг. зарегистрировано по меньшей мере 326 климатических катастроф, от которых пострадало 262 млн человек, что примерно в три раза больше, чем во второй половине 80-х годов. Причем до 98 % пострадавших – это люди в развивающихся странах. В указанный период погодные бедствия ежегодно затрагивали каждого 19-го обитателя этой части мира, тогда как в промышленно развитых странах – только одного из 1500. Причем речь идет лишь о верхушке айсберга, поскольку многие

⁷ Маркс, К. Критика Готской программы // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 19. – С. 20.

⁸ Энгельс, Ф. Диалектика природы // Там же. – Т. 20. – С. 495–496.

климатические бедствия локального характера не регистрируются или даже не упоминаются совсем, не подпадая под принятые критерии гуманитарного бедствия.

Существует ряд причин особой уязвимости развивающихся стран. Многие из них расположены в климатических зонах, наиболее подверженных стихийным природным бедствиям. Они не имеют достаточных ресурсов и средств для защиты населения. Здесь крайне высока концентрация бедности, а беднота особенно уязвима с точки зрения климатических рисков. Большую роль играют такие социальные факторы, как сосредоточение населения в опасных районах – например, в городских трущобах на неукрепленных склонах, в деревнях, расположенных в районах возможных наводнений и т. п. Сильная экономическая зависимость от сельского хозяйства также повышает степень климатических рисков, от которых уже сегодня страдают сотни миллионов людей. Лишения, которые приносят беднякам стихийные бедствия, означают, как правило, утрату средств существования, сужают их жизненные возможности, обрекают на деградацию человеческого потенциала.

Прогнозы экспертов ООН в отношении последствий климатических изменений для развивающихся стран неутешительны. В Африке к югу от Сахары, Восточной и Южной Азии глобальное потепление скажется особенно сильно, это выразится в более частых засухах и обострении проблемы водоснабжения. Значительные потери сельскохозяйственной продукции приведут к росту недоедания и уменьшению возможностей сокращения бедности. К 2080 г. число людей, сталкивающихся с угрозой голода, может увеличиться на 600 млн человек. Осложнятся перспективы развития образования, увеличится заболеваемость, ухудшится состояние здоровья людей.

Если пока воздействие климатических изменений проявляется с определенным перекосом в сторону беднейших стран мира, то в дальнейшем, при сохранении существующих тенденций, будут все больше страдать и богатые страны. Последствия глобального потепления, особенно если оно будет происходить по максимальным сценариям, затронут все человечество. Климатические бедствия, подобные напавшей жары, которую испытала Европа в 2003 г., когда от тепловых ударов умерло 35 тыс. человек, или урагану «Катрина» (2005), который привел к разрушению Нового Орлеана, гибели 1500 его жителей, и лишил крова 750 тыс. человек, станут обычным явлением.

К середине текущего столетия экономические потери от ураганов, смерчей, наводнений, оползней, засух, лесных пожаров могут превзойти потери, причиненные мировыми войнами и кризисами первой половины XX в. Это и есть то, что эксперты ООН называют второй катастрофой, подстерегающей человечество. Кроме того, неравномерное распределение последствий климатических изменений поведет к обострению борьбы за ресурсы, к увеличению пропасти между богатыми и бедными странами, к росту недовольства и гнева среди беднейших групп мирового населения, а тем самым к усилению международной напряженности, к угрозе новых конфликтов и войн⁹.

Глобальные масштабы проблемы, инерционность климатических процессов, связанная с этим неопределенность перспектив – все это диктует необходимость срочных действий, направленных на предотвращение грозящих опасностей. Со-

⁹ Примером конфликтов из-за нехватки ресурсов вследствие изменения климата может служить трагедия Дарфура (Судан), где войне, унесшей сотни тысяч жизней, предшествовали два десятилетия засухи, которая и стимулировала жестокие распри между земледельческими и скотоводческими общинами (Пан Ги Мун. Война и климат // НГ-Дипкурьер. – 2007. – 2 июля).

гласование международной программы действий, принятие решений и их реализация – это *политическая* задача, стоящая перед национальными правительствами, перед всем мировым сообществом. Но здесь оно сталкивается с трудностями, которые иногда кажутся непреодолимыми.

Кто виноват?

Главная трудность связана с крайне неравномерным распределением выбросов парниковых газов между странами – развитыми и развивающимися, большими и малыми. Сегодняшнее изменение климата обусловлено прошлыми выбросами, а большая часть ответственности за них лежит на промышленных странах (до 70 % запаса выбросов, накопленного с начала индустриальной эры). Что касается текущих потоков выбросов, которые определяют тенденции глобального потепления в будущем, то ситуация постепенно меняется: доля развитых стран в общем объеме выбросов сокращается (сейчас около половины), тогда как доля развивающихся стран возрастает.

Можно было бы говорить о сближении между первыми и вторыми, если бы не важное «но»: по объему выбросов на душу населения (так называемый «углеродный след») богатые страны в десятки и даже в сотни раз превосходят бедные и беднейшие страны. Представляя лишь 15 % мирового населения, богатые страны производят 45 % выбросов, а страны с низкими доходами, насчитывающие треть мирового населения – лишь 7 %. «Углеродный след» одного миллиарда беднейших людей составляет всего 3 % общего «следа» человечества.

Основная масса мировых выбросов парниковых газов сконцентрирована в небольшой группе стран, в нее входят США и Канада, государства Европейского союза, Российская Федерация, Япония, а также Китай, Индия, Бразилия (вместе они представляют большинство населения мира). Но внутри этой группы главных «загрязнителей» планеты также существует сильная диспропорция в размере выбросов на душу населения. В США этот показатель достигает 20,6 т CO₂ (2004)¹⁰, в Канаде – 20,0 т, в РФ – 10,6 т, в Великобритании – 9,8 т, тогда как в Китае – 3,8 т, в Индии – всего 1,2 т.

Эти диспропорции накладывают, естественно, свой отпечаток на характер дискуссий о путях противодействия глобальным изменениям климата. «Углеродный долг» богатых стран, накопленный в результате сверхэксплуатации атмосферы (и биосферы) Земли, дает основание бедным странам исходить из того, что именно Запад должен взять на себя бремя решения проблем, связанных с климатическими изменениями. Запад, со своей стороны, обеспокоен растущим вкладом экономик развивающихся стран в глобальное потепление, требуя участия наиболее крупных из них в решении этих проблем.

Противоположность исходных позиций драматическим образом проявилась на заседании Совета Безопасности ООН 17 апреля 2007 г., впервые обсуждавшем тогда вопрос о глобальном изменении климата с точки зрения возможных последствий для международного мира и безопасности. Обсуждение проводилось по инициативе Великобритании, которая в тот момент председательствовала в Совете Безопасности. В нем, помимо 15 членов Совбеза, приняли участие представители еще 40 государств из различных регионов планеты. Представителям Великобритании и других западных стран пришлось прежде всего доказывать правомерность включения данного вопроса в повестку дня Совета Безопасности. Представители

¹⁰ Общий объем парниковых газов измеряется в единицах, эквивалентных CO₂.

большинства развивающихся стран оспаривали это, утверждая, что в данном случае Совбез вышел за рамки своего мандата. Пакистанец Фарух Амил, выступая от имени Группы 77 и Китая, обвинил Совет Безопасности в «посягательстве» на роль и функции других главных органов ООН, в «искажении» принципов и целей Устава ООН¹¹.

Категоричен был посол Индии в ООН Нирупам Сен – он заявил, что изменение климата не может рассматриваться как угроза по смыслу статьи 39 Устава ООН, а предлагаемые сценарии катастроф «не следует принимать всерьез», поскольку более реальной угрозой является возникновение конфликтов из-за нехватки ресурсов для развития и борьбы с нищетой. Дискуссия показала, что западная концепция, которая связывает «климатическую» интерпретацию угроз для мира и безопасности преимущественно с развивающимися странами, вызывает у представителей последних опасения и оппозицию. В противовес такому подходу они склонны делать упор на взаимосвязи изменения климата с решением проблем развития, доступа к энергетическим и иным ресурсам. Налицо желание обернуть обеспокоенность Запада в свою пользу – напомнить ему об обязательствах перед бедными странами, о необходимости предоставить им больше финансовых ресурсов для развития.

Со стороны развивающихся стран прозвучали прямые обвинения в адрес индустриальных – в том, что именно они несут и должны признать главную ответственность за ухудшение климата на планете; что причины глобального потепления связаны не только с эмиссией углекислого газа, но и с хищнической эксплуатацией природы, приносимой в жертву «промышленному прогрессу», с «неолиберальной моделью развития, которую некоторые индустриальные общества пытаются навязать всему миру» (представитель Венесуэлы), с приверженностью богатых стран «модели потребления, которая является весьма разрушительной» (Конго). Говорилось о том, что развитые страны, инициировав данное обсуждение, выдают тем самым свое стремление решать проблему борьбы с глобальным потеплением также за счет бедных стран – в нарушение принятого в ООН принципа «общей, но дифференцированной ответственности».

Дилемма, стоящая перед развивающимися странами, действительно драматична. С одной стороны, первоочередной задачей для них является обеспечение экономического роста и повышение жизненного уровня населения, с другой – им в первую очередь угрожают последствия глобального потепления. Как решение проблем развития, так и смягчение последствий изменения климата требуют огромных инвестиций, в которых бедные страны испытывают постоянный дефицит. Налицо конфликт между ближайшими и/или среднесрочными интересами и долгосрочными. И разная оценка степени приоритетности непосредственных и долгосрочных интересов развитыми и развивающимися странами. Последние рассматривают глобальное потепление прежде всего как угрозу для развития, а развитие – как путь к решению проблем, связанных с глобальным потеплением. Предлагаемые Западом меры по смягчению последствий глобального потепления приведут, по их мнению, к отвлечению ресурсов, необходимых для содействия развитию.

В конечном счете, вопрос состоит в следующем: на ком лежит главная вина за глобальное изменение климата и кто должен взять на себя основное бремя издержек? Европейский союз, Япония готовы увеличить затраты для снижения выброса

¹¹ Стенографический отчет об этом заседании см. в Интернете: документ ООН S/PV.5663 (www.un.org/russian/document/scaction/2007/apr-june.html).

парниковых газов, но ожидают соответствующих усилий от Китая, Индии, других более крупных развивающихся стран. Последние, однако, не хотят брать на себя чрезмерные, с их точки зрения, обязательства, ожидая больших усилий со стороны промышленно развитых стран и, прежде всего, со стороны США, которые до сих пор уклонялись от принятия на себя четких международных обязательств.

Возможно ли преодоление антагонизма между развитыми и развивающимися странами в данном вопросе? Задача крайне трудная: богатые страны не хотят поступиться образом жизни, присущим «обществу потребления»; бедные страны с их растущим населением не могут отказаться от увеличения промышленного производства и экономического роста. Столкновение интересов стало камнем преткновения на пути к согласованной программе международных действий в защиту окружающей среды. Разумной основой согласия могло бы послужить признание того, что глобальное потепление – это и угроза безопасности, и проблема развития, что принцип «либо-либо» здесь не подходит, что противопоставление контрпродуктивно и необходим поиск баланса интересов в решении проблем борьбы с глобальным потеплением на основе международного сотрудничества.

Что делать?

Глобальное потепление *необратимо*, но еще остается возможность удержать его в пределах, позволяющих избежать худшего. Для этого нужно изменить нынешнюю траекторию углеродных выбросов, добиться постепенного перехода на траекторию их снижения – до уровня, совместимого с экологической емкостью природной среды. Допустимая концентрация парниковых газов в атмосфере оценивается в 450–550 ppm (частиц на миллион), что позволило бы удержать повышение среднемировой температуры на уровне не более 2 °С. Для достижения этой «рубежной точки» необходимо сократить средний ежегодный прирост выбросов до 14,5 Гт CO₂, или вдвое по сравнению с нынешним уровнем. В основе этого расчета лежит концепция баланса углерода или «углеродного бюджета», в который человечество должно уложиться в XXI в., чтобы избежать катастрофических последствий (при нынешних тенденциях роста выбросов он был бы исчерпан в 2032 или, при более благоприятных условиях – в 2042 г.).

Эти параметры должны послужить основой для определения курса, которым мировому сообществу необходимо следовать, чтобы предотвратить наиболее опасные последствия климатических изменений. С переходом на траекторию сокращения выбросов они достигли бы пиковых величин к 2020 г., а затем их придется сократить примерно на 50 % к 2050 г., причем это сокращение должно продолжаться и далее.

Но это – если рассматривать мир как одну страну, как целое. Ввиду неодинакового положения стран возникает проблема «распределения бремени», которое должно отвечать принципу общих, но дифференцированных обязанностей и соответствующих возможностей. Предполагается, что страны с высоким доходом должны выйти на пик выбросов к 2012–2015 гг., сократить их на 30 % к 2020 г. и как минимум на 80 % к 2050 г. Крупнейшие из развивающихся стран могут сохранить траекторию роста выбросов до 2020 г., когда достигнут пика, превысив примерно на 80 % нынешний уровень, а к 2050 г. должны будут сократить объем выбросов на 20 % по сравнению с 1990 годом.

Решение этих задач потребовало бы немалых затрат. Существуют различные оценки таких затрат, они варьируются в зависимости от того, какие способы и сроки сокращения выбросов предусматриваются. В исследованиях, выполненных

для Доклада о развитии человека 2007/2008, затраты по стабилизации выбросов парниковых газов на уровне 450 ppm оцениваются в 1,6 % годового мирового ВВП на период от настоящего времени до 2030 г. Может ли мировое сообщество позволить себе такие расходы? Есть ли в его распоряжении такие ресурсы? Ответ очевиден: может, и такие ресурсы есть. Достаточно сказать, что искомая сумма составила бы менее двух третей ежегодных мировых военных расходов (они превышают триллион долларов). И сопоставима с расходами США на войну в Ираке. Или с расходами на амбициозные планы великих держав по освоению космоса (полеты на Марс и т. п.), что вряд ли можно отнести к первоочередным задачам человечества.

Веский аргумент в пользу неотложных действий и принятия напряженной программы состоит в том, что в длительной перспективе цена бездействия может оказаться намного больше, чем необходимые затраты в настоящем. Возможные риски в будущем с трудом поддаются оценке, поскольку здесь присутствует большая доля неопределенности. Расчеты на экономических моделях дают основание заключить, что будущие потери вследствие увеличения эмиссии парниковых газов, если оно не будет остановлено вовремя, могут достичь от 5 до 10 % мирового ВВП ежегодно, а для бедных стран эта цифра может превысить 10 % ВВП.

Есть, однако, и критики этих расчетов, которые считают, что будущие риски не столь велики, а оценка требуемых сегодня затрат преувеличена. Они предлагают ограничиться более скромными темпами сокращения выбросов в настоящем и, соответственно – меньшими расходами. Их доводы строятся на том предположении, что в будущем рост мировой экономики и технический прогресс позволят выделять больше средств и осуществить более резкое сокращение выбросов. Другими словами, предлагается перенести издержки изменения климата на будущие поколения.

Это близорукая позиция, ущербная не только с точки зрения нынешних экологических реалий, но и с этической точки зрения. К проблеме смягчения климатических изменений нельзя подходить только с позиции «затраты/выгоды». Принимаемые сегодня меры могут дать желаемый эффект лишь спустя десятилетия. Отказ от действий сейчас станет причиной огромных страданий следующих поколений людей. «Окно возможностей» для эффективных действий еще остается открытым, но быстро сужается и может, считают эксперты ООН, закрыться в течение ближайшего десятилетия.

И они предлагают мировому сообществу конкретный и вполне реалистичский план действий. Он включает несколько основных позиций.

Во-первых, установление цены на углеродные выбросы, которая бы компенсировала их социальные издержки. В полной мере рыночная оценка этих издержек невозможна, но в первом приближении ориентиром могла бы быть предлагаемая устойчивая траектория выбросов. Что, конечно, привело бы к повышению цен на углероды – до уровня, соответствующего этой траектории. Для коррекции ценообразования есть два пути – налогообложение и установление квот на выбросы.

Налог на выбросы даст существенные поступления в национальные бюджеты, что позволило бы промышленно развитым странам, с одной стороны, избежать общего роста налогообложения, снизив налоги по другим статьям (например, на фонд заработной платы), а с другой – финансировать инвестиции в развитие низкоуглеродных технологий и альтернативных источников энергии.

Что касается предельных квот на выбросы, то они непосредственно побуждают к внедрению энергоэффективных, углеродоемких технологий и сокращению выбросов. Кроме того, установление предельных квот позволяет осуществлять

торговлю квотами (то есть «правами на загрязнение»), что также должно, в принципе, стимулировать сокращение выбросов.

Как корректировка ценообразования через налогообложение, так и системы торговли квотами – это *рыночные стимулы* сокращения выбросов. Предлагаемые меры направлены на изменение системы рыночных стимулов, на придание им определенной направленности. Естественно, здесь возникает много проблем, прежде всего – проблемы контроля, управления, введения системы трансфертов как на национальном (ввиду неодинакового положения различных отраслей), так и на международном уровне (чтобы компенсировать ущерб от повышения цен на энергоносители для групп населения и стран с низкими доходами). Но на международном уровне пока не создано механизмов для этого.

Главное же в том, что рыночные стимулы сами по себе не смогут сдержать дальнейшего роста выбросов и остановить его у критического порога. Введение налогов на выбросы и более жесткие предельные квоты неизбежно вызовут противодействие со стороны крупного бизнеса, способного к тому же определенным образом настраивать общественное мнение, апеллируя к интересам потребителей, пугая сокращением рабочих мест и т. п.

Отсюда – и это во-вторых – решающая роль *прямого вмешательства государства*, которое обязано непосредственно стимулировать инвестиции в новые технологии использования углеводородов (повышение эффективности тепловых электростанций, газификация угля, улавливание и хранение углерода), в новые, экологически более чистые виды топлива для автотранспорта, в развитие возобновляемых источников энергии, устранять препятствия и стоимостные барьеры для внедрения новых технологий и т. п. Эксперты ООН рекомендуют разрабатывать и законодательно закреплять национальные «углеродные бюджеты» как форму планирования долгосрочного, выходящего за пределы обычных политических циклов курса на переход к низкоуглеродной, «зеленой» экономике. Будут ли эти рекомендации восприняты политиками?

Поворот в политике?

Осознание серьезности ситуации и необходимости неотложных действий постепенно проникает в мировую политику¹². 2007 г. стал в этом отношении важной вехой. 24 сентября 2007 г. по инициативе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна в Нью-Йорке в рамках 62-й сессии Генассамблеи было проведено Мероприятие высокого уровня по изменению климата с участием представителей 150 государств, в том числе около 80 глав государств и правительств. Пример подает Европейский союз, который еще в марте 2007 г. одобрил предложение Германии в одностороннем порядке сократить к 2020 г. выбросы парниковых газов на 20 %¹³. Более того, ЕС готов пойти на 30-процентное (по сравнению с 1990 г.) снижение вредных выбросов – при условии, что его примеру последуют другие развитые страны, а более продвинутые в экономическом отношении развивающиеся страны внесут соответствующий вклад в меру своих возможностей.

Ангела Меркель, председательствовавшая в ЕС от имени Германии в первой половине 2007 г., предприняла шаги, чтобы побудить других, и прежде всего

¹² См.: Вебер, А. Б. Глобальное изменение климата в повестке дня мировой политики // *Полития*. – 2007. – № 2.

¹³ ЕС намерен также добиваться увеличения доли возобновляемых источников энергии в общем балансе к 2020 г. до 20 % (сейчас 6,5 %). Это предложение одобрено Еврокомиссией.

США, присоединиться к инициативе Евросоюза. Стремясь уйти от обвинений в том, что США препятствуют усилиям по борьбе с глобальным потеплением, президент Буш накануне саммита «восьмерки» в Хайлигендамме (июнь 2007 г.) заявил, что США намерены «вместе с другими нациями» установить «новые рамки» для решения проблемы парниковых газов на период после 2012 г. И призвал другие страны «присоединиться» в этом (!) к Соединенным Штатам – в противовес переговорному процессу в рамках ООН. Одновременно он дал понять, что не подпишется ни под какими жесткими условиями в вопросе ограничений на выбросы парниковых газов.

Эта позиция США стала камнем преткновения на хайлигендаммском саммите «восьмерки», где проблема борьбы с глобальным потеплением должна была занять центральное место. В пространном итоговом заявлении «Рост и ответственность в мировой экономике» выводы МГЭИК признаются, но изменение климата оказалось задвинутым на второй план. Лидеры «восьмерки» лишь пообещали «серьезно рассмотреть» предложение ЕС (поддержанное Канадой и Японией) сократить вдвое глобальную эмиссию парниковых газов к 2050 г. Они также подтвердили готовность принять участие в 13-й сессии Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, для обсуждения подготовки нового глобального соглашения, которое должно придти на смену Киотскому протоколу после 2012 г. В порядке «компромисса» на это согласились и США.

Эта конференция, которую рассматривали как «последний шанс» человечества договориться о совместных действиях по защите окружающей среды, прошла в декабре 2007 г на острове Бали (Индонезия). После двухнедельной работы она оказалась на грани провала – и опять, главным образом, из-за позиции США, которые вновь возражали против каких-либо конкретных обязательств. Только в последний момент, после драматического повторного обращения Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна, представительница США Пола Добрянски объявила, что ее страна «поддержит консенсус». Ценой компромисса стало отсутствие в согласованном плане действий (Bali Action Plan) конкретных обязательств по *размерам* снижения выбросов, как того хотели представители ЕС. Позиция США в данном вопросе устроила некоторых других участников, в частности Китай, а также Россию.

Вместе с тем Балийская «дорожная карта» определила принципы и направления будущих действий, а также план переговоров по новому соглашению (взамен Киотского протокола), которое должно быть выработано к концу 2009 г. Предусмотрены следующие основные принципы и цели:

- «измеримые, доступные и проверяемые» обязательства или действия *всех* развитых стран (уступка со стороны США!) по смягчению климатических изменений, включая цели по количественному ограничению и сокращению эмиссии, определяемые с учетом национальных условий;
- соответствующие действия развивающихся стран в контексте устойчивого развития, поддержанные технологически, в финансовом отношении и путем формирования необходимого потенциала;
- политика, стимулирующая прекращение обезлесения и деградации лесов в развивающихся странах, сохранение там лесных массивов и рациональное управление ими, что способствовало бы снижению эмиссии парниковых газов;
- содействие адаптации к климатическим изменениям уязвимых в этом отношении стран, особенно наиболее уязвимых развивающихся и беднейших стран, а также малых островных государств;

– создание эффективных механизмов развития и передачи технологий развивающимся странам, внедрение и распространение новых, экологически чистых технологий, устранение препятствий для этого;

– улучшение доступа развивающихся стран к финансовым ресурсам, финансовой и технической поддержке, предоставление дополнительных ресурсов наиболее уязвимым к воздействию климатических изменений странам.

Международное сотрудничество приобретает решающее значение. Даже самые сильные государства не могут противостоять глобальным угрозам в одиночку и, следовательно, эффективно защищать собственные долгосрочные интересы. Для этого необходимо согласие и сотрудничество всех основных участников мирового процесса. Уклонение от согласованных обязательств и действий, тем более со стороны крупных государств, подрывает доверие и способно обречь на неудачу любые планы. Но одних лишь действий на национальном уровне недостаточно. Создание эффективных международных механизмов передачи развивающимся странам новейших технологий и финансовой поддержки – одна из ключевых проблем.

Препятствия на этом пути огромны. Белый дом сразу после окончания конференции на острове Бали распространил заявление, в котором выражена «серьезная озабоченность» по поводу ряда аспектов достигнутых там договоренностей. Препятствия для их реализации будут возникать с разных сторон. Свои оговорки и сомнения есть и у России, и у Китая, у других государств. Не вызывает особого оптимизма и то, что те, кто готов действовать, возлагают главные надежды на технологии и рыночные механизмы. Ни то, ни другое само по себе не решит проблем. Не раз упоминавшийся выше доклад МГЭИК обоснованно связывает возможность смягчения последствий глобального потепления с соответствующими сдвигами в образе жизни, в культурных, поведенческих, потребительских установках.

Мировое сообщество стоит перед необходимостью изменения курса, переопределения рамок рыночного порядка, преодоления доминирующего пока типа экономического развития – в пользу модели *устойчивого развития*. Речь идет об изменении основной ценностной ориентации, способа мышления, мотивации человеческой деятельности. Там, где уже достигнут высокий уровень материального прогресса и благосостояния, на смену озабоченности ростом производства и потребления должны придти принципы достаточности, умеренности, самоограничения, изменение нерациональной структуры производства и потребления, повышение роли неэкономической, немонетарной составляющей общественных интересов. Пока же возможность реализации планов по предотвращению угрожающих последствий глобального изменения климата остается под вопросом.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ЗА ИССЛЕДОВАНИЯ КЛИМАТА

Интервью с академиком Ю. А. Израэлем

Нобелевская премия мира за 2007 год была присуждена за «усилия и работу по распространению знаний об изменениях климата и принятию мер в целях пресечения распространения негативных процессов».

На получение премии было выдвинуто 140 частных лиц и 46 организаций. В итоге она досталась бывшему вице-президенту США Альберту Гору и Межправительственной группе экспертов по изменению климата (МГЭИК). В делегацию МГЭИК на церемонии вручения премии, состоящую из 25 членов, был включен один российский ученый – академик Ю. А. Израэль, вице-председатель, проработавший в МГЭИК 20 лет со дня ее основания.

В своей нобелевской лекции Председатель МГЭИК Р. Пачаури особо подчеркнул роль девяти экспертов, в числе которых назвал и Ю. А. Израэля.

Редколлегия журнала «Век глобализации» поздравила Президента Российской экологической академии, Директора Института глобального климата и экологии Росгидромета и РАН, академика РАН Ю. А. Израэля с высокой наградой и попросила его ответить на наши вопросы.

* * *

Вопрос. *Уважаемый Юрий Антониевич, это первый прецедент в истории, когда такая премия вручается за исследования крупномасштабных геофизических процессов. Что повлияло на выбор Нобелевского комитета?*

Ответ. За двадцать лет своего существования МГЭИК выпустила 4 фундаментальных отчета, в которых содержится подробный анализ состояния современного климата, прогноз его состояния на сто лет вперед, описаны возможные последствия изменений климата и пути смягчения этих изменений, а также даны некоторые экономические оценки. По словам Р. Пачаури, в гигантской работе, проделанной за прошедшие годы МГЭИК, участвовало 450 ведущих авторов, использованы вклады 800 ученых, получены отзывы более чем 2500 экспертов из 130 стран.

Достоинно была представлена и российская наука. Это ученые из НИУ Росгидромета: А. В. Цыбань, С. М. Семенов, Г. В. Груза, Ю. А. Анохин (ИГКЭ); И. А. Шикломанов, О. А. Анисимов (ГГИ), В. М. Катцов (ГГО); О. Д. Сиротенко (ВНИИСХМ), В. П. Мелешко (ГГО); ученые, работающие в учреждениях РАН: В. М. Котляков, А. А. Величко, Б. А. Ревич, О. Н. Соломина (ИГ РАН), С. К. Гулев (ИО РАН), а также И. А. Башмаков, Е. Н. Никитина. В создании методического руководства МГЭИК по национальным инвентаризациям парниковых газов, являющимся важным звеном в работе МГЭИК, принимали непосредственное участие И. М. Назаров, А. И. Нахутин, М. Л. Гитарский, А. А. Романовская (ИГКЭ).

Вопрос. *В ноябре 2007 г. в Валенсии (Испания) состоялось пленарное заседание МГЭИК, где был представлен последний, IV отчет этой организации. О чем шла речь в этом отчете?*

Ответ. В Четвертом докладе МГЭИК описан прогресс в понимании антропогенных и естественных факторов изменения климата, наблюдаемого изменения

климата, климатических процессов и их причин, а также даны оценки проекций будущего изменения климата. Материал также основывается на предыдущих оценках МГЭИК и включает новые выводы, сделанные по результатам шести лет исследований. Научный прогресс со времени Третьего доклада об оценках (ТДО) основан на больших объемах новых и более всесторонних данных, более сложном анализе и лучшем понимании климатических процессов и их моделировании, а также на более глубоком изучении диапазонов неопределенностей.

Важная часть отчета была посвящена парниковым газам. Так, отмечалось, что глобальная концентрация *углекислого газа* в атмосфере – самого важного антропогенного парникового газа – увеличилась с 280 (млн)^{-1} – такое значение было в доиндустриальную эпоху – до 379 (млн)^{-1} в 2005 г. Эта концентрация углекислого газа в атмосфере значительно превышает естественный диапазон за последние 650 тыс. лет ($180\text{--}300 \text{ (млн)}^{-1}$), определенный по кернам льда. Годовые темпы роста концентрации углекислого газа за последние 10 лет (средний темп за 1995–2005 гг. – $1,9 \text{ (млн)}^{-1}$ в год) выше, чем с начала непрерывных прямых атмосферных измерений (среднее за 1960–2005 гг.: $1,4 \text{ (млн)}^{-1}$ в год), хотя по годам темпы роста и разнятся.

Главный источник повышенной концентрации углекислого газа в атмосфере с доиндустриальных времен – использование ископаемых видов топлива. Свой, хотя и меньший вклад, вносят также изменения в землепользовании.

Вопрос. *А как выглядят главные результаты, к которым пришла МГЭИК?*

Ответ. Выступая на закрытии сессии, председатель МГЭИК Р. Пачаури сформулировал основные тезисы, которые затем были положены в основу доклада Генерального секретаря ООН. В частности, отмечалось: «Время сомнений миновало. МГЭИК представлены несомненные свидетельства потепления в климатической системе и их связи с человеческой деятельностью».

Были названы *факты, свидетельствующие о глобальном потеплении*: рост температуры воздуха и океана; глобальный рост уровня океана; уменьшение снежного и ледового покрова.

Указывалось на *изменения в повторяемости экстремальных явлений*: рост повторяемости сильных осадков в большинстве регионов; рост осадков в восточных частях Северной и Южной Америки, северной Евразии, Центральной Азии; недостаток осадков – в Сахели, Средиземноморском регионе, Южной Африке, части Южной Азии; глобальный рост территории, подверженной засухе, после 1970-х гг.

Отмечалось также, что по причине теплового расширения, таяния ледников и ледовых щитов *скорость роста уровня мирового океана* возросла с $1,8 \text{ мм/год}$ (1961 г.) до $3,1 \text{ мм/год}$ (1993 г.). К концу XXI в. это повышение может составить $18\text{--}59 \text{ см}$.

Изменения климата повсеместно представляют серьезный вызов развитию, ибо антропогенное потепление способно вызвать внезапные и необратимые изменения. Так, частичное разрушение ледовых щитов может привести к *росту уровня моря, измеряемому метрами; полному изменению береговой линии и затоплению низколежащих территорий; сильнейшим изменениям дельт рек и невысоких островов*.

Существует также угроза исчезновения $20\text{--}30 \%$ биологических видов. А крупномасштабные изменения меридиональной циркуляции в океане повлияют на продуктивность морских экосистем, рыболовство, баланс CO_2 в океане, растительность регионов суши.

В результате климатических изменений серьезные проблемы ожидают африканский континент, где к 2020 г. растущий недостаток воды испытают от 75 до 250 млн людей, а в ряде стран с неорошаемым земледелием урожаи упадут на 50% . Азия к 2050 г. также столкнется с нехваткой чистой воды, а прибрежные зоны, в особенности меганаселенные дельты рек, подвергнутся сильнейшему риску наводнения.

Вопрос. *Что предлагается в качестве решения или хотя бы смягчения надвигающихся проблем?*

Ответ. Ситуация действительно серьезная, но правительствам доступен широкий спектр действий и механизмов для смягчения последствий. Расчетные уровни стабилизации могут быть достигнуты применением набора технологий, которые либо уже доступны, или ожидаются в ближайшие десятилетия. Также эффективное использование «стоимости углерода» способно обнаружить значительный потенциал по смягчению во всех секторах.

Вопрос. *А какие, на Ваш взгляд, нерешенные проблемы и вопросы требуют первоочередного внимания?*

Ответ. Среди таковых я выделил бы следующие:

- Как определить, что представляет собой «опасное антропогенное воздействие»?
- Как подготовить человечество к угрозам, связанным с ростом уровня мирового океана и изменением географии?
- Устойчиво ли современное развитие в смысле его темпов и структуры?
- Каковы необходимые изменения образа жизни, поведенческих стереотипов, методов управления и каковы сроки этих изменений?

Вопрос. *Не могли бы Вы сказать несколько слов о ситуации в России?*

Ответ. Последствия возможного потепления климата на территории России будут как положительными, так и негативными. Так, потепление в центре страны и в северной ее части, несомненно, приведет к уменьшению продолжительности отопительного периода (что сократит расходы на обогрев помещений) и к увеличению продолжительности периода навигации на северных морях и реках (что положительно скажется на экономике). Однако есть и отрицательные эффекты потепления: несогласование сроков важных фенологических событий в жизни растений и животных, сокращение ареалов (например, для белого медведя вследствие уменьшения ледовитости северных морей), расширение ареалов некоторых болезней человека, переносимых переносчиками (малярия, клещевой энцефалит) и сельскохозяйственных вредителей (колорадский жук, саранча). Характер изменений осадков таков, что ожидается их увеличение там, где в них нет недостатка, и уменьшение там, где их дефицит. Увеличение влагонасыщенности почвогрунтов может привести к уменьшению надежности фундаментов зданий и технических сооружений, равно как и потепление в зоне многолетней мерзлоты. Сокращение площади горных ледниковых систем, по-видимому, не является критическим для водных ресурсов России. Существуют предпосылки положительного влияния изменения климата на продукцию растениеводства в России.

При обсуждении вопросов дальнейшей деятельности Россия, учитывая научную необоснованность и практическую неэффективность Киотского протокола в его нынешнем виде, выступила с инициативой о включении в программу работ на 2008 и последующие годы следующих крупных направлений:

- Разработка сценариев изменений климата и их последствий на ближайшие десятилетия, учитывающих реализацию Киотского протокола.
- Разработка подходов к сохранению современного климата путем использования регулирующего влияния стратосферного аэрозоля.

Огромная территория России существенно неоднородна по потенциальному отклику на изменение климата. Поэтому необходимы региональные исследования, в частности, с помощью региональных моделей, уточняющие оценки первого приближения, данные в Четвертом оценочном докладе МГЭИК.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Л. Е. Гринин

Статья посвящена анализу одного из очень важных, но недостаточно исследованных аспектов процесса глобализации – добровольному сокращению суверенных прерогатив современных государств, которое наблюдается уже в течение нескольких десятилетий. Автор показывает, что глобализация в целом способствует изменению и сокращению номенклатуры и объема суверенных полномочий государств, и при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы, объективно уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение.

Предварительные замечания

Вопросы национального суверенитета в политической науке со времен Жана Бодена всегда занимали значимое место. Но в конце XX и начале XXI вв. в этой области появились новые аспекты, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации и нового мирового порядка. Все активнее стала обсуждаться тема изменения, «размывания», «исчезновения» и т. п. национального суверенитета¹. Однако при немалом количестве работ, посвященных проблеме трансформации суверенитета, отдельные и крайне важные аспекты этой проблемы оказались обойденными вниманием. Анализу одного из таких недостаточно исследованных аспектов – добровольному сокращению суверенных прерогатив – посвящена данная статья.

В настоящей статье мы стремились доказать, что глобализация в целом способствует изменению и сокращению номенклатуры и объема суверенных полномочий государств, и при этом процесс является двусторонним: с одной стороны, усиливаются факторы, объективно уменьшающие суверенитет стран, а с другой – большинство государств добровольно и сознательно идет на его ограничение. Разумеется, можно говорить и еще о целом ряде важных направлений, тенденций и процессов, которые составляют многообразную, сложную и во многом противоречивую динамику мировых политических процессов, в результате чего, в частности, происходит не только ограничение суверенитета, но в чем-то и заметное его укрепление. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу. Но естественно, что в одной статье невозможно

¹ Содержательный обзор таких работ до 2001 г. можно найти в следующей публикации: International Commission on Intervention and State Sovereignty. The Responsibility to Protect: Research, Bibliography, Background. Supplementary volume to the report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. December 2001. – Ottawa.

дать полную картину всех процессов, поэтому наша главная задача – исследовать тенденцию на изменение и сокращение суверенных прерогатив, особенно в связи с добровольными акциями обладателей этих суверенных прерогатив.

По нашему мнению, процессы изменения суверенитета в современную эпоху являются одними из самых значимых. Причем представляется, что если такие процессы (конечно, с большими колебаниями) будут усиливаться, это должно существенно повлиять на все сферы жизни, включая изменение идеологии и общественной психологии (момент, который пока еще недооценивается многими аналитиками).

О понятии суверенитета

Суверенитет в политической науке обычно определяется как важнейший признак государства в виде его полной самостоятельности в рамках определенной территории, то есть его верховенства во внутренней политике, а также в виде его независимости во внешней политике. Это понятие стало широко распространенным в XIX в. Однако еще в начале нового времени оно получает достаточно четкое толкование в трудах Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Т. Гоббса и других.

В системе международных отношений, получившей название Вестфальской, так как она возникла после разорительной 30-летней европейской войны и Вестфальского мира 1648 г., принципы суверенности государств постепенно получили всеевропейское, а затем всемирное признание. Но важно заметить, что эта «нормативная траектория» международного права была полностью описана лишь к концу XVIII – началу XIX вв. в результате осмысления результатов Великой французской революции, наполеоновских войн и нового порядка, установившегося после Венского конгресса 1815 г. Ныне в Уставе ООН и в некоторых других международных соглашениях имеются положения о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение, что наряду с повышением степени внешней безопасности большинства стран, по нашему мнению, существенно способствовало упрочению идеи национального суверенитета в международных отношениях во второй половине XX в. Правда, как мы увидим далее, тенденция на признание суверенных прав сочеталась с тенденцией на их добровольное сокращение самими же суверенами.

Однако понятие суверенитета является весьма сложным и неоднозначным², а его содержание постоянно менялось и продолжает меняться в связи с изменениями международных отношений, характеристик самих государств, даже сложностью определения понятия государства. Это содержание также менялось в зависимости от того, кто выступал высшим сувереном: феодальный монарх, имеющий «право дарить или расчленять государства при дележе наследства», просвещенный абсолютный монарх, который уже выступал от имени народа, или сама нация. Кроме того, абсолютный в теории суверенитет, как государств, так и наций, всегда сильно, а то и фатально ограничивался разными факторами (и аналитики отмечали этот момент задолго до того, как началось исследование процессов глобализации). Суверенитет можно рассматривать в разных аспектах и версиях³.

Словом, понятие суверенитета не является однозначным и бесспорным, а вызывает большие споры и потому требует значительного уточнения, в том числе в связи с разными подходами к классификации самих государств, обладающих суверенитетом.

² См., например: Stankiewicz, W. J. *The Validity of Sovereignty // In Defense of Sovereignty*. – London; Toronto, 1969. – P. 291.

³ См., например: Ильин, М. В. *Собирание и разделение суверенитета // Полис*. – 1993. – № 5.

Так, например, Э. Гидденс различает государства-нации и нации-государства как соответственно типологически более ранние и более поздние. Существует и целый ряд иных теорий, например так называемых квазигосударств.

В политической науке постепенно осознается, что необходимы переосмысление и переоценка понятия «суверенитет» в связи с возникновением мирового политического сообщества, уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии, с учетом действий различных иных субъектов: ТНК, многочисленных негосударственных организаций, многонациональных структур и мероприятий, а также развития различных глобальных идеологий, например глобального гражданского общества. Можно согласиться с выводом Гарри Гелбера: последние десятилетия XX в. показали, что национальное государство уже не справляется с нарастающей сложностью проблем, имеющих глобальный характер⁴. Особенно много работ по переосмыслению различных аспектов концепции суверенитета появилось в 90-е гг. XX в. под влиянием событий, связанных с прямым вмешательством и военной интервенцией (в том числе и санкционированной ООН) в отношении отдельных стран, таких как Ирак, Сомали, Гаити, Босния и др.

Глобализация: баланс плюсов и минусов

Общепринятого определения глобализации нет и, вероятно, в ближайшее время не появится, поскольку в это понятие вкладывается самое разнообразное значение. Без претензии на однозначную дефиницию мы определили бы ее так. **Глобализация – это процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов.**

Иными словами, возникает своеобразная система, при которой проблемы отдельных стран, наций, регионов и иных субъектов (корпораций, различных объединений, глобальных медиа-холдингов и т. п.) соединяются в единый клубок. Отдельные локальные явления и конфликты задевают множество стран. В то же время решения в наиболее значимых центрах мира отражаются на судьбах всех. В целом «процессы глобализации в самом широком смысле характеризуются резким усилением и усложнением взаимных связей в основных областях экономической, политической и общественной жизни, приобретающих планетарные масштабы»⁵. Глобализация – исключительно разноплановый процесс. Практически все области жизни испытывают на себе эти воздействия. Многие как позитивные, так и негативные явления также приобретают глобальный характер – например, борьба за охрану окружающей среды, само движение антиглобализма, терроризм и преступность, наркомафия и т. п.

Любой прогресс всегда означает, что определенная часть изменений в чем-то ухудшает ситуацию по сравнению с тем, что было раньше. На наш взгляд, и сокращение объема суверенных прерогатив ведет одновременно к позитивным и негативным последствиям. Так, бóльшая, чем раньше, открытость границ не только обеспечивает рост торговли, но и способствует распространению терроризма и облегчает наркотрафик. При этом баланс плюсов и минусов выглядит по-разному для разных стран, регионов, территорий и даже для разных слоев общества. Отсю-

⁴ Gelber, H. G. *Sovereignty through Interdependence*. – London; The Hague; Boston, 1997. – P. 12.

⁵ Иванов, Н. П. Человеческий капитал и глобализация // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2004. – № 9. – С. 19.

да такое неоднозначное восприятие глобализации. Недаром ее критики указывают на неравномерность в получении выгод от нее и на увеличивающийся разрыв в уровне жизни разных стран⁶. Важно также отметить, что, создавая контуры нового порядка, глобализация одновременно ломает старый, работающий в рамках государственных систем порядок, причем скорость слома старых отношений часто сильно опережает темпы возведения новых. В частности, в ряде стран это очень наглядно проявляется в сломе традиционной идеологии, основанной на сакрализации родины и нации, и, соответственно, ослаблении таких прежде высоко ценимых качеств, как патриотизм, за счет роста альтернативных национальным предпочтений и идентификаций. Но взамен глобализация пока не создала никакой оформленной и способной увлечь массы идеологии.

Глобализация, экономика и мировая политика

Глобализация – это результат очень сложного сплава политических, социальных, экономических, цивилизационных и многих других процессов современного мира. Но среди этих многочисленных факторов стоит особо выделить огромные изменения в современных производительных силах, средствах информации, мировой торговле и специализации. Характерно, что многие исследователи в первую очередь указывают на экономический характер глобализации. Но необходимо иметь в виду важную и принципиальную идею, которая уже высказывалась нами: признать, что экономические и технические изменения – мотор глобализации, значит признать, что процесс глобализации не может быть остановлен или повернут вспять никем, поскольку сегодня развитие новых технологий невозможно ни остановить, ни даже затормозить. Поэтому чтобы контролировать процесс глобализации – а подобные призывы, а также сетования на ее хаотический и несправедливый характер весьма заметны, – нужно, в первую очередь, контролировать направления и темпы экономического и технического развития, что на сегодня выглядит утопией⁷.

Технология и торговля опутывают мир новыми сетевыми связями и делают национальные границы прозрачными. Вместе с другими факторами это резко усложняет внешние по отношению к обществу условия⁸. А в результате глобализация сильно уменьшает и изменяет объем национального суверенитета и подрывает положение государства как главного субъекта международных отношений. Таким образом, изменения в производительных силах так или иначе ведут к изменению всех остальных областей жизни, включая и политическую сферу⁹.

Отсюда следует важный вывод, на который мы уже указывали в других работах¹⁰: если неизбежным итогом глобализации является сокращение суверенитета, то вместе с этим также неизбежно назревают колоссальные перемены в моделях

⁶ Правда, это весьма неоднозначный вывод, поскольку в одних случаях, например в отношении многих африканских стран, разрыв может увеличиваться, и в то же время у других стран второго и третьего мира наблюдаются более высокие, чем среднемировые, темпы экономического роста. Это касается, в частности, некоторых стран Азии, Восточной Европы и СНГ.

⁷ Однако определенные барьеры на пути этого прогресса в виде различных регламентаций и квот в дальнейшем, возможно, и появятся (см. подробнее: Гринин, Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. – 2005. – № 1. – С. 6–31).

⁸ Иванов, Н. П. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 3. – С. 14.

⁹ См.: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // Философия и общество. – 1999. – № 4. – С. 5–44.

¹⁰ См., например: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса. – М., 2007.

поведения как государств, корпораций и групп, так и масс обычных людей. И если о судьбах государства (умирает оно или укрепляется?) споры нередки, то данное следствие обсуждается реже.

В других работах мы уже обосновывали как сам факт, так и причины того, что перед современными техническими и экономическими силами национальные границы стали гораздо менее серьезным, чем ранее, рубежом. Этому способствуют многие факторы, в частности, мощное развитие торговли, транспорта, роли международного капитала, ТНК и т. п. Стоит иметь в виду также, что «в глобализирующемся мире взаимодействуют не только государства, но все больше территории и регионы»¹¹. Нами было отмечено, что наиболее быстро растущие области производства по природе своей как раз наднациональны. В качестве примеров стоит упомянуть космические технологии или Интернет, который все более активно используется в коммерческих целях. Образно говоря, современный человек приобретает функции мини-станции, принимающей и передающей разнообразную информацию, часто при этом минуя национальные границы.

Тесная связь национальных экономик между собой ведет к очень быстрому и во многом неуправляемому реагированию на локальные кризисы в разных местах планеты. Это подтвердили финансовые кризисы в разных странах недавнего времени. Финансовые рынки непредсказуемы и нестабильны по своей природе – таков вывод Джорджа Сороса. Одна из главных причин такой неустойчивости коренится в том, что политические институты отстают от экономики, которая давно переросла национальные рамки и требует наднационального планирования, каких-то форм совместного контроля над источниками колебаний финансовых и иных рынков.

Таким образом, требуется новый мировой порядок. Однако кто будет определять его основные контуры и правила? Глобализация, с легкой руки американских политологов, порой предстает в некоторых работах как процесс навязывания воли США остальному миру, установления нового мирового порядка, выгодного США. Действительно, влияние США очевидно и очень реально¹². Но означает ли это, что непременно должен установиться именно *Pax Americana* (то есть *американский мир*), как искренне верят многие в США?

Конечно, это возможно. Однако реально ли постоянно поддерживать такой порядок? Представляется, что это достаточно сомнительно. Думается, более вероятно, что в не слишком уж далеком будущем расклад сил в мире изменится¹³. Ведь наличие каких-то тенденций не означает, что будущее уже предначертано. Напротив, направление, формы и результаты процессов будут постоянно зависеть от меняющегося баланса сил в мире, от стратегии, которую выберут те или иные страны и объединения, от различных геополитических факторов и комбинаций. По нашему мнению, это означает, что те, кто стремится играть более важную роль в интегрирующемся и меняющемся мире, должны прогнозировать и предугадать

¹¹ Гребенщиков, Э. С. Тихоокеанская Россия и Япония: регионализация отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 1. – С. 89.

¹² В том числе и в культурном плане. Можно согласиться с Питером Бергером, что в настоящее время «самыми главными “глобализаторами” являются американцы» (Бергер, П. Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация / под ред. П. Л. Бергера, С. П. Хантингтона. – М., 2004. – С. 9).

¹³ Даже Збигнев Бжезинский начинает выражать сомнения в результативности современной политики США и призывает несколько переосмыслить или точнее переформулировать внешнеполитические цели и идеологию Америки, считая, что «она должна определять свою безопасность в таких категориях, которые отвечали бы интересам других» (см.: Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М., 2005. – С. 284).

вать тенденции, используя их в собственных целях. Несомненно, и Россия сможет сыграть важную роль в новом мировом порядке, если правильно выберет стратегию. Поэтому нужно не горевать о том, что идет глобализация по-американски, а найти собственное место в глобальных процессах, не теряя своих особенностей, в частности, используя общие культурно-языковые традиции на просторах СНГ, а также естественные геополитические и ресурсные преимущества России (что, к слову сказать, в последние два-три года уже стало заметно проявляться в экономической стратегии России).

Глобализация и сокращение суверенитета

Как уже сказано выше, на практике суверенные права и полномочия как государств, так и наций всегда сильно ограничивались разными факторами. Тем не менее, хотя бы в головах теоретиков «Вестфальский суверенитет» (то есть неограниченные суверенные права) все же существовал. В современную эпоху становится все яснее, что Вестфальская система с ее принципами международных отношений существенно изменилась. Также важно указать, что сегодня представление о полной свободе действий государств даже чисто теоретически выглядит неверным. Дело в том, что объем внутреннего суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей, в том числе в вопросах прав человека и еще больше – фактически в связи с уже сложившимися моделями и традициями поведения государств. Вот почему немало политологов считают, что совершенно необходимо уточнение или пересмотр понятия суверенитета¹⁴.

В работах, посвященных трансформации положения и роли государства в современном мире, часто, как верно замечает Майкл Мэнн, идет однобокий спор на тему усиливается ли государственная система или ослабевает, между тем как процесс представляется весьма сложным и неоднозначным, в чем-то эти позиции ослабляются, но в чем-то усиливаются¹⁵. Так, Сюзан Стрэнг, настаивающая на том, что под влиянием мощных экономических процессов власть государства ослабевает, в то же время с удивлением отмечает, что государство стало регулировать проблемы, которые раньше решали сами люди, в частности, как строить собственный дом, как устраивать семейные отношения, так что, по ее словам, почти нет сферы, в которую бы не вмешивалась государственная бюрократия¹⁶. Она называет это парадоксом, хотя это вполне естественные наложения, поскольку типологически подобные процессы никогда не идут однолинейно и только в одном направлении. Общий вектор – это всегда сложный баланс разнонаправленных изменений, причем ослабление системы обычно сочетается с усилением некоторых ее сторон, хотя бы за счет переструктуризации ее компонентов и изменения уровней иерархии.

В связи с вышесказанным хотелось бы обратить внимание на определенную ограниченность подходов в исследованиях суверенитета, поскольку многие авторы рассматривают вопрос в той только плоскости, что мощные мировые экономические наднациональные и во многом анонимные силы влияют на трансформацию национального суверенитета, в целом меняя его помимо и как бы вопреки воле самих государств. В то же время почти не замечается иной аспект проблемы (либо

¹⁴ См., например: Thomson, J. E. State Sovereignty in International Relations: Bridging the Gap between Theory and Empirical Research // *International Studies Quarterly*. – 1995. – № 39(2). – P. 213–233.

¹⁵ Mann, M. Has Globalization Ended the Rise and Rise of the Nation-State? // *Review of International Political Economy*. – 1997. – № 4(3). – P. 472–496.

¹⁶ Strange, S. The Declining Authority of States. The Global Transformation Reader. An Introduction to the Globalization Debate / Ed. by D. Held, and A. McGrew. – Cambridge, 2003. – P. 128.

ему не придается должного значения), который нам как раз представляется исключительно важным: суверенитет в большой (возможно, преобладающей) степени сокращается *добровольно самими национальными государствами*. Эти аспекты обозначались и исследовались нами в ряде работ.

Отказ от суверенных прерогатив: парадокс или глобальная тенденция?

По нашему мнению, имеется целый ряд факторов, которые влияют на процесс изменения национального суверенитета, в числе которых находятся, конечно, технологические и экономические изменения, стремление избежать войн, наличие глобальных проблем, объединяющих страны, процессы регионального сближения, стремительное увеличение объема контактов всякого рода и уровня между резидентами разных стран; необходимость совместно решать множество вопросов и урегулировать споры; рост числа демократических режимов в мире и т. д.¹⁷

Но мы считаем, что фактор добровольности в сокращении объема полномочий ради приобретения дополнительных престижа и выгод среди них является одним из самых важных, мало того, именно он определяет, по нашему мнению, необратимость этого движения. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на идущий с послевоенного времени важнейший процесс, в результате которого многие страны начинают добровольно ограничивать себя в, казалось бы, наиболее суверенных вещах¹⁸.

Достаточно бросить даже беглый взгляд на те области, в которых сократился суверенитет, чтобы согласиться со сказанным. Право устанавливать пошлины и налоги и определять их размеры; запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров (капиталов) и какие-то виды деятельности; печатать деньги; брать займы; устанавливать правила содержания заключенных и применения их труда; использовать смертную казнь; провозглашать те или иные политические свободы или ограничивать их; фундаментальные правила выборов (и само их проведение) и избирательных цензов, а также еще масса других важных явлений перестали определяться только желаниями самого государства. Не так давно европейцы отказались от святой святых – собственных, многими веками выстраданных национальных валют ради одной общей (евро). В конце концов, то, что всегда признавалось главным в суверенитете: право войны и мира – под международным контролем. А ведь еще 50 лет назад в своем знаменитом Манифесте Б. Рассел и А. Эйнштейн писали: «Искоренение войн потребует мер по ограничению национального суверенитета, которые будут ущемлять чувство национальной гордости»¹⁹. Сегодня такой контроль уже почти не ущемляет национальную гордость. Мировые войны и тоталитаризм показали, что абсолютный суверенитет, включающий в себя в том числе право на развязывание войн и репрессий, опасен.

¹⁷ Список угроз государственной суверенности часто включает: глобальные финансовые потоки, транснациональные корпорации, глобальные медиаимперии, Интернет и т. п. Глобалисты утверждают, что государственная власть сильно ослабляется этими процессами, которые ведут к проницаемости границ, – суммируют такие взгляды Дэвид Хелд и Антони Макгрю (Held, D. and McGrew, A. *Political Power and Civil Society: A Reconfiguration?* // *The Global Transformation Reader: An Introduction to the Globalization Debate* / Ed. by D. Held, and A. McGrew. – Cambridge, 2003. – P. 124).

¹⁸ См. подробнее: Гринин, Л. Е. *Современные производительные силы...; Grinin, L. Globalization and the Transformation of National Sovereignty // Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment* / Ed. by J. Sheffield and K. Fielden. – Goodyear, 2007.

¹⁹ См.: Адамович, А., Шахназаров, Г. *Новое мышление и инерция прогресса // Дружба народов*. – 1988. – № 6. – С. 185.

Из этих вполне очевидных вещей нами был сделан важный вывод: **внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальным правом и обычаями, сужаются, причем во многом путем добровольного отказа суверенов от своих суверенных прав, а международное или определенного сообщества (коллективного участия) право расширяется**²⁰.

Без сомнения, в истории можно найти много случаев добровольных обязательств и договоров, которые значительно ограничивали суверенитет государей и стран. Взять хотя бы Священный союз и его интервенции в революционные страны в первой половине XIX в. или Таможенный союз германских государств первой половины XIX в. Процессы интернационализации начались не сегодня, а идут уже века, все нарастая. Но, как нами уже отмечалось, распространенность и мощность этих процессов вчера и сегодня несопоставимы, иными словами, в настоящее время по сравнению с прошлыми эпохами они приобрели качественно иной уровень. Во-первых, они охватили весь мир. Во-вторых, экономические союзы прежде были редкостью, теперь стали наиболее типичной формой объединений. А некоторые экономические организации (вроде ВТО, МВФ) включают в себя большинство стран мира. Масштабы и цели политических союзов также изменились. В-третьих, колоссально выросли плотность и постоянство контактов между лидерами стран. И вопросы, которые они решают, также значительно изменились. В-четвертых, лишь немногие страны могут сегодня проводить изоляционистскую политику и не вступать ни в какие союзы (подобно политике «блестящей изоляции», которую проводила Великобритания в XIX в.).

Чтобы оттенить сказанное, мы хотели бы указать, как ни странно это звучит, что сегодня наибольший суверенитет (то есть наименьшие ограничения в использовании суверенных прав) имеют государства идеологически (Китай, Иран, Саудовская Аравия и некоторые другие мусульманские страны) и экономически закрытые (вроде Северной Кореи, Кубы), и именно по поводу их «суверенных прав» (в частности создавать ядерное оружие) и возникают острые конфликты. Но в целом даже у этих стран суверенитет начинает сокращаться. Что же касается достаточно открытых и развитых государств, то, по нашему мнению, тенденция к делегированию своих полномочий международным, региональным и мировым организациям и объединениям у них совершенно очевидна. Исключение составляют только США, которые позволяют себе порой идти вопреки мнению многих стран, открыто ставят национальные интересы выше мировых и союзнических. Но, как нам кажется, именно в таком противостоянии США и других стран, выражающих определенное коллективное мнение, возможно, и коренится в будущем основная интрига изменения мира, а также трансформация содержания принципов международных отношений.

Таким образом, нет никакого сомнения в том, что сегодня по сравнению с прошлым суверенитет совершенно свободных и самостоятельных стран стал намного

²⁰ Разумеется, это связано также с воздействием, иногда довольно жестким, на страны-нарушители международных правил и договоренностей, таких как, например, Ливия, а также попытками прямого вмешательства в дела тех стран, которые оказывались не в состоянии решить внутренние конфликты или обуздать вышедшие из-под контроля политические силы (как, например, в отношении Югославии, Израиля и Палестины, ряда стран Африки и Латинской Америки). Естественно, такие действия международного сообщества или отдельных стран и блоков (США, НАТО) также сильно влияют на изменение суверенитета и создают прецеденты на будущее. Но все же можно утверждать, что именно преобладающая добровольность в сокращении суверенитета существенно способствует формированию терпимого к такому вмешательству или даже одобрительного мирового общественного мнения (всего или большей его части), без которого никакое вмешательство не может быть успешным, а часто даже и реальным.

меньше. И, что очень важно, многие государства отдают часть суверенных функций нередко действительно добровольно. Мы считаем, что подобный альтруизм можно всерьез объяснить только тем, что такое ограничение становится выгодным, поскольку взамен страны надеются получить вполне реальные преимущества. Естественно, что такой «обмен» стал в принципе возможным только в результате мощного влияния описанных (и многих не упомянутых, но подразумеваемых) процессов. В качестве важной причины сокращения суверенитета, на наш взгляд, следует указать своего рода мировое общественное мнение: ведь чем шире круг стран, сознательно ограничивающих свой суверенитет, тем более неполноценными кажутся государства, которые не делают таких ограничений.

Субнациональное, национальное, наднациональное: противоречивый клубок интересов

Как уже сказано, в политической науке в определенной мере осознается, что доктрина национального суверенитета устарела, мало того, эти вопросы затрагивались даже в выступлениях и статьях генеральных секретарей ООН Бутроса Бутроса-Гали и Кофи Аннана. Однако нам кажется, что многие исследователи (особенно в России) все еще недооценивают серьезность последствий изменения суверенитета и необходимость переосмысления не только самого этого понятия в контексте современных процессов, но и множества других, с ним связанных. В то же время мы согласны, что государство в главном еще остается (и будет достаточно долго) высшей единицей исторической и политической жизни. Кроме того, разделение новых и старых явлений – всегда очень сложное дело, тем более что новый порядок содержит в себе очень сильные элементы старого.

Тем не менее, очевидно, что объем суверенных прав в современном мире сильно перераспределен, поэтому в интернациональном сообществе не существует более «единого и неделимого» государственного, народного или национального суверенитета. Суверенитет все чаще делится между наднациональными, национальными, субнациональными, а иногда региональными и муниципальными единицами. В результате, как было показано выше, появились новые мощные факторы, которые, в конечном счете, ведут к тому, что оно постепенно уступает место основному суверена более крупным, в том числе наднациональным, образованиям и структурам. И, по нашему мнению, эта тенденция будет нарастать. С другой стороны, хотелось бы непременно добавить, что это не односторонний и однозначный, а многогранный процесс: в чем-то суверенитет будет сокращаться (например, в вопросах экономической стратегии), но в чем-то закрепляться и даже расти. Так, например, Эгберт Ян считает, что этнические языковые, культурные и социальные функции государства будут увеличиваться²¹. Поэтому опасно слишком торопиться хоронить национальное государство, оно еще долго будет ведущим игроком (как и вообще следует быть достаточно осторожным в прогнозах глобальных политических изменений). Кроме того, как справедливо отмечают некоторые исследователи, резкое сокращение суверенитета и традиционных функций государства может породить хаос.

Хотя суверенитет и сужается, но, думается, что сам этот принцип (точнее, апелляция к нему в определенных случаях), вероятно, еще долго будет одним из важнейших в международных отношениях. Поэтому открытое неуважение к нему будет продолжать вызывать осуждение. Когда старые идеи еще живы, а новые не

²¹ Ян, Э. Демократия и национализм: единство или противоречие? // Полис. – 1996. – № 1. – С. 49.

утвердились, столкновения могут принимать форму противоборства принципов, что скрывает их историческое содержание. Тогда трудно понять, кто прав, кто виноват. Например, если в отношении даже диктаторских режимов грубо и открыто попирает принцип суверенитета, опираясь на право сильного, симпатии могут оказаться на реакционной, по сути, стороне. Война в Ираке 2003 г. доказывает это. Поэтому-то в правовом и моральном плане желательны действительно безупречные аргументы, которые опирались бы на решения мировых организаций (в первую очередь ООН). Вот почему для поддержки действий против режимов-нарушителей так важны именно такого рода санкции.

Итак, как было показано выше, с послевоенного времени все яснее обнаруживается тенденция к постепенной передаче странами части своего суверенитета мировым международным организациям. Еще большая часть суверенитета переходит к региональным объединениям. А интеграция государств в надгосударственные экономические объединения становится все более важной частью глобализации. Такие наднациональные образования имеются уже на всех континентах, и в некоторых случаях наметилась трансформация экономических союзов в политические. Конечно, процесс создания действительно оформившихся, системно и глубоко интегрированных надгосударственных образований не может быть быстрым. Не будет он, по нашему мнению, и гладким уже потому, что входящие в него члены не могут игнорировать свои собственные интересы и не противопоставлять их друг другу. Да и внутри самих стран разные политические силы очень по-разному трактуют национальные цели. Словом, притирка над- и внутригосударственных интересов – тяжелый процесс, тут неизбежны разнообразные столкновения. Кроме того, и общие цели можно трактовать по-разному. Пример США, которые сумели стянуть в тугий узел чисто национальные узкополитические проблемы (вроде предстоящих выборов или необходимости поднять популярность президента) с мировыми интересами, в этом смысле очень показателен.

Глобализация и национализм

Глобализация, как показывают разные, в том числе и наши исследования²², в отношении национализма производит двойственный эффект. С одной стороны, наблюдается тенденция к уменьшению национального суверенитета, с другой – бурный рост национализма, стремление даже самых небольших народов обрести свой собственный суверенитет. Объяснение причин сепаратизма в современный период, к которому мы пришли, на первый взгляд может показаться парадоксальным: **национализм усиливается потому, что ослабевают государства как системы.** Однако, как мы уже указывали, парадоксальности здесь нет, особенно с учетом того, что безопасность большинства государств обеспечивает фактически мировое сообщество в лице наиболее сильных государств. К тому же, нации – это не вечные сущности, а этнополитические общности, складывающиеся чаще всего именно в рамках государств и под влиянием технологических изменений. При определенных условиях их сплоченность и однородность усиливаются, а при других, напротив, ослабевают. Поэтому формирование надгосударственных систем в XX в. шло параллельно с разрушением не только колониальных империй, но и ряда старых и вновь возникших государств, особенно многонациональных, среди которых были даже, казалось бы, весьма устойчивые (СССР, а ранее, в начале процесса, Австро-Венгрия). И такой распад, как нам думается, выполняет в чем-то прогрессивную роль, облегчая региональную и мировую интеграцию. Но это очень болезненный и

²² Например: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы...

разрушительный прогресс, что подтверждает высказанные выше мысли о том, что прогресс и регресс идут всегда рука об руку. Весь вопрос в их балансе.

Таким образом, мы считаем, что, с одной стороны, мир ждут еще десятилетия, когда национальные проблемы будут стоять весьма остро в разных регионах и странах, поскольку причины националистических и сепаратистских конфликтов очень разнообразны. Но, с другой стороны, усиливается убеждение, что право наций на самоопределение превратилось в «опиум для народов». Расцветает, по меткому выражению Михаила Игнатъева, нарциссизм мелких различий между этносами, а укрепляющая этническая идеология, по мнению других исследователей, создает едва ли не главный ресурс для возрождения насилия сегодня. Вместе с этим, однако, хотя непоследовательно и с трудом, в мировом общественном мнении формируется негативное отношение к злоупотреблению этим правом. В результате, по нашему мнению, постепенно агрессивный национализм, раскалывающий государства и создающий угрозу мировому порядку, должен пойти на убыль. Речь ни в коем случае не идет о том, что нации и национальные различия исчезнут. Нам представляется, что развитие пойдет в направлении, когда национальные вопросы, проблемы и отношения перейдут из сферы самой высокой политики и жарких схваток в более спокойную плоскость, примерно так, как это случилось с взаимоотношениями между различными направлениями христианства в большинстве стран Европы.

Заглядывая в будущее

Размышляя над процессами интеграции, неизбежно задаешься вопросом: удастся ли хоть как-то, и если да, то каким образом, примирить разнообразные интересы сотен государств, имеющих не только разную культуру, но и очень большой разрыв в уровне развития? Ведь ускорение темпов развития мира и ограниченность времени для решения глобальных и иных проблем не позволяют ждать, пока отстающие страны найдут свой собственный путь развития, поскольку такой поиск в некоторых случаях может продолжаться целые столетия. Мнение, что обеспечить продвижение к преодолению отсталости можно только при создании эффективного рынка и эффективного государства, конечно, имеет резоны. Ну, а если институт государства слаб, как в Тропической Африке и некоторых других местах? И что делать, если государство, напротив, настолько сильно, что способно не допустить объективно необходимых изменений (как в Северной Корее или на Кубе)? И как быть со странами, население и даже элита которых не в состоянии понять общемировых проблем?

Следовательно, на наш взгляд, проблема переходит уже на надгосударственный уровень и связана с трансформацией суверенитета и с внешним влиянием на те страны, внутри которых нет сил для самостоятельных изменений. Но мы убеждены, что, каким бы мягким ни было такое влияние извне, оно так или иначе скажется на суверенитете. Его ограничение, по нашему мнению, имеет два уровня. С одной стороны, сами развивающиеся страны готовы объединяться в региональные сообщества, чтобы вместе отстаивать свои интересы и решать проблемы. С другой – они связаны с глобальным противостоянием между развитыми и развивающимися странами (проблема Север – Юг).

Вот пример изменений на первом уровне. Региональные организации в Африке, Юго-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также в Латинской Америке после Ирака приняли новую, более жесткую политику в отношении терроризма и использования оружия массового уничтожения. Но решать эти проблемы они хотят собственными средствами, на собственной территории и с помо-

щью независимых миротворческих структур, которые они сами и развивают. Но они в то же время начали искать средства минимизировать риск насильственного американского вторжения, а также использования США тактики «разделяй и властвуй» против членов региона²³.

На втором уровне все более активен диалог между объединениями стран (например ЕС и группами африканских стран). Но самое главное, что есть важные причины, которые, как мы думаем, в среднесрочной перспективе могут заставить развитые государства более активно форсировать развитие наиболее отсталых стран мира.

В первую очередь речь идет о глобальных проблемах. Они затрагивают все мировое сообщество, поэтому интерес Запада к их решению в отсталых странах неизбежно будет расти. А последним, думается, в свою очередь, так или иначе, придется ограничить суверенитет, чтобы подстроиться под общие правила. Например, мы рискнули бы предположить, что поскольку демографическая и экологическая проблемы тесно связаны между собой, возможно, регулирование численности населения постепенно станет не только национальным, но и общим делом. Ведь чтобы решить многие общие проблемы, необходимо осознать, что развитие не может идти все время вширь, что требуется сознательное ограничение в потреблении, а также механизмы, способные заставить большинство стран принять такие ограничения. По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (*limit*): роста, расхищения окружающей среды, вмешательства в живую природу, вооружения и т. д. Нам представляется также вполне вероятным, что в будущем начнется и квотирование темпов роста экономики, поскольку без этого невозможно реально достигнуть иных ограничений.

Глобализация, хотя и началась далеко не сегодня, – в целом новый, неизведанный, сложнейший и во многом непредсказуемый процесс. При этом все же не стоит преувеличивать и без того большую роль экономики в трансформации государства. Экономика выступает ведущим в этом плане фактором только в конечном счете. Для коренного же изменения суверенитета, мы считаем, нужны еще очень серьезные перемены в других сферах общества, подобно тому, как для формирования буржуазного общества было мало изменений в экономике, но потребовались также и политические революции²⁴. Поэтому, по нашему мнению, на длительный период самой главной останется проблема совмещения национальных и наднациональных, групповых и мировых интересов. Только какое-то институциональное решение этой гигантской проблемы, в конце концов, и установит более или менее стабильный новый мировой порядок. Но не тот порядок, о котором так уверенно говорят в США и НАТО, а, будем надеяться, систему более взвешенного учета интересов разных регионов и стран. Однако путь к такому порядку неясен, сложен и противоречив. Для этого, естественно, необходимо время, в течение которого должен произойти коренной переворот в мировоззрении элит и народов, в результате которого национальные проблемы начнут сначала рассматривать через призму общих, а затем уже и в контексте общих (региональных и мировых) задач и проблем.

²³ Бейлс, А. Дж. К. Уроки Иракского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 75.

²⁴ Подробнее см.: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы...; Он же. Глобализация и национальный суверенитет...

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ГОСПОДСТВА ПРАВА: ВЛИЯНИЕ НА РОССИЮ И СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

С. Ю. Кашкин, П. А. Калиниченко

Настоящая статья посвящена исследованию процесса развития и распространения концепции господства права. Возникнув как либеральная идея, эта концепция распространилась в качестве одной из главных конституционных ценностей для всех европейских стран и народов, включая страны, входящие сегодня в Европейский Союз (ЕС), и современную Россию. Опыт стран ЕС показывает, что господство права может выступать в качестве интеграционной идеи и выходить за пределы национальных границ. В глобальной перспективе господство права вслед за правами человека должно стать практической концепцией устройства международной системы.

Господство права, или правовое государство, – это не только одна из признанных общечеловеческих ценностей, утверждающих гуманизм и справедливость в общественных отношениях, но одновременно и эффективный практический инструмент обеспечения прав и свобод личности, поддержания мира между государствами, а также форма функционирования народовластия на практике. Это важное средство борьбы с тоталитаризмом, бюрократией, волюнтаризмом, любыми проявлениями диктатуры внутри каждого государства, но оно может все более широко использоваться на международном и даже всемирном уровне. Это понятие имеет свою историю, обстоятельные теоретические основы, но в современных условиях все более всеобъемлющей интеграции и глобализации требует нового осмысления, особенно на региональном и глобальном уровнях.

Идея господства права (the Rule of Law) или правового государства (Der Rechtsstaat) зародилась в европейской политико-правовой мысли XVIII–XIX вв. Родоначальником этой концепции принято считать великого немецкого философа Иммануила Канта, хотя некоторые практические элементы, обеспечивающие господство права, были ранее рассмотрены в трудах других ученых¹. Европейскими либералами XIX в. были детализированы основные постулаты концепции господства права. Были созданы идеологические и теоретические предпосылки для реализации господства права на практике.

Периодом реализации этой идеи на практике стал XX в. В конституциях развитых стран повсеместно господство права стало закрепляться в качестве одного из важнейших принципов организации государственной власти. Появление новых суверенных государств и торжество демократии в конце прошлого века способствовало укреплению практических начал господства права не только в уже экономически и политически развитых государствах, но и стало определяющим ориентиром для большинства государств, формирующих обновленную политическую карту современного мира.

Успешная реализация концепции господства права в прошлом веке позволяет сегодня, в начале XXI в., «заглянуть за горизонты» дальнейшего развития этой

¹ Соколов, А. Н. Правовое государство: от идеи до ее материализации. – Калининград, 2002. – С. 9–12.

гуманистической концепции и попытаться прогнозировать дальнейшие перспективы ее реализации в качественно меняющемся, все более глобализирующемся мире. Будущее идеи правового государства и господства права во многом связано не только со ставшим уже традиционным укреплением ее влияния на государственное строительство, но и с позитивным развитием надгосударственных организационных форм расширяющейся интеграции между народами, отражением их основных элементов в механизме углубляющегося интеграционного сотрудничества и в более глобальных международных отношениях.

Фактически сегодня мы можем наблюдать процесс формирования трех уровней господства права – национального, наднационального (регионального) и глобального (универсального). Причем если первый уровень, национальный, уже хорошо апробирован и широко реализуется в различных странах, второй в целом сложился к началу XXI в. только в Европе, но потенциально может распространиться и в других регионах, третий – является абсолютно новым и перспектива его развития увязана исключительно с процессом глобализации.

Идея господства права направлена на создание эффективных инструментов контроля использования государственной власти, на совершенствование гражданского общества, на становление общественно-политической системы, свободной от тирании, подавления инакомыслия, злоупотребления властью и коррупции. Она изначально направлена не только «внутрь» государственных границ, но и вне их, как условие обеспечения ее укоренения и эффективного развития, хотя «внутригосударственный» этап ее становления исторически первичен.

Концепция господства права или правового государства включает в себя ряд составных элементов, позволяющих на практике достичь основанного на строгом соблюдении закона контроля за использованием политической власти.

Одним из таких элементов является верховенство права как обязанность всех без исключения подчиняться юридическим предписаниям, существующим в государстве. Это в равной степени касается всех – от рядовых граждан до высших должностных лиц государства. Сама государственная власть во всех ее проявлениях должна носить подзаконный характер.

С верховенством права тесно связано верховенство закона, то есть утверждение высшей юридической силы за актами, принимаемыми представительными органами власти. Все другие нормативные акты должны быть подчинены закону, их противоречие закону исключает их юридическую силу. Главным юридическим документом государства является Конституция – акт, регулирующий основополагающие политические отношения в обществе. Закон должен быть максимально доступным для населения, понятным, ясным и предсказуемым.

Существенным признаком господства права является уважение прав человека, их признание государством и неприкосновенность, реальный характер воплощения, неуклонное выполнение обязанностей государства по охране прав и свобод человека, создание государством условий для развития личного пространства свободы и самовыражения каждого при взаимной ответственности государства и личности.

С этой целью в правовом государстве закрепляются не только сами права человека, но и принципы их реализации и гарантии, без которых осуществление прав личности на практике невозможно.

Правовое государство свободно от доминирования в области идеологии. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной, независимо от форм и степени ее насаждения. Идеологическое многообразие является важнейшей предпосылкой развития гражданского общества и проявления господства права.

Господство права невозможно без экономического плюрализма. Закон должен обеспечивать равенство всех форм собственности и развитие рыночных форм хо-

зяйствования. При этом частная собственность должна быть обременена социальной функцией.

В такой же мере это касается и политического многообразия. Господство права исключает подчиненность политической системы государству или правящей партии. Ни одна из политических сил не может претендовать на единовластие и монополизацию политической системы. Доминирующие политические силы не имеют права злоупотреблять своим положением и обязаны обеспечивать равный доступ к политической жизни общества всем другим политическим силам.

Наконец, господство права немислимо без разделения властей, которое является главным инструментом контроля использования государственной власти. Разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную при наличии эффективного механизма сдерживания и противовесов создает гарантию от злоупотребления государственной властью и распространения государственного насилия. Граждане посредством всеобщего избирательного права имеют возможность контролировать власти и в случае необходимости корректировать действия органов государственной власти. При этом разделение властей не должно носить сугубо механический характер и может иметь в каждой стране свои особенности, связанные с необходимостью учета всего многообразия ее специфических черт.

Более того, само правовое государство, в котором обеспечивается господство права, должно быть заинтересовано в формировании в обществе институтов гражданского общества, создающих баланс, столь необходимый для его демократического развития. Как точно подметил в своей речи на международной конференции «Всемирное движение в защиту господства права и российская правовая реформа» бывший президент Международной Ассоциации Юристов Фрэнсис Ниит: «Право – это локомотив гражданского общества, а юристы – инженеры, его создающие»².

Господство права тесно связано и с «хорошим управлением», концепцией открытого и эффективного управления в демократическом государстве. Министры и государственные служащие на всех уровнях должны осуществлять свои функции добросовестно, в строгом соответствии с целями их деятельности и предоставленными им полномочиями. Господство права должно обеспечиваться эффективной институциональной и правоохранительной системой.

Деятельность правового государства должна быть предельно открытой для граждан при доступной и свободной информации о действиях государственных органов и должностных лиц, а равно о состоянии всей политической и правовой системы в целом.

В своей международной практике правовое государство должно поддерживать принципы господства права и соблюдать основополагающие принципы международного права.

Более того, как отметил в своей речи, посвященной господству права, Председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин, «национальный суверенитет всегда предполагает существование национальной правовой и судебной системы в качестве основного инструмента обеспечения справедливости, при этом допуская существование наднациональной системы защиты прав и свобод человека в качестве дополнительного, субсидиарного инструмента»³. Как показывает опыт Европейского Союза, наднациональные компоненты приобретают все большее значение для построения и жизнедеятельности правового государства и господства права.

² The World Rule of Law Movement and Russian Legal Reform / Ed. by F. Neat and H. Nielsen. – Moscow, 2007. – P. 62.

³ Ibid. – P. 48.

Рассмотренные выше элементы, обеспечивающие господство права, в той или иной степени полноты находят отражение в конституциях всех демократических государств мира. Как в самой старой из действующих конституций – Конституции США, так и в современных конституциях – Конституции Хорватии, Конституции России, Конституции Финляндии, Конституции Швейцарии и т. д.

Конституция России 1993 г. полностью воплотила в себе концепцию господства права: верховенство права и верховенство закона (ч. 1–3 ст. 15), уважение прав личности (ст. 2), идеологическое и политическое многообразие (ст. 13), экономический плюрализм (ст. 8), разделение властей (ст. 10).

В соответствии со ст. 1 Конституции 1993 г. Россия провозглашена правовым государством, что идеологически и политически ставит ее в один ряд со всеми развитыми странами мира, входящими в Большую Восьмерку (G 8), Организацию экономического сотрудничества и развития, а также в Европейский Союз.

Самое важное для нашей страны – трансформировать достигнутое в нашем законодательстве ее соответствие понятию «правовое государство» в ежедневную практику, в которой право будет действительно господствовать. К большому сожалению, некоторые элементы господства права в России до сих пор находятся исключительно на бумаге, что четко продемонстрировали выборы в Государственную думу в декабре 2006 г.

Конституционализация господства права создала условия для максимального использования этой концепции для развития и утверждения правового государства на уровне отдельных стран. Реализация концепции правового государства способствовала возникновению значительного числа централизованных государств, основанных на едином национальном внутреннем рынке, регулируемом вполне демократическим и реально работающим законодательством.

К середине-концу XX в. спираль истории сделала новый виток: на базе меняющегося международного разделения труда и интегрирующегося рынка хозяйственные связи стали все настойчивее вырываться за пределы «Европы суверенных государств», раздробленной на небольшие страны, разделенной границами, пошлинами, визами и т. д.

Выход хозяйственных связей за рамки национальных границ поднял вопрос о необходимости укрупнения политической организации народов, в частности Европы. Эту проблему и решили Европейские сообщества, первым началом которых стало создание общего рынка (подразумевавшего отмену всех межгосударственных барьеров на движение товаров, рабочей силы, других факторов и результатов производства). Начались аналогичные интеграционные процессы и в других регионах мира.

Сами национальные государства в рамках сообществ и учрежденного на их основе Европейского Союза не ликвидируются, но постепенно добровольно ограничивают свой суверенитет в пользу этого надгосударственного объединения, которое обеспечивает им благоприятные, вполне демократические и правовые условия развития. При этом экономическая интеграция постепенно втягивает в данный процесс и другие сферы общественной жизни: политическую, информационную, социальную, культурную и т. д., которые со временем также оказываются в сфере ведения Европейского Союза.

Таким образом, возникшая на конституционном, государственном уровне отдельных стран, идея господства права и правового государства в рамках Европейского Союза расширилась до международных региональных масштабов и при этом приобрела принципиально новое качество – она поднялась на новый, наднациональный уровень. Она стала обязательной не только для каждого отдельного государства и его органов, а для целого надгосударственного образования политической

власти (Европейского Союза), его институтов и органов. Она постепенно становится не менее важной для граждан Союза, чем для граждан отдельных государств.

Это развитие идет параллельно со становлением так называемого «регионального конституционного права», которое на примере Европейского Союза является скорее наднациональным конституционным правом.

Реальные потребности современного мира создают все предпосылки для регионализации и последующей глобализации этого феномена в XXI в.

Глобализация прав человека отчетливо проявилась уже с принятием Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Соответственно, важнейший компонент господства права – уважение прав человека – еще в прошлом веке стал глобальным принципом взаимодействия стран и народов. В Европе на региональном уровне он получил развитие и реализуется через Совет Европы, в котором тоже есть элемент наднациональности. Более того, именно на почве уважения прав человека на наднациональном уровне происходит сегодня сближение права Совета Европы и права Европейского Союза.

Современное развитие интеграционных процессов между различными странами всей логикой исторического цивилизационного развития предопределяет выведение и остальных компонентов господства права за пределы национальных государств, поднятие их на следующий, более высокий наднациональный уровень.

Это подтверждает процесс реализации господства права в рамках Европейского Союза, включающего сегодня уже 27 европейских государств, приверженных идеалам демократии, господства права и правового государства. Это отражается как в их национальных конституциях, так и в «конституционном» законодательстве Союза, к которому, как к неписаной конституции Великобритании, можно отнести основополагающие учредительные документы этой организации, регулирующие вопросы «конституционного» значения.

Господство права, свобода, демократия и уважение прав человека и основных свобод формулируются как общие ценности народов Европы (ст. 6 Договора о Европейском Союзе), отступление от которых недопустимо и будет иметь негативные последствия для любого государства-члена (ст. 7 Договора о Европейском Союзе)⁴.

Проект Договора, устанавливающего Конституцию для Европы 2004 г., воспринял эту концепцию, дополнив ее тем, что Союз намеревается продвигать свои ценности и в рамках общего внешнеполитического курса. Этот проект, быть может, несколько излишне смело и преждевременно, но, тем не менее, стратегически верно отразил общий вектор развития политики и права Европейского Союза. Когда проект Конституции не удалось ратифицировать в его первоначальном, сравнительно радикальном виде, руководство Союза решило вместо этого заключить Договор о реформировании Европейского Союза 2007 г., представляющий собой фундаментальный пересмотр учредительных документов организации в духе того, что было предначертано в проекте Конституции. Получилось как в добрые старые времена: Конституция умерла, да здравствует Конституция!

Положения, связанные с концепцией господства права и правового государства, были перенесены из проекта Конституции 2004 г. в проект Договора о реформе 2007 г. практически в неизменном виде. Это говорит о прочном консенсусе государств-членов Евросоюза относительно фундаментальной ценности господства права и правового государства для этой организации.

⁴ Цит. по: European Union Consolidated Treaties of The Treaty on European Union and The Treaty Establishing the European Community. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2006. – P. 12–13.

Европейский Союз, основанный на экономическом объединении государств, принципах свободной торговли, открытого рынка и конституционной экономики, сегодня в полной мере воплощает в процессе своей деятельности все основные элементы господства права, обогащая их природу и стимулируя к новому витку развития. Рассмотрим их по порядку.

1. Для Европейского Союза важнейшим принципом деятельности является принцип верховенства права ЕС в соотношении с правопорядками государств-членов. При этом обеспечивается высшая юридическая сила положений учредительных договоров – своего рода действующей «Конституции ЕС». Отступление от положений договоров недопустимо как для органов Союза, так и для государств-членов. Более того, положения права Европейского Союза имеют на его территории прямое действие⁵, как и положения многих конституций в правовых государствах.

2. Как уже отмечалось выше, важнейшим принципом деятельности ЕС является уважение прав человека и основных свобод. В соответствии со ст. 6 Договора о Европейском Союзе, он уважает основные права, как они гарантированы Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и как они вытекают из общих конституционных традиций государств-членов, в качестве общих принципов права Сообщества. Господство права и правовое государство прежде всего относятся к этим общим конституционным традициям государств-членов Союза.

В Европейском Союзе в 2000 г. был разработан и утвержден свой собственный перечень основных прав личности – Хартия Европейского Союза об основных правах. Этот документ отражает специфический современный подход к реализации прав человека, основанный на их универсальном характере и равновесной природе. Хартия Европейского Союза об основных правах была инкорпорирована в проект Договора, устанавливающего Конституцию для Европы 2004 г., а впоследствии перешла в проект Договора о реформе 2007 г., подтвердив тем самым преемственность и идеологическую идентичность этих двух эпохальных документов. Важнейшим результатом вступления Договора о реформе в силу должно стать придание Хартии Европейского Союза об основных правах обязательной силы, что существенно укрепит правовой статус европейских граждан.

3. Европейский Союз уважает национальную самобытность своих государств-членов и содействует развитию культурного, религиозного и языкового разнообразия европейских народов.

В Союзе неуклонно обеспечиваются жизненно необходимые для функционирования свободного рыночного хозяйства экономический плюрализм и свобода форм собственности, являющиеся экономической основой господства права.

На уровне Европейского Союза успешно развивается политический плюрализм, что подтверждается положениями учредительных договоров о политических партиях на европейском уровне и Регламенте ЕС о деятельности таких партий и их финансировании.

Наиболее емко этот плюрализм в различных сферах жизни выражен в предложенном в проекте Конституции 2004 г. девизе Европейского Союза: «Единый в многообразии». Хотя этот девиз, к сожалению, не попал в проект Договора о реформе 2007 г., он остается одной из незыблемых основ жизни Союза и очень точно отражает реалии общеевропейской действительности...

4. В организации, деятельности и взаимодействии главных органов ЕС – институтов – отчетливо прослеживаются элементы разделения властей, соединенных при этом в их конструктивном взаимодействии.

Так, функции законодательной власти, подобно двум палатам парламента в федеративном государстве, делят между собой Совет Европейского Союза и Ев-

⁵ Blair, A. Companion to the European Union. – N. Y., 2006. – P. 148.

ропейский парламент. Функции высшего органа исполнительной власти осуществляет Европейская Комиссия, которая одновременно является единственным органом, обладающим правом законодательной инициативы, и издает обширнейшее делегированное законодательство, которое реально дополняет законодательство Союза. Функции судебной власти осуществляют Суд Европейских сообществ и другие судебные учреждения ЕС. Однако прецедентное право, формируемое Судом, нередко на деле подменяет и дополняет не всегда успевающее за потребностями дня законодательство.

При этом формально, *de jure*, сам принцип разделения властей не закрепляется в учредительных документах, поскольку официально Европейский Союз не рассматривается в качестве государства. Эта позиция была специально подчеркнута изъятием из Договора о реформе символов государственности (флаг, гимн, лозунг), присутствовавших в Проекте Конституции 2004 г.

Принцип, призванный предотвратить концентрацию власти у одной из ее ветвей (выполняющий на наднациональном уровне Союза функцию, аналогичную разделению властей), назван в Договоре о реформе 2007 г. принципом предоставления полномочий (*principle of conferral*). Этой же цели содействуют принцип subsidiarity, обеспечивающий осуществление законодательства на максимально приближенном к населению уровне, и принцип пропорциональности. Последний предусматривает, что институты и органы Союза могут действовать лишь в строгом соответствии с зафиксированными в учредительных договорах целями и задачами, а интенсивность их деятельности должна соотноситься с уровнем значимости поставленной законной цели.

Отмеченное выше подчеркивает, что традиционный для правового государства принцип разделения властей требует серьезного переосмысления на наднациональном уровне.

5. Система наделения компетенцией и взаимодействия властей в Европейском Союзе может эффективно работать только при соблюдении принципа контроля за деятельностью институтов и органов, формирующих эту единую сбалансированную систему политической власти. Контроль осуществляется различными институтами и органами Союза, в частности Судом Европейского сообщества, Счетной палатой, Европейским парламентом и Европейским омбудсманом. Так, например, «Европейский омбудсман, избираемый Европейским парламентом, получает жалобы в отношении случаев нарушения порядка управления в деятельности институтов, органов или учреждений Союза на условиях, предусмотренных Конституцией. Он расследует эти жалобы и составляет в отношении них доклад. Европейский омбудсман осуществляет свои функции полностью независимо» (Проект Договора о реформе).

6. Принцип хорошего управления «good government» прямо зафиксирован в Хартии Европейского Союза об основных правах и в неизменном виде перенесен в проект Договора о реформе 2007 г. Право на хорошее управление, закрепленное в настоящее время в одноименной статье союзной Хартии (ст. 41), является систематизацией требований и гарантий, ранее сформулированных в решениях Суда Европейских сообществ.

Некоторые элементы, входящие в содержание рассматриваемого права, на деле выступают в качестве гарантий других субъективных прав личности:

- право быть заслушанным до вынесения против лица неблагоприятного для него решения, например решения о наложении штрафа или об отказе в удовлетворении ходатайства;
- право лица на доступ к созданному на него досье;
- обязанность администрации мотивировать свои решения;

– право на компенсацию убытков, причиненных институтами и служащими ЕС;
– право направлять обращения институтам Союза и получать от них ответ на любом из официальных языков ЕС по выбору заинтересованного лица (параграфы 2–4 ст. 41 Хартии; ст. 21, ст. 288 Договора о Европейском Сообществе).

7. «Хорошее управление», осуществляемое властными институтами и органами Союза, должно сочетаться с надгосударственным гражданским обществом, формирующимся в Европейском Союзе. Поэтому европейское законодательство, в частности Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г., стремится сознательно и целеустремленно стимулировать становление общеевропейского гражданского общества и обеспечивать его баланс с надгосударственными органами политической власти Союза. Это совершенно новое явление, требующее пристального внимания политиков и ученых.

8. В деятельности органов и институтов Союза с 90-х годов заметно расширение гласности, открытости и прозрачности, облегчение доступа публики к материалам и документам Союза⁶. Определенную роль в этом играют и умело используемые электронные средства массовой информации и технологии. В прилагаемой к Маастрихтскому договору Декларации № 17 говорится, что «открытость процесса принятия решений укрепляет демократическую природу институтов и веру общественности в правильность управления Сообществом»⁷.

В то же время своеобразная закрытость и даже засекреченность значительной части деятельности Совета и Комиссии остаются общепризнанным фактом. Так, Д. Чалмерс отмечает, что «в Совете ЕС не бывает публичных дебатов, в Европейский парламент нет доступа частным лицам, а протоколы заседаний не публикуются. Вследствие этого общественность... не осведомлена о том, что происходит в Совете ЕС...»⁸. По признанию профессора С. Уэзэрилла, «такая прискорбная непрозрачность создает у общественности неправильное представление о том, чем является Сообщество...»⁹. Поэтому вопрос о дальнейшей демократизации процедур и механизмов управления Союзом остается весьма актуальным... Одним из серьезных шагов в этом направлении должен стать Договор о реформе 2007 г.

Само лингвистическое понятие «правовое государство» на надгосударственном уровне постепенно все более отличается от того, как воспринимается индивидом понятие «правовое государство» на государственном уровне. В рамках Европейского Союза формируется качественно новое право – надгосударственное право, а вместо традиционного государства выступает своеобразное надгосударственное образование, что совсем не идентично государству.

Понятие «господство права» как бы сливается с понятием «правовое государство». Они предполагают и предопределяют, взаимодополняя и взаимообогащая друг друга.

Более того, понятие «господство права», «правовое государство» на разных языках несколько отличаются, формируя своеобразное понятийное многообразие. Выражение «правовое государство» (*der Rechtsstaat*) считается специфическим, чисто немецким словообразованием. В англо-саксонской правовой культуре ему соответствует «*rule of law*» (господство права), во французском – «*regne de la lios*» (царствование законов, господство законов) или «*limitation des gouvernants*» (ограничение правителей) и т. д. В рамках многоязычного Европейского Союза многоязычие становится не только официальным формальным требованием, необходи-

⁶ Европейское право: учебник для вузов / под ред. Л. М. Энтина. – М., 2000. – С. 215.

⁷ European Union. Selected Instruments Taken from the Treaties. – Book I, Vol. I. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 1995. – P. 665.

⁸ Chalmers, D. European Union Law. – Vol. I. Law and EU Government. – Dartmouth, 1998. – P. 184.

⁹ Weatherill, S. Law and Integration in the European Union. – Oxford, 1995. – P. 61.

мым для обеспечения равноправия государств-членов и граждан Союза, но и практической потребностью каждого человека, обеспечивающей реализацию удобств, создаваемых интеграцией.

В результате индивидуумы, мыслящие на разных языках, приобретают качественно новое, все более всеобъемлющее и точное понимание термина «господство права», «правовое государство». Оно приобретает своеобразное, характерное для Европейского Союза «единство в многообразии». Этот сложный психолингвистический процесс становится важным фактором восприятия и укоренения этого основополагающего правового понятия у населения, составной частью складывающейся комплексной правовой культуры современного Европейского Союза. На это направлена и официальная политика поддержки Союзом многоязычия и изучения языков стран-членов ЕС, зафиксированная, в частности, и в Договоре о реформе. Чрезвычайно важно укоренение этого принципа и на российской почве. Этому помогают и расширение в нашей стране знания иностранных языков, и растущая информационная культура нашего общества.

Очевидно, что господство права – это то, что концептуально сближает правовые порядки Европейского Союза, его государств-членов и российскую правовую систему. Стремление к утверждению господства права, свободы, демократии, уважению прав личности являются общими ценностями, которые сегодня объединяют Россию с другими европейскими странами.

Другое дело, смогут ли господство права и другие разделяемые нашим многонациональным народом ценности стать определяющим ориентиром во внутренней и внешней политике России. Это зависит от нас самих. Кстати, качество многонациональности понятий «россиянин» и «европеец», сближающее их, заслуживает специального изучения.

Формирование общего правового пространства в Европе непременно должно опираться на господство права и воплощать его основные элементы как общие принципы права.

Все это доказывает востребованность концепции господства права не только на уровне национальных государств, но и на уровне их объединений интеграционного характера, в том числе и на наднациональном уровне.

Утверждение господства права и правового государства как важнейшей ценности различных европейских культурно-цивилизационных типов, всей европейской культурно-цивилизационной системы непосредственно связано со становлением европейского права и формированием общего европейского правового пространства.

Несомненно, господство права – это тот принцип, который с необходимостью должен отразиться в ближайшем будущем в основах организации и функционирования других интеграционных объединений регионального характера с универсальной компетенцией в качестве дальнейшего витка их развития.

Это в полной мере относится к Содружеству Независимых Государств (СНГ) и другим интеграционным группировкам, которые могут возникнуть на территории бывшего СССР. Принципиальной ошибкой создателей СНГ, которая во многом породила и современный кризис этого интеграционного объединения, было игнорирование в ее уставных положениях идеи приверженности общим ценностям свободы, суверенитета и демократическим идеалам на основе господства права и общего культурного наследия республик бывшего СССР.

СНГ должно и может получить «новое дыхание» в XXI столетии, если воплотит идеи господства права и создаст новый базис для политического, экономического, социального и культурного процветания народов его стран.

Как мы видим, важным ближайшим практическим шагом, который будет существенно влиять на будущую динамику наших взаимоотношений с Европейским Союзом, должно стать заключение нового договора о сотрудничестве между РФ и ЕС.

Проект будущего стратегического договора между Россией и ЕС представляется нам в более глобальном философско-правовом, мировоззренческом контексте. Подобно действующему Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией, за которым последовали аналогичные договоры Союза с другими странами СНГ, новый договор должен разработать общие в своей основе правовые механизмы и алгоритмы сотрудничества с другими постсоветскими странами. Это с неизбежностью создаст некое общее поле сотрудничества, выходящее за пределы географических границ Европы и имеющее геополитическое значение.

Это закономерный процесс развития Большой Европы, демократической России, постсоветского пространства и мира в целом.

Будущий договор должен быть комплексным интеграционным договором, логично и последовательно ставящим прежде всего экономические цели. Их реализация благодаря известному европейской практике «эффекту перелива» будет вовлекать в свою орбиту все новые и новые отрасли и сферы жизни России и Европейского Союза.

Поэтому вслед, а скорее всего, одновременно с общим экономическим пространством России и Евросоюза будет с неизбежностью формироваться в значительной степени обслуживающее это пространство – общее правовое пространство.

Все это, однако, невозможно без политической воли и высших форм политического взаимодействия сторон, что по мере сближения должно формировать новое политическое пространство. Новый договор должен скоординировать эффективное управление процессами создания этих пространств и четкое взаимодействие между ними.

Столь глубокие и всесторонние взаимоотношения не могут развиваться без определенной общей идеологической базы.

По нашему глубокому убеждению, таким общим, сближающим Россию и ЕС идеологическим пространством может стать идеология господства права и правового государства. Чем полнее каждый из партнеров будет отвечать критериям соблюдения господства права, тем больше будет капитал взаимного доверия и готовности развивать отношения дальше. Надо подчеркнуть, что именно эта идеологическая база является оптимальной для сотрудничества юристов, проектирующих новый договор, тем более что господство права, правовое государство являются конституционной основой как Российской Федерации, так и Европейского Союза. Поэтому такая общая демократическая идеология, основанная на общецивилизационных ценностях, должна пронизывать рассматриваемый Договор и многие стороны нашей совместной деятельности.

Международное право все более полно и четко воспринимает концепцию господства права и способствует распространению ее основных компонентов по всем странам и международным организациям во всех уголках земного шара. Эта концепция становится составной частью сложившегося в международном праве принципа уважения прав человека и других демократических принципов, реализуемых не только на основании положений действующего международного права, но и в силу их неоспоримой логики и высокой степени убедительности.

В той же мере господство права рано или поздно должно претерпеть глобализацию, как это происходит с правами человека. Международное право должно перестать быть заложником международной, нередко силовой, политики. Международная политика должна осуществляться подлинно правовыми государствами и полностью оказаться в сфере действия международного права, основанного на господстве права уже во всемирном масштабе и быть ему безусловно подчиненной.

Утверждение господства права на глобальном уровне сделало бы невозможными политические махинации, диктат, агрессивное поведение и применение насилия на международной арене, значительно снизило бы степень коррумпированности некоторых международных организаций, помогло бы сделать наш мир более справедливым и отвести угрозу новой мировой войны. Это помогло бы сконцентрировать материальные и людские ресурсы на решении подлинно глобальных проблем Человечества, таких как экология, сырьевые и энергетические ресурсы, изменение климата, продукты питания, питьевая вода и т. д.

Утверждение и признание господства права и правового государства на глобальном уровне вслед за правами человека стало бы логичным и закономерным результатом развития в нашу космическую эру гуманистических идей, заложенных еще в эпоху Просвещения.

Дальнейшее развитие глобализирующейся мировой экономики на основе открытия национальных и региональных рынков, очевидно, приведет к необходимости видоизменения международно-правовой надстройки.

Процесс глобализации господства права будет во многом зависеть от успешности реализации планов по реформированию Организации Объединенных Наций, что неизбежно произойдет.

Устав ООН в новой редакции или даже новый Устав, как главный юридический документ планеты, должен в полной мере отразить идею верховенства международного права и подчинения ему международной политики. С этой целью должна быть реформирована внутренняя структура ООН на основе принципа справедливого представительства и разделения полномочий, укреплен механизм соблюдения прав человека на основе опыта, существующего на европейском уровне.

Новый международный правопорядок должен отражать идею уважения духовно-культурного многообразия человеческой цивилизации, плюрализм политической культуры и общественно-политических систем народов, их государств и объединений их государств.

Глобализация господства права приведет к юридическому закреплению идеи диалога культурно-цивилизационных систем, при котором ни одна из существующих мировоззренческих традиций и религиозных учений на практике не должна претендовать на свою глобальную исключительность.

Глобальное господство права может быть реализовано только в условиях многополярности мира и уважения суверенитета государств. Оно может формироваться на основе демократических и естественно формирующихся интеграционных союзов (подобных Европейскому) в разных регионах мира, которые имели бы тенденцию к взаимному сближению, объясняемому глобальностью стоящих перед человечеством проблем, преодолеть которые необходимо для его выживания. Для этого потребовалась бы расширяющаяся и углубляющаяся надгосударственная управленческая координация мирового развития при готовности суверенных участников к серьезным индивидуальным и групповым компромиссам.

Необходимы поиск и разработка приемов и методов «хорошего мирового правления», сочетания его с созданием жизнеспособного и ответственного мирового гражданского общества. В этих условиях неизбежного проявления инстинкта самосохранения человечества может найти новое звучание принцип предоставления полномочий, принципы субсидиарности, пропорциональности и многие другие инструменты и механизмы, работающие или еще только формирующиеся в интереснейшей интеграционной лаборатории будущего под названием Европейский Союз.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ПРОБЛЕМА «ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

А. В. Митрофанова

Статья посвящена роли религии в мировой политике. Автор полагает, что религия появляется на мировой арене в виде системы транснациональных связей между государствами, отдельными группами, общинами и политическими движениями. Эти связи устанавливаются «поверх» государственных границ, создавая дополнительную систему взаимосвязей. Транснациональные религиозные системы автор предлагает называть «мирами» или цивилизациями. Эти цивилизации имеют прерывистую структуру и состоят не только из государств, но и из негосударственных субъектов. Цивилизации объединяются не религиями как таковыми, а религиозными идеологиями или «политическими религиями». Политическая религия представляет собой идеологию, позволяющую приложить религию к политике.

На наш взгляд, многозначность слова «религия» и его производных («религиозный», «религиозность») препятствует адекватному пониманию роли религиозного фактора в мировой политике. В обыденном словоупотреблении существует столько толкований смысла этого слова, что для научных целей приходится намеренно сужать его значение. Среди основных значений слова «религия» можно упомянуть религию как мировоззрение; религию как набор ритуалов (культ); религию как личный опыт переживания сверхъестественного (по Уильяму Джеймсу) и религию как совокупность институтов. В качестве фактора мировой политики религия выступает главным образом в двух своих ипостасях: как система убеждений (мировоззрение) и как набор институтов.

Исходя из этих двух значений слова «религия», мы предлагаем отличать религиозный фактор в мировой политике от конфессионального фактора. Под термином «конфессия» подразумевается организованная религия, воплощенная в каких-либо социальных институтах (церковь у христиан, система улемов у мусульман, буддистская сангха и др.). Практика показывает, что любая религия, даже не предполагающая строгой иерархической организации (подобной организации католической и православной церкви), тем не менее, всегда имеет определенную институциональную структуру («церковь» в широком смысле слова). Институциональные структуры разных религий являются участниками мирового политического процесса, выступая как вариант или аналог неправительственных организаций (НПО). Представляется, что относить деятельность религиозных организаций к «религиозному фактору» в мировой политике не совсем корректно, так как речь идет не о влиянии религии как мировоззрения, культа или опыта, а именно о влиянии организаций. Например, следует различать «католический фактор» (который часто реализуется вне церкви) и «фактор католической церкви» в мировой политике.

К сожалению, проблема взаимоотношений религии и политики часто сводится к проблеме отношений церкви (или другого религиозного института) и государст-

ва. Явления внецерковного и внегосударственного характера (транснациональные религиозные движения, религиозно мотивированный терроризм, религиозно-этнические конфликты) упоминаются вскользь. Между тем религия не тождественна «церкви» или любой другой официальной структуре. Религия часто появляется на мировой арене в виде системы транснациональных связей между государствами, отдельными группами, общинами и политическими движениями. Эти связи устанавливаются «поверх» государственных границ, создавая дополнительную систему взаимосвязей, сосуществующую с системой межгосударственных отношений. В каком-то смысле, происходит частичное возвращение мира к догосударственному состоянию, когда лояльность человека может принадлежать как государству, так и транснациональной религиозной общности.

По мнению крупнейшего современного исследователя национализма Бенедикта Андерсона, религиозные сообщества досовременной эпохи не были привязаны к определенной территории: будучи глобальными, они простирались почти безгранично, объединенные священными языками и общими сакральными текстами¹. Языками-объединителями были латынь, арабский, церковнославянский и другие языки священных текстов. Но уже в позднем Средневековье начинается процесс «территориализации вероисповеданий», предвосхищавший переход к сакрализации нации и территории². Одним из явных проявлений этой территориализации стала замена латыни – общего языка западно-христианского мира – на множество национальных языков Европы. Уже в XVIII в. национализм в каком-то смысле пришел на смену религии в качестве всеобъемлющего мировоззрения. Он превратился в особую религию, не предполагавшую веры в сверхъестественное, но наделявшую сакральным значением государство-нацию и его символы: герб, флаг, могилы героев борьбы за национальную независимость и т. д. В рамках национализма вырабатываются собственные квазирелигиозные ритуалы поклонения: смена караула на могилах неизвестных солдат, церемония поднятия флага, обычай отмечать национальные (существующие только у данной нации) праздники. Национализм говорит о наличии мистической связи между гражданином государства и его территорией, «объясняя» гражданину каждого конкретного государства, почему он должен сохранять этому государству лояльность, даже родившись за его рубежами.

Однако не для всех граждан националистические объяснения звучали убедительно. Уже в начале XX в. мир разделился на две части, возник Коммунистический Интернационал, и тысячи, если не миллионы, граждан разных стран потеряли лояльность «своим» правительствам, перенесли ее на удаленные идеологические центры. Коммунистическая идеология стала первым конкурентом национализма. Лишь несколько государств действительно разделились на части под влиянием идеологических противоречий (Южный и Северный Вьетнам, Южная и Северная Корея, Западная и Восточная Германия и т. д.). Но даже внутри монолитных государств существовали мощные диссидентские движения, которые вели борьбу (иногда вооруженную) с правительствами своих стран. Можно привести в качестве примера и левых террористов 1960-х гг., и людей, по идейным мотивам становившихся агентами СССР, и различные вооруженные группы сопротивления (бандеровцы, «лесные братья»), действовавшие в СССР. Существование мощных «внутренних врагов» всячески замалчивалось властями соответствующих государств (как правило, их провозглашали «отдельными отщепенцами» и приравнивали к уголовникам), так как само их наличие подрывало националистическую

¹ Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – С. 36.

² Там же. – С. 41.

мифологию. Впрочем, эти силы не обладали достаточными возможностями, чтобы перейти от партизанской войны к масштабным вооруженным конфликтам.

«Возвращение» религии в мировую политику заставило некоторых западных ученых заговорить о «новом Средневековье» (neomedievalism) – то есть об эпохе, когда лояльность граждан принадлежит не государству, а транснациональным религиозным сообществам³. В этот период, как и в эпоху Средневековья, территория не имеет особого значения, так как люди получают возможность вступать друг с другом в непосредственные контакты, не пересекая физически государственных границ. Более того, нет необходимости и в использовании старых средств связи, таких как почта или телефон, которые слишком уязвимы перед силой государств (прослушивание, перлюстрация). Потеря связи с территорией, снижение значимости физического контакта делает различные негосударственные субъекты, так сказать, все менее и менее уловимыми. Многие политологи предпочитают говорить не о международных отношениях (отношениях между «народами», то есть, государствами), а о мировой политике, в которой взаимодействуют государства, этнические группы, проживающие на территории одного или нескольких государств, а также транснациональные субъекты.

Эпоха Средневековья с ее нечеткой территориальностью и размытыми лояльностями осталась так далеко в прошлом, что язык теории международных отношений не позволяет адекватно выразить новые явления. Под вопросом оказывается сам термин «транснациональные религиозные сообщества». Как отмечает американский исследователь Хосе Казанова, называть религии транснациональными можно только по отношению к системе суверенных национальных государств, которая заменила средневековый христианский мир (Christendom), где светская (национальная) и папская (интернациональная) власти находились в состоянии неустойчивого равновесия⁴. Сами «транснациональные» политические религии себя с этой системой никак не соотносят; в этом смысле их правильнее называть «наднациональными» или даже «внеациональными». Слово «транснациональный» – не более чем эвфемизм, позволяющий «старому» миру суверенных государств хоть как-то примириться с новыми субъектами мировой политики. Сьюзан Хебер Рудольф (университет Чикаго) предлагает использовать метафору «прозрачных пластиковых схем», которые накладываются на традиционную политическую карту мира, не отменяя суверенных государств, а сосуществуя с ними⁵. В реальности между миром государств и миром транснациональных субъектов имеет место не столько сосуществование, сколько битва на выживание, исход которой зависит от того, насколько успешными оказываются национальные проекты.

Каждая транснациональная религиозная система («мир» или «цивилизация») состоит из разнородных элементов, включая государства, религиозные анклав в границах других государств, транснациональные движения и т. д. Чтобы проиллюстрировать наше понимание структуры «цивилизаций», возьмем общепотребительное понятие «исламский» или «мусульманский» мир. Именно об этом «мире» существует больше всего литературы, как аналитической, так и концептуальной. Идеальное представление об исламском миропорядке заключается в том, что разделение сообщества мусульман (уммы) на суверенные государства не имеет смысла. Единственным суверенным правителем всех государств является Бог. На

³ См.: Bull, H. *The Anarchical Society*. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1977.

⁴ См.: Casanova, J. *Globalizing Catholicism and the Return to a «Universal» Church // Transnational religion and fading states / Ed. by S. Rudolph, J. Piskatori*. – Boulder (Co.): Westview, 1997. – P. 121.

⁵ Rudolph, S. H. *Introduction: Religion, States and Transnational Civil Society // Transnational religion and fading states*. – P. 12.

семинаре «Государство и политика в исламе» (Лондон 1983) было принято решение о необходимости ликвидировать национализм во всех его проявлениях, особенно в форме «нация – государство»⁶. В идеале сообщество мусульман должно совпадать с единым исламским государством. На практике реализации этой идеи оказалось добиться трудно. Между отдельными мусульманскими государствами существуют противоречия, которые не являются непреодолимыми, но не позволяют говорить об их объединении в единое государство. Межгосударственные союзы, основанные на исламе (организация «Исламская конференция», Исламская комиссия Международного красного полумесяца, Исламский банк развития, Исламская организация по образованию, науке и культуре), носят формальный характер. Как пишет известный российский исламовед А. А. Игнатенко, «исламский мир как консолидированный субъект международной политики существует только виртуально, в качестве некоего проекта, точнее, проектов...»⁷. Картина меняется, если учесть существование негосударственных субъектов (например неправительственных транснациональных исламских движений, исламских меньшинств внутри государств и т. д.). На транснациональном уровне исламский мир – не проект, а реальность.

Доказательством существования мощных транснациональных исламских связей может служить, например, бурная отрицательная реакция всего исламского мира на книгу «Сатанинские стихи» Салмана Рушди. Демонстрации и другие акции протеста по этому поводу проходили не только в «официальных» исламских странах, но и везде, где живут сторонники политического ислама. Тем самым многие западные страны неожиданно оказались частью транснационального «исламского мира». Стало очевидным, что хотя в исламский мир могут входить целые государства (так называемые исламские, то есть идеократические, например Иран), его равноправной частью являются также политически активные исламские элементы в светских государствах: партии, движения, отдельные личности. Эти элементы, конечно, могут стремиться к завоеванию власти в своих государствах, но могут и устанавливать контакты с единомышленниками поверх государственных границ.

Предположение, что книга Рушди может быть опубликована в России, также продемонстрировало, что трансграничные исламские связи существуют. 22 апреля 1998 г. мусульманские лидеры России, придерживающиеся самых разнообразных политических взглядов (лидер радикальной организации Союз Мусульман России Надиршах Хачилаев, председатель Духовного управления мусульман Центрально-европейского региона России Равиль Гайнутдин, сторонник евразийского ислама Гейдар Джемаль и др.), выпустили совместное заявление, направленное против запланированного издательством «Лимбус-пресс» издания «Сатанинских стихов» на русском языке. В этом заявлении они писали, что «исполнителям этого преступного заказа никто не сможет гарантировать покой и личную безопасность в случае реализации этого враждебного плана... судьба предыдущих издателей этой книги в других странах должна послужить уроком тем, кто сегодня хочет испытать собственную судьбу», а на последовавшей пресс-конференции Н. Хачилаев прямо сослался на изданную аятоллой Хомейни фетву⁸. Возникает впечатление, что распоряжение лидера одного государства, пользующегося особым авторите-

⁶ См.: Жданов, Н. В. Исламская концепция миропорядка. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 24.

⁷ Игнатенко, А. А. Самоопределение исламского мира // Ислам и политика (Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2001. – С. 9.

⁸ Верховский, А. М., Михайловская, Е. В., Прибыловский, В. В. Политическая ксенофобия: радикальные группы. Представления политиков. Роль церкви. – М.: Панорама, 1999. – С. 115.

том в исламском мире, обязывают к действиям граждан других государств, причем светских и даже не мусульманских в культурном смысле. При этом никто не поднимал вопроса о противоречиях между шиитами и суннитами. Другой иллюстрацией негосударственного понимания исламской солидарности может послужить тот факт, что во время кризиса 1991 г. даже в тех странах, где правящие режимы включили свои вооруженные силы в антииракскую коалицию (Марокко, Бангладеш, Египет, Сирия, Пакистан), проходили массовые демонстрации в поддержку Саддама Хуссейна. Во всех этих случаях очевиден контраст между позицией правительства и позицией неправительственных организаций и отдельных граждан.

Что касается противоречий внутри исламского мира, которые некоторые ученые заранее объявляют непримиримыми⁹, по этому поводу можно привести следующее высказывание Бессама Тиби: «Западные исследователи ислама, имеющие, как правило, не социологическое, а филологическое образование, по праву указывают на многообразие ислама. Однако из этого они делают неверный вывод – о недопустимости обобщающих суждений. Возможно, в филологии это и правильно, но не в политике и обществе: в этих сферах подобного рода аргументация явно ошибочна. При надлежащем знании предмета обобщение в определенной степени не только возможно, но даже необходимо, в противном случае подвергаешь себя опасности не распознать подлинную проблему. Исламский мир чрезвычайно разнообразен, но его многообразие укладывается в общий спектр, который следует именовать исламской цивилизацией. Исламизм, соответственно, также многолик и все-таки это – единый феномен»¹⁰. В рамках исламского мира взаимодействуют самые разнообразные субъекты: государства вступают в контакты с транснациональными террористическими группами, шииты поддерживают суннитов, а сунниты – шиитов. Так, Иран и Саудовская Аравия поставляли оружие мусульманам Боснии-Герцеговины, а радикальные исламисты из разных стран сражались в боснийской армии¹¹. Ливийский лидер Муаммар Каддафи предоставил руководителю афроамериканской организации «Нация ислама» Л. Фаракану миллион долларов на ведение исламской пропаганды в США, а Фаракан в ответ выступил с призывами прекратить санкции против Ливии¹². Список подобных примеров можно продолжить.

Ни одно государство нельзя рассматривать как монолит: в светских государствах есть сегменты общества, ощущающие себя частью исламского мира, а в исламских идеократических государствах, разумеется, существует оппозиция (тайная или явная), которая себя частью исламского мира не ощущает. Еще ярче дисперсная, прерывистая структура «цивилизаций» проявляется в связи с «католическим миром» в понимании теологов освобождения, то есть с католическим социалистическим миром. Пожалуй, лишь Никарагуа можно назвать государством, воплотившим идеологию прогрессивного католицизма в жизнь на общенациональном уровне; по этой причине никакого союза государств на основе теологии освобождения возникнуть не могло. «Католический социалистический мир» теологов освобождения состоял исключительно из негосударственных субъектов: политических движений, базовых христианских общин и отдельных лиц. В наше время «цивилизации» могут приобретать виртуальный характер: например, радикальные протестантские группы, основанные на идеологии «превосходства белой

⁹ Rudolph, S. H. Dehomogenizing Religious Formations // Transnational religion and fading states / Ed. by S. Rudolph, J. Piskatori. – Boulder (Co.): Westview, 1997. – P. 244.

¹⁰ Тиби, Б. Политизация религии // Internationale Politik. – 2000. – № 2. Интернет-версия: <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2000-02/article04.html>

¹¹ Гуськова, Е. Ю. История югославского кризиса. (1990–2000). – М.: Издатель А. Соловьев, 2001. – С. 279–281.

¹² Игнатенко, А. А. Указ. соч. – С. 11.

расы», еще в начале 1980-х гг. начали использовать возможности компьютерных сетей для обмена информацией. Эта «цивилизация» (если можно применить такой термин к виртуальной общности) является полностью нетерриториальной и состоит из «фантомных сотовых сетей» или «единиц автономного управления», не зависящих друг от друга, но способных к одновременным действиям во имя поставленной цели¹³.

Все «цивилизации», таким образом, являются дисперсными по структуре: исламский мир, например, включает в себя не только официальные исламские страны (в конституциях которых упоминается ислам как основа законодательства), но и многочисленные анклавные территории на территориях различных государств. А. А. Игнатенко пишет, что в Великобритании существует образование, «частично выведенное из-под юрисдикции британской Короны», – зона, ограниченная отдельными мечетями, предприятиями и т. д. «Люди, расселенные дисперсно, но включенные в эту зону, характеризуются изоляционизмом, живут по исламскому праву (для них решающей идеологической и судебной инстанцией является так называемый “шариатский суд Великобритании”», – пишет он¹⁴. Такие разорванные в пространстве анклавные образования уже во всех европейских странах. В Германии действуют турецкие исламские организации, такие как «Национальный взгляд – исламское общество» с центром в Кельне. Она содержит в 252 городах Европы лагеря и школы с 14 тысячами учащихся¹⁵. «Второй религией» становится ислам во Франции и Италии¹⁶. На территории Российской Федерации 16 августа 1998 года (в селах Карамахи и Чабанмахи Буйнакского района республики Дагестан) возник исламский анклав, где отменялись законы России и вводились законы шариата. Означает ли это, что Великобритания, Германия и Россия – «исламские государства»? Мы полагаем, что нет. Парадокс в том, что государство, не будучи исламским, может неожиданно для своего руководства оказаться частью транснационального «исламского мира».

Логично, что многие ученые-исламоведы заимствуют лексикон международного коммунистического движения, говоря то о «Коминтерне ислама», то об «исламской гражданской войне в Испании» (то есть о войне в Афганистане)¹⁷. Однако, по нашему мнению, «исламский мир» не следует понимать как аналог Коминтерна; напротив, это структура, обратная Коминтерну. Коминтерн при всем его негосударственном, даже антигосударственном характере представлял из себя жесткую иерархическую структуру. У него был единый центр, рассылавший обязательные к исполнению директивы. Ничего подобного нельзя найти в современных транснациональных религиозных движениях, в частности, в транснациональном исламе. Формальные структуры здесь отсутствуют или не обладают достаточным влиянием. Тем не менее, у наблюдателя возникает впечатление вполне скоординированной деятельности. Каким образом транснациональные религиозные движения добиваются такой координации (если, конечно, не принимать во внимание версию с законспирированным руководящим центром)?

Ответ на этот вопрос политологи видят в принципе эмуляции, который заключается в том, что, несмотря на отсутствие формальных руководящих структур,

¹³ Hoffman, B. Inside Terrorism. – N. Y.: Columbia Univ. Press, 1998. – P. 118.

¹⁴ Игнатенко, А. А. Указ. соч. – С. 16, 17.

¹⁵ Киреев, Н. Г. Антитеррористическое законодательство и борьба с радикальным исламом в Турции // Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан, Пакистан, Иран и Турция – современное состояние, история и перспективы). – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2001. – С. 326.

¹⁶ См.: Кудрявцев, А. Вторая религия Франции // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 2; Баутдинов, Г. Станет ли Италия мусульманской страной? // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 2.

¹⁷ Rudolph, S. H. Указ. соч. – P. 13, 255.

религиозно-политические группы воспроизводят организационные формы и доктрины друг друга¹⁸. Когда речь заходит о транснациональных религиозных сообществах, многие полагают, что это означает формальные структуры, более или менее управляемые из единого центра. Но на практике речь не всегда идет о формальных организациях и запланированных кампаниях. Впечатление координации создается из-за того, что группы со сходными задачами возникают по принципу эмуляции в различных уголках мира. Именно так создавались в конце 1960-х – начале 1970-х гг. католические организации, основанные на принципах теологии освобождения (ватиканская иерархическая структура была здесь ни при чем, так как Ватикан не поддерживал этих организаций). «Транснациональные влияния осуществляются более сложными и разнообразными способами. Сети могут принимать разные формы, варьируясь от вертикальных и иерархических структур – классическая католическая модель – до более безлидерных моделей, в которых преобладает эмуляция, а не проекция», – пишут американские специалисты по теологии освобождения Д. Левин и Д. Столл¹⁹. В частности, по их мнению, у теологии освобождения не было четкого «момента появления». «Вместо этого изменения возникают на основе одновременного создания и неформальной эмуляции, когда группы священников и обычных людей начинают экспериментировать с новыми идеями и моделями перемен примерно в одно и то же время по всему региону»²⁰. Примерно так же (на основе эмуляции) возникают и действуют по всему миру исламские политические группировки, а также группы «белого арийского сопротивления». Разумеется, после того, как количество таких организаций возрастает, они могут устанавливать контакты между собой и создавать координационные центры.

Подчеркнем, что когда мы говорим о цивилизациях или «мирах», речь идет о транснациональных религиозных сообществах, основанных не на «просто религиях», а на религиозных идеологиях (политических религиях). Сам факт, что люди исповедуют какую-либо религию, не является политической проблемой. «Просто религии» в наше время не образуют транснациональных сообществ: их приверженцы, включая религиозное руководство, ощущают себя прежде всего лояльными гражданами своих государств. Например, та часть мусульман, живущих в Западной Европе, которая не идентифицирует себя с политическим исламом, не является источником угроз для целостности европейских государств. Угрозу представляют приверженцы политического ислама, которые в традиционном смысле могут даже не быть мусульманами: не знать основ ислама, не практиковать его, не соблюдать пищевых запретов и т. д.

Хотя религиозные идеологии лишь отдаленно напоминают исходные религии, именно они служат основой массовых политических действий. Сторонникам политических религий присуще дуалистическое восприятие мира как арены противостояния «своих» и «чужих». Однако водораздел, в их понимании, проходит не между, например, православными и неправославными (то есть мусульманами, католиками, атеистами, безрелигиозными людьми и др.), а между «нашими» и «всеми остальными». В число «всех остальных» могут попасть и стойкие приверженцы православия, и даже иерархи православных церквей. Напротив, «нашими» часто становятся люди, далекие от православия: атеисты, неоязычники, католики-славяне, мусульмане и т. д. То же самое характерно для всех политических религий.

¹⁸ Eickelman, D. F. Trans-State Islam and Security // Transnational religion and fading states... – P. 32.

¹⁹ Levine, D. H., Stoll, D. Bridging the Gap Between Empowerment and Power in Latin America // Transnational religion and fading states... – P. 73.

²⁰ Ibid. – P. 74.

гий: первой мишенью их критики становятся не столько представители иных религий, сколько официальные лидеры «их» религии или ее аполитичные приверженцы. Процессы политизации религии не поддаются контролю со стороны официальных религиозных лидеров, авторитет которых мало что значит для приверженцев политической религии. Сторонники политического православия могут вообще не быть «верующими» в традиционном смысле: они исповедуют не религию, а религиозную идеологию.

По нашему мнению, *политическая или политизированная религия представляет собой идеологию, позволяющую приложить религию к политике*. Политические религии появились потому, что религия не может стать непосредственной основой политического действия. Большинство политических режимов, установленных на основе религии, являются не теократическими в буквальном смысле, а идеократическими, то есть строятся не непосредственно на принципах религии, а на принципах соответствующей идеологии.

Термин «политическая религия» восходит к книге немецкого ученого Эрика Фёгелина «Политические религии» (1938), где он называет политическими религиями тотальные идеологии, подобные коммунизму, фашизму и национал-социализму. Эти идеологии служат в качестве обоснования национального единства, придавая политическому порядку квазирелигиозное измерение, хотя и в превращенной форме²¹. Превращенность формы – исключительно важное понятие в данном случае. Оно указывает, что для Фёгелина и его последователей «политическая религия» не представляет собой религии в собственном смысле слова: это идеология, обладающая всеми признаками религии, но не предполагающая веры в Бога. Не зря термин «политическая религия» может быть заменен термином «светская религия» (как это и сделал в свое время известный французский социолог Раймон Арон). Естественно, что европейцы-христиане могли называть «религией» идеологию, не включавшую веры в Бога, только в метафорическом смысле. Однако сейчас, когда в поле зрения ученых попадают религии, изначально не предполагающие веры в Бога, различие между «религиями» и «идеологиями» становится еще более смутным, чем во времена Фёгелина.

Представляется, что религия отличается от идеологии тем, что включает веру в существование сверхъестественных сил, которые влияют на события нашего мира. Идеология не предполагает веры в сверхъестественное, хотя эту точку зрения, разумеется, можно оспорить – так, можно считать «сверхъестественными» сущностями «нацию» или «государство» в том виде, в каком их представляет данная идеология. Ведь такого объекта, как «дух нации», в реальности не существует. Именно из этого исходил Фёгелин, обозначая тотальные идеологии как «политические религии», – он полагал, что эти идеологии наделяют квазиреальностью и «обожествляют» такие общие понятия, как класс, раса или государство²². Тем не менее, «обожествление» следует в данном случае понимать как метафору. В принципе, идеология принадлежит этому миру. В самом первом приближении, она представляет собой набор идей, обосновывающих политические действия. Если же идеология включает элементы сверхъестественного, если политическое действие обосновывается через апелляцию к явлениям потустороннего мира – мы имеем дело не с идеологией в чистом виде, а с политической религией. Таким образом, «политические религии» Фёгелина в нашем понимании ближе к «чистым» идеологиям и могут быть названы «политическими религиями» лишь в переносном смысле.

²¹ Maier, H. Politische religionen. Die totalitaeren regime und das Christentum. – Freiburg; Basel; Wien: Herder, 1995. – P. 29.

²² Maier, H. Op. cit. – P. 30.

Наше использование термина соотносится с «классическим», так как в данной работе, как и, например, в трудах последователя Фёгелина Хуана Линца, политическая религия понимается как мировоззрение, претендующее на абсолютную истинность и несовместимое с существующими религиозными традициями²³. Однако наше понимание политической религии находится ближе к тому, что Линц определяет как «теократию», подчеркивая, что в данном случае политика используется в религиозных целях, а не наоборот²⁴. Для Линца «теократия» является не политической религией (которую он, следуя Фёгелину, рассматривает как светскую идеологию), а «политизированной религией», которая, тем не менее, каким-то образом соотносится и с политическими религиями.

Можно отметить, что термин «политическая религия» часто используется учеными для обозначения религиозных идеологий: как напрямую (например в статье Петера ван дер Веера «Политическая религия в двадцать первом веке») ²⁵, так и косвенным образом (такие общеупотребительные конструкции, как «политический ислам», «политический индуизм» и т. д., можно легко переформулировать в конструкции типа «политическая религия ислама» и «политическая религия индуизма»). По нашему мнению, введенный Х. Линцем термин «теократия» является не совсем удачным, так как политическое сообщество не может быть основано на религиозных принципах напрямую. Нами для описания политических сообществ, управляемых на основе политических религий, используется термин «идеократия».

В рамках политической религии события нашего мира рассматриваются как часть (или отражение) событий религиозного, сакрального, вселенского (космического) характера. Цель, которую ставят перед собой религиозно-политические движения, – это Цель с большой буквы, главная задача всего человечества, осуществление которой санкционировано потусторонними силами. Они делают что-то не потому, что хотят этого сами, но главным образом потому, что этого хочет Бог или другая сверхъестественная сила. Известный американский исследователь политических религий Марк Юргенсмейер (Калифорнийский университет в Санта-Барбаре) пишет о религиозных войнах следующее: «Такого рода религиозные действия являются не просто политическими феноменами, которые оправдывают с помощью религии; истинно верующие воспринимают их как грани более фундаментального противостояния. Конфликты реального мира связываются с невидимой, космической войной: духовной битвой между порядком и хаосом, светом и тьмой, верой и сомнением»²⁶. Это означает, что реальная война воспринимается как «священная», как земное отражение столкновений между добром и злом в потустороннем мире.

Сакрализация политического конфликта ведет к сакральному восприятию врага. Враг, которому противостоят сторонники политических религий, – не личный враг и даже не политический. Это воплощение вселенского зла. Никакие жертвы во имя его уничтожения не кажутся слишком большими. Какие-либо сделки с врагом становятся совершенно невозможными. «Мы боремся не для того, чтобы враг признал нас и предложил нам что-то. Мы боремся, чтобы стереть врага с лица земли», – сказал как-то бывший лидер ливанской секции «Хезболла» Хуссейн

²³ Linz, J. J. Der religiöse Gebrauch der Politik und/oder der politische Gebrauch der Religion. Ersatzideologie gegen Ersatzreligion // «Totalitarismus» und «Politische Religionen». Konzepte des Diktaturvergleichs. – Paderborn, etc.: Ferdinand Schöningh, 1996. – P. 130.

²⁴ Ibid. – P. 138.

²⁵ Van der Veer, P. Political Religion in the Twenty-first Century // International Order and the Future of World Politics / Ed by T. V. Paul, J. A. Hall. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 311–327.

²⁶ Juergensmeyer, M. Sacrifice and Cosmic War // Violence and the Sacred in the Modern World / Ed. by Juergensmeyer. – London: Frank Cass, 1992. – P. 112.

Муссави²⁷. Отсюда – кажущаяся иррациональность религиозного насилия, когда жертвами становятся люди, на первый взгляд, случайные, но только на первый, так как в реальности их объединяет принадлежность к группе, наделенной свойствами космического врага. В большинстве случаев жертвы религиозно мотивированного насилия *лично* не делали ничего плохого своим убийцам. Но в рамках религиозно мотивированного насилия, пишет М. Юргенсмейер, «любой индивид, входящий в группу, которая считается вражеской, может с полным основанием стать объектом насильственного нападения, даже если он или она – ни в чем не повинный прохожий. В космической войне такого понятия нет; здесь все – потенциальные солдаты»²⁸. Отсюда вытекает, например, оправдание исламистами террористического насилия по отношению к западным туристам. Например, 23 февраля 1998 г. в газете «Аль-Кудс аль-араби» была опубликована фетва Осамы бен Ладена, где он призывает мусульман «убивать американцев и их союзников – гражданских и военных... в любой стране, где это возможно»²⁹. Более того: чтобы покончить с представителями вселенского зла, религиозный террорист-фанатик, не задумываясь, совершает самоубийство. Свидетели вспоминают, что некоторые террористы перед тем, как совершить самоубийственный взрыв, улыбаются, подчеркивая, что мученичество доставляет радость³⁰.

Второе различие, которое необходимо провести (после различия между религией и идеологией), – грань между «просто религией» и «политической религией». Наш подход к различению «политических» и «обычных» религий восходит к формуле классика немецкой политологии Карла Шмитта, полагавшего, что политика есть крайнее выражение любой противоположности (этнической, религиозной, классовой, этической и т. д.). Шмитт пришел к выводу, что политика не представляет собой отдельной сферы деятельности, но что любые отношения между группами людей становятся политическими тогда, когда другая группа начинает восприниматься в категориях «свои» и «чужие», друзья и враги. Шмитт подчеркивает, что речь идет не о символической борьбе, а о реальной возможности физического уничтожения³¹. Под «врагами» Шмитт имел в виду, разумеется, не личных врагов человека, а **политических**, то есть врагов той группы, с которой человек себя отождествляет. По мнению Шмитта, известную цитату из Евангелия «любите врагов ваших» (Матфей: 5:44; Лука: 6:27) часто неправильно понимают в качестве запрета на любое, пусть даже политически или религиозно мотивированное насилие. Согласно Шмитту, истинный смысл этой цитаты в том, что мы должны любить своих *личных* врагов и ненавидеть врагов *политических*, будь то враги веры или государства. Политический враг – нечто чуждое до такой степени, что вызывает подспудное стремление к уничтожению.

Формула Шмитта дает возможность определить, когда те или иные отношения становятся политическими и, соответственно, попадают в сферу внимания политолога. Например, «политизация этнических процессов» – это сочетание часто можно увидеть в научной литературе – позволяет предположить, что в какой-то момент этнические отношения претерпевают качественную метаморфозу. Именно об этом писал Шмитт: неожиданно (для многих, но не для всех) люди вдруг начинают воспринимать этнические различия в терминах «свои» и «чужие» – то есть

²⁷ Hoffman, B. Inside Terrorism. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1998. – P. 96.

²⁸ Juergensmeyer, M. The New Cold War? Religious Nationalism Confronts the Secular State. – Berkeley, etc.: University of California Press, 1993. – P. 165.

²⁹ Цит. по: Донцов, В. Е., Чурилина, Т. А. Международный терроризм и ислам // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. – М.: Ин-т социологии РАН, 2003. – С. 140.

³⁰ Hoffman, B. Op. cit. – P. 100.

³¹ Шмитт, К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 1. – С. 43.

обычные отношения между этносами (которые характеризуются удивлением, любопытством, может быть, насмешкой) становятся отношениями политическими. То же самое может произойти и в отношениях различных религиозных групп: религия становится политической, когда ее сторонники начинают рассматривать сторонников другой религии не как соседей или возможных новообращенных, а как врагов. Тогда, пишет Ю. П. Зуев (РАГС), «конфессиональные различия между людьми становятся факторами политического разделения»³². Начинается межконфессиональный конфликт в форме открытой войны или просто политического противостояния. Впрочем, если следовать Карлу Шмитту, то любое политическое противостояние потому и называется политическим, что может в любой момент вылиться в открытое вооруженное столкновение.

Политическая религия, таким образом, может быть определена либо как особая форма религии, которая обосновывает политическое действие, либо как особая форма идеологии, которая обосновывает политическое действие через апелляцию к потусторонним силам. Иначе говоря, политическая религия представляет собой соединение религии и идеологии, посредническую форму, позволяющую связать религию с политическим действием. Не случайно большинство исследователей политических религий стремятся прежде всего провести различие между тем, что они считают «чистой» формой религии и ее превращенной формой – идеологией – посредником или политической религией. Как правило, политические религии получают особые названия, указывающие как на связь с изначальной религией, так и на расхождение с ней. Так, большинство исследователей политического ислама настаивают на использовании термина «исламизм», чтобы показать, как пишет американский исследователь и публицист Дэниел Пайпс, что «этот феномен является «измом», сравнимым с другими идеологиями двадцатого века – то есть с марксизмом-ленинизмом и фашизмом (здесь вновь возникает тема «политических религий» Фёгелина)³³. В современной отечественной литературе мелькает (со ссылкой на С. Н. Булгакова) и слово «православизм», обозначающее религиозную идеологию, которая «не требует от своих адептов религиозной веры, но зато предполагает совершенно определенный вектор политических ценностей»³⁴. Для многих ученых такая превращенная форма религии является «не настоящей», ущербной по отношению к «просто религиям», которые понимаются исключительно как «путь личного спасения»³⁵. Однако не следует забывать, что понимание религии как частного дела каждого человека даже на Западе появилось совсем недавно. Для большинства населения мира религия как путь личного спасения пока неотделима от религии как образа жизни и основы социально-политического устройства. С объективной точки зрения, в политической религии нет ничего ущербного или неправильного – критиковать ее с этих позиций могут разве что люди, которые сами погружены исключительно в дело личного спасения: например, критика «православизма» уместна в устах монаха-затворника, но не в устах политика. Опасность политических религий не в том, что они искажают «правильную» догматику, а в том, что они переводят религиозные отношения в плоскость «друзья – враги», открывая тем самым путь для ксенофобии и религиозно мотивированного насилия.

³² Зуев, Ю. П. Религиозно-конфессиональные отношения и общественная стабильность // *Полития*. Зима 1997–1998. – С. 64.

³³ Pipes, D. Islam and Islamism. Faith and Ideology // *The National Interest*. – Spring 2000. – P. 90.

³⁴ Зуев, Ю. П. Указ.соч. – С. 64.

³⁵ Там же.

АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМ: В ПОИСКАХ ПОЗИТИВНОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ НОВОЙ ИМПЕРИИ

А. В. Бузгалин

«... Так кто же они такие, “антиглобалисты”? На чьи деньги они проводят свои грандиозные форумы и манифестации? Чего они хотят? За что и против чего они выступают? Против глобализации? Но ведь это объективный процесс и бороться с ним – значит превращаться в луддитов XXI в. ...»

Так автор начал одну из своих первых работ по проблемам альтерглобализма пять лет назад. Тогда был впервые введен термин «альтерглобализм», указывающий на то, что мы выступаем не против глобализации, а за другую, альтернативную неолиберальной, глобализацию. Почему возникло это движение? Что стало объективной и субъективной основой его генезиса и развертывания? Ответы на эти вопросы следует искать прежде всего в процессе, не случайно названном глобализацией и все более связываемом с генезисом новой империи¹.

1. От неолиберальной глобализации к новой империи

1.1. Глобализация и ее альтернативы

Глобализацию часто характеризуют как (1) нелинейный, неравномерный и противоречивый (ей противостоит локализация) процесс, при котором (2) мир превращается из системы национальных государств в арену борьбу глобальных игроков, а (3) их отношения становятся более значимыми, чем национальные. При этом многим кажется очевидным, что глобализация – это объективный процесс, синоним прогресса в новых условиях. Поэтому альтернатив развитию власти ТНК и МВФ, НАТО и ВТО нет и быть не может, а всякий, кто с этим не согласен – противник прогресса.

Альтерглобалисты согласны, что процесс объединения мира объективен. Но они категорически не согласны с тем, что единственно возможной формой этого процесса является всевластие глобальных игроков. Ведь последние десятилетия прошлого века стали периодом не просто глобализации, угрожающей суверенитету национальных государств, но особой, характерной для «позднего» капитализма (Э. Мандел), социальной формой этого процесса. За видимостью ренессанса рынка в конце XX века скрывается система отношений, которую А. Грамши мог бы назвать *тотальной гегемонией капитала*². Парадокс состоит в том, что внешне

¹ И если в России и многих других странах периферии и полупериферии империю понимают как противостоящую им тотальную власть глобальных игроков во главе с США, то в «центре» ее часто трактуют то ли как добровольное присоединение к наиболее прогрессивной силе современности (Бжезинский и К³ эту роль, естественно, отводят США), то ли как некое новое сетевое единство наднациональных институтов (эта позиция высказана, в частности, в нашумевшей книге А. Негри и Т. Хардта «Империя»).

² Авторская трактовка природы нынешней социальной системы дана в книге: Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. Глобальный капитал. – М.: УРСС, 2004.

ориентированный на атомизацию производителей рынок XXI века стал мощной тоталитарной системой, всесторонне подавляющей человека, – не как иерархическая пирамида, а как многообразное и внешне почти незаметное поле.

Глобальная власть капитала предполагает, **во-первых**, тотальный рынок. Это не рынок свободно конкурирующих предприятий, а *тотальный рынок как пространство борьбы гигантских сетей*, центрами которых являются ТНК. Мы все – работники, потребители, жители – попадаем в сети борющихся между собой корпоративно-сетевых структур, превращаясь в клиентов «макдональдсов», «поколение пепси» и в целом – в мешан-потребителей.

Во-вторых, гегемония капитала ныне – это преимущественно *власть виртуального фиктивного финансового капитала*, состоящего из гигантских (в сотни миллиардов и триллионы долларов) финансовых пузырей, надувшихся за счет спекуляций в первом мире, долгов, «асфальтирования» и финансового подавления стран второго и третьего миров.

В-третьих, глобальная гегемония капитала ныне предполагает не просто эксплуатацию, но и *целостное подчинение личности работника*. Творческий потенциал, талант, образование, вся жизнь работника присваивается корпорацией в первом мире; эти методы эксплуатации все более распространяются не только в третьем, но и во втором мире.

В-четвертых, происходит *монополизация первым миром ключевых ресурсов развития* – know how, высококачественной рабочей силы и т. п. – при поглощении подавляющей части природных ресурсов и экспорте грязных технологий и социальной «грязи» в третий и второй мир.

В-пятых, растет *глобальное политическое и идеологическое манипулирование, информационное и культурное давление*.

Для такой системы дымовой завесой является ренессанс рыночных отношений. Лишь в среде, которая внешне выглядит как рыночная, корпорации могут использовать свои возможности манипулирования и подчинения экономических агентов, потребителей и работников. При этом корпоративные капиталы могут уйти как от государственного регулирования, так и от контроля общественных организаций. В прежней системе государство, профсоюзы, экологические и другие общественные структуры создавали для них барьеры. Иллюзия абсолютной свободы рыночных отношений развязывает руки глобальным игрокам, для которых рамки государственного регулирования оказываются малодейственными.

Однако ныне эта модель близится к закату и на смену ей идет новая система, наследующая все тотальности прежней и поднимающая их «на новую высоту».

1.2. «Ультраимпериализм», «протоимперия» или...

Началом нового этапа стал день 11 сентября, о котором сегодня говорят как о феномене «9.11». Нас проблема «9.11» интересует как одно из свидетельств кризиса неолиберальной модели, господствовавшей на протяжении 80–90-х гг. прошлого столетия. Прежде чем квалифицировать произошедшие на рубеже XX–XXI вв. изменения, отметим их основные, эмпирически наблюдаемые черты.

Бросается в глаза появление на арене все более мощных глобальных игроков. Формирование гигантских корпораций, сравнимых по масштабам оборотов со средними, а в ряде случаев – и с крупными государствами, свидетельствуют об изменении природы капитала. Рубеж веков ознаменовался тем, что *транснациональные корпорации превратились в силу, сравнимую с силой государства, и стали освобождаться из-под контроля последнего в экономической сфере*. Новые пра-

вила международной конкуренции и свободного движения капиталов, с одной стороны, ослабление государства процессами приватизации и дерегулирования – с другой стороны, рост транснационального капитала – с третьей, привели к качественному поворотному пункту. Парадоксальной альтернативой ослаблению экономической роли государства стал небывалый рост геополитической и военно-политической мощи одного, особого государства – Соединенных Штатов Америки.

Сегодня военный бюджет США составляет сумму в 400 млрд долларов в год. Этих денег достаточно для того, чтобы как минимум в два раза повысить качество жизни беднейших слоев человечества или решить все базовые социально-экологические проблемы беднейших стран, включая проблемы голода, многих болезней, обеспечения для их жителей начального и среднего образования...

Знаменем эпохи, наступившей после 11 сентября, стала способность одной супердержавы самостоятельно решать такие геополитические проблемы, как мир, война, агрессия или ее прекращение. Мы уже стали свидетелями войн против Югославии, Афганистана, Ирака, которые начинали по своему желанию США совместно со своими сателлитами из НАТО.

Таково новое явление – *выход на арену протоиимперии – США, претендующих на роль своего рода «старшего брата» мирового сообщества.*

Свидетельством начавшихся изменений стало и постепенное *формирование иной идейно-духовной атмосферы и идеологической парадигмы.* Если прежде агрессивные акции опирались на либеральные идеологемы «свободного общества», защиту прав человека, свободу конкуренции, свободу слова и т. п., то ныне их оформление стало существенно иным. Это бросается в глаза при анализе речей Буша, являющихся квинтэссенцией работы огромной идеологической PR-машины. Они во многом сродни риторике тоталитарных лидеров, таких как Гитлер, Муссолини и их последователи. Лозунги об «исторической миссии по защите цивилизации»; «объективной необходимости взять на себя ответственность за сохранение ценностей цивилизованного мира»; оправдание насилия как главного средства защиты ценностей цивилизации; монополия на выражение этих ценностей без каких-либо сомнений в необходимости их обсуждения в режиме демократического диалога; циничное политическое и идеологическое игнорирование оппозиции... – перечень легко продолжить.

Часто зал встает и сопровождает выступление лидера овацией – даже если оставить в стороне воспоминания о дружных овациях после выступлений сталиных, брежневых и К⁰, видно, что это не просто единодушное одобрение, но тотальное подчинение обывателя и идеолога определенной государственно-политической стратегии.

1.3. Политическое манипулирование и локальные войны – на смену демократии

Суть любых технологий состоит в том, что они позволяют привести объект к искомому состоянию при помощи некоторых средств. *Политические технологии решают ту же задачу – достижение заданного субъектом (номенклатурой глобального капитала) результата (голосов, отданных за нужное решение). Объектом является электорат, а «средствами производства» – масс-медиа, деньги, «административный ресурс» и т. п.*³

³ Соответственно, здесь не может не возникать и определенной конкуренции: это конкуренция различных экономико-политических корпораций, осуществляемая при посредстве государства, но не демократические отношения между индивидами-гражданами, каждый из которых равен другому, обладая всегда и только одним голосом. В этом и состоит отличие демократии от рыночной конкуренции: на рынке, как известно, «голосуют» деньгами, денег у разных лиц разное количество, рука же всегда одна...

Процесс «политического производства» антидемократичен. Демократия основывается на том, что субъект политического процесса – это гражданин, способный принимать политические решения, обладающий равными правами с любым другим гражданином. Политические технологии предполагают нечто противоположное: индивид, субъект, гражданин заменяется пассивным объектом (электоратом), который в этом качестве выступает как некоторая масса – предмет манипуляций. Принятие решений гражданами заменяется производством результата, заданного теми или иными слоями номенклатуры, а «электорату» предлагается игра под названием «выборы».

Равенство прав граждан заменяется их неразличенностью, аморфностью (массовой, «тусовкой»).

Сказанное позволяет сформулировать **закономерность политического процесса общества, периода глобальной гегемонии капитала.**

Для современного общества характерна обратно пропорциональная связь между развитием демократии и массового политического производства (особенно интенсивным этот процесс становится в условиях образования «протоимперий»). Следствие из этой теоремы звучит еще более жестко.

В современном обществе демократия отмирает в той мере, в какой эффективны политические технологии, PR и другие средства политикотехнологического манипулирования, превращающие граждан-субъектов в пассивную массу-электорат (объект).

Меру отмирания демократии в современном обществе вполне могут определить профессионалы из сферы политтехнологий, оценив результативность своей деятельности (не конкретной «команды», а системы, по правилам которой все они играют). При этом сами политтехнологи ответственны за подрыв демократии не более, чем наемные экономисты-менеджеры – за власть корпоративного капитала а наемники-офицеры – за жертвы. Отношения массового политического производства – лишь одна из сторон политической гегемонии. Другой стороной является **глобальная система отношений насилия,** порождающая ряд **асимметричных войн** как одного из их слагаемых.

Глубинной основой терроризма и так называемых «миссионерских войн» (именно эту «пару» мы назвали «асимметричными войнами») является не «столкновение цивилизаций», а фундаментальные противоречия однополюсного мира, в котором власть принадлежит узкой группе глобальных игроков. На одном полюсе – субъекты протоимперии (прежде всего США), а также корпоративные структуры в странах второго и третьего миров, «пролонгирующие» власть своих «старших братьев». После разрушения мировой социалистической системы (МСС) мир оказался в положении, когда **массовое прямое сопротивление власти субъектов протоимперии становится практически невозможным.** Только эти субъекты обладают:

- финансовыми, материальными и высококачественными человеческими ресурсами (know-how, высококвалифицированные кадры), достаточными для воспроизводства современных систем насилия;
- почти полной монополией на оружие массового уничтожения и многие наиболее современные виды оружия;
- наиболее боеспособными и крупнейшими количественно армейскими соединениями;
- монополией на инновации в сфере вооружений, организации и управления аппаратами международного насилия и тому подобных сферах деятельности;

- системой секретных служб и информацией, позволяющими контролировать процессы возникновения любых возмущений в сложившейся системе гегемонии корпоративного капитала, его государств и международных союзов;
- контролем за глобальными институтами (ТНК, НАТО, МВФ и ВТО);
- контролем за институтами международного права (от Совета безопасности ООН до суда в Гааге) и/или возможностью безнаказанно ими пренебрегать.

В их руках находятся также механизмы гегемонии в области духовного производства (масс-медиа, информационные системы и стандартизованная масс-культура) и идейно-теоретического контроля (послушная и оплачиваемая «элита» интеллектуалов). Новые хозяева мира порождают новую метаструктуру, которую все чаще называют «империей», а я назвал бы «протоимперией», ибо процесс только начался и альтернативы еще существуют.

На противоположном полюсе – объекты гегемонизма, включая сотни миллионов рядовых граждан в развитых странах и миллиарды – в развивающихся, государственных и частные структуры капитала стран третьего мира (а также ряд «эксоциалистических» государств).

Формирование здесь корпоративно-клановых структур, монополий (часто зависимых от ТНК); нищета, бюрократизм и реликты докапиталистической эксплуатации; низкий уровень культуры и угнетение национального самосознания (в том числе – и с помощью масс-культуры); давление мирового корпоративного капитала, ослабляющего экономику, разрушающего природу, развращающего местную элиту, – все это создает новые угрозы мировому сообществу. **Нынешняя модель мировых отношений не может разрешить это противоречие.** «Свободная конкуренция» и открытые границы становятся идеальным механизмом подчинения стран второго и третьего мира.

Корпоративный капитал сохраняет «периферию», где консервируются существующие в современном мире доиндустриальные и «грязные» индустриальные технологии, где при нынешнем типе международных отношений будут сохраняться нищета и жестокие внутренние конфликты. Продуктом этих противоречий неолиберального типа глобализации, трансформирующегося в протоимперию, с неизбежностью становится перманентно воспроизводящаяся и усложняющаяся **система отношений насилия, охватывающих человечество в целом.**

Наркобизнес, торговля живым товаром и оружием, теневые финансовые операции – это такая же неотъемлемая изнанка глобального капитала, как коррупция – изнанка бюрократии. Терроризм – следствие иррациональной реакции на монополизацию насилия корпоративными структурами – становится действительной угрозой для человечества. Корпоративный капитал и его структуры, например секретные службы, сами систематически используют террор. Существует **глубинная взаимосвязь между глобальной гегемонией капитала и терроризмом.**

События первых лет нового столетия показали, что: *чем (1) глубже нищета и национально-культурное угнетение стран третьего мира (и, как следствие, развитие в них реакционно-фундаменталистских тенденций), чем выше при этом (2) уровень монополизации систем легитимного насилия и духовного подчинения третьего и второго миров субъектами глобальной гегемонии капитала, а также (3) мощь теневого транснационального капитала, тем больше, с одной стороны, опасность использования терроризма силами, противостоящими этой власти, а с другой – агрессивность субъектов гегемонии, «протоимперии».*

«Асимметричные войны» становятся совершенно особым типом насилия. Их характеризуют, во-первых, продолжение политики военными средствами со сто-

роны субъектов глобализации (США и Великобритания в войне с Ираком, Россия в войне с Чечней) и сопротивление глобальной гегемонии (как правило, с исторически реакционных позиций и неадекватными методами) со стороны объектов глобализации.

Во-вторых, различие средств и методов борьбы у противостоящих сторон, при их сходстве как в стремлении к «точечному» характеру ударов (и со стороны террористов, и со стороны государств, использующих «особо точное оружие»), так и по неадекватным результатам: уничтожаются преимущественно не виновники насилия, а мирное население и отнюдь не «точечно».

В-третьих, для этих войн характерно качественное различие сил у противостоящих сторон и, тем не менее, способности каждой из них оказывать реальное воздействие на противоположную сторону.

В асимметричных войнах зачастую отсутствует не только линия фронта, но и сколько-нибудь локализованный в пространстве театр военных действий. Для них характерна *точечно-сетевая структура военных действий* (как акты террора, так и «миссионерские» войны вспыхивают ныне практически в любых точках земного шара).

Причинами возникновения асимметричных войн являются развитие структур и отношений сетевого общества, *геоэкономическая и геополитическая противоречивость нового миропорядка* и такой феномен, как *диффузия вооружений и мирной продукции*. Информационные сети – это один из наиболее мощных современных видов оружия; ресурсом для террористических акций ныне может стать любой высокотехнологичный объект – от удобрений, добавленных в питьевую воду, до радиоуправляемых игрушек, превращаемых в средство доставки взрывчатки, которую, кстати, несложно произвести в домашней «игрушечной» лаборатории.

Очевиден *глобальный* характер этого точечно-сетевого насилия: в отличие от мировых войн *объектом насилия в современном мире потенциально становится любой гражданин любой страны*, более того – любая глобальная сеть или глобальный объект (воздух, вода, информация, культурные ценности мирового значения). И самое главное: очевидна *невозможность победы в таких конфликтах; остановить спираль насилия может лишь устранение ее причин – глобальной гегемонии капитала*.

Наблюдается все более напряженное противостояние расходящихся полюсов. С одной стороны, обывательское большинство подчиняется жесткой установке военно-идеологической борьбы с «нецивилизованным», «террористическим» миром-врагом; с другой – растет альтернативное движение протеста против неолиберальной глобализации и войн. Особенно активно проявляют себя разнообразные альтерглобалистские и другие массовые общественные организации, в выступлениях которых принимают участие сотни тысяч и миллионы человек. Происходящие изменения наводят на мысль о том, что хотя эпоха неолиберализма не завершилась, но уже вступает в период кризиса и заката.

1.4. «Протоимперия» как исторический тупик

Итак, мир движется от иллюзии восстановления свободного рынка, частной собственности и открытого общества, от иллюзии ухода в прошлое великих идеологий к осознанию власти протоимперии, к открытому оформлению господства глобальных игроков. Это знаменует начало перехода к новой системе, в которой, возможно, реализуется старая идея об «ультраимпериализме» (реколонизации). Термин «ультраимпериализм» был предложен Карлом Каутским и в свое время подвергнут критике В. Ульяновым, который опирался на тезис о возможности по-

беды социализма до того, как окончательно сформируются условия для становления ультраимпериализма, принципиальную возможность которого, кстати, большинство марксистов не отрицало.

История, как ни странно, подтвердила этот тезис. Парадокс XX в. состоял в том, что необходимость социализма была осознана еще на стадии империализма. *Мировая социалистическая система не случайно возникла в масштабах, охватывавших треть человечества, и просуществовала семь десятилетий*, показав достаточно высокие и устойчивые темпы развития, высокие достижения в области технологий, науки, образования, социальной защиты и культуры. *Но эти семь десятилетий существования МСС были обременены жесточайшими противоречиями и показали, что эта система не имела достаточных оснований для своего возникновения* и потому, по сути дела, оказалась мутантом, не давшим возможностей для движения к строю более экономически эффективному, чем капитализм, и более социально справедливому и свободному, чем так называемое «открытое общество»⁴.

«Реальный социализм» ознаменовался торжеством тоталитарной политической системы, массовым насилием и подавлением инакомыслия. Сегодня эти черты воспроизводятся возникающей в мировом масштабе глобальной протоимперией. *Уход в прошлое «мутантного социализма» ознаменовался не прорывом в новую, переходную к «царству свободы», эпоху и социальную систему, а реверсивным ходом истории, тенденцией к возникновению ультраимпериализма.*

Это может оказаться началом новой, достаточно длительной эпохи, для которой будут характерны тенденции:

- эволюции от видимости свободной мировой конкуренции к прямому диктату крупных корпоративных структур, сращенных с метагосударством;
- прямого наступления на институты демократии, гражданского общества, права человека и на «периферии», и в «центре» (так называемый «патриотический акт» в США – первая ласточка этого процесса);
- циничного использования «права силы» и методов реколонизации в геополитике;
- перехода к господству государственной («имперской») идеологии и давлению на инакомыслящих.

При этом ценности «цивилизованного мира» чем дальше, тем больше будут отождествляться с интересами хозяев «империи», и последние будут декларативно действовать, конечно же, исключительно в интересах «цивилизованного мира», (так сталинская номенклатура действовала «в интересах народа»). Всякое инакомыслие будет квалифицироваться как «попирающее ценности цивилизации». Насколько реальна угроза торжества этого опасного «мирового порядка» – сегодня судить трудно. В современной действительности присутствуют и альтернативные силы, о которых я буду говорить чуть ниже.

Кризис «реального социализма» оказался фактором позитивным, разрушающим авторитарную систему прошлого, но и сугубо негативным. Распад МСС породил предпосылки для торжества глобального капитала и формирования однополюсного мира и *расчистил дорогу для реверсивного хода истории*, идущего к ультра-империалистическому («имперскому») тупику. **«Империя» – это истори-**

⁴ Подробнее диалектика противоречий, обусловивших генезис и крах «реального социализма», показана в моих работах «Ренессанс социализма» (М., 2003) и «Сталин и распад СССР» (М., 2004; совместно с А. И. Колгановым)

ческий тупик. Силами «протоимперии» траектория развития уводится в русло, противоположное задачам свободного гармоничного развития Человека в диалоге с природой. **Приоритетными для этого русла становятся милитаризм, финансовые трансакции, паразитическое перепотребление и массовая культура при росте и углублении глобальных проблем и конфликтов.** Аргументация этого положения достаточно хорошо известна (упомяну такие имена, как Н. Хомски, Э. Валлерстайн, С. Амин, Ф. Утар, Э. Туссейн и многие другие):

- закат неолиберализма *на практике* показал рост военных расходов и использование военного насилия для своих целей; имперская геополитика ориентирована на реколонизацию, подчинение слаборазвитых стран и вызывает усугубление глобального противостояния;

- глобальный виртуальный финансовый капитал (обороты которого превышают 500 триллионов – не миллиардов! – долларов в год) сопротивляется любым ограничениям; в этом его отличие от производственного капитала, обязанного соблюдать интересы работника, и от национального, способного обеспечивать социальную стабильность;

- общество потребления и его «массовая культура» способны генерировать лишь узкий слой «профессионалов», отчуждая большинство граждан от свободной творческой деятельности, превращая их в потребителей-конформистов, пассивные объекты манипулирования, для чего «империя» (в отличие от неолиберализма) не брезгает использовать и прямые методы политико-идеологического давления.

Все эти тенденции действуют против линии развития, ориентированной на развитие человеческих качеств, подлинной культуры, охраны природы. Можно ли при этом говорить о «прогессе»? Для постмодернизма смешон сам вопрос о критериях прогресса. Для неолиберализма же критерий очевиден: те, кого бомбят «наши» государства – регрессивны, а «наши» – прогрессивны и цивилизованы. «Плюрализм», бывший прикрытием этой циничной позиции, ныне постепенно отбрасывается за ненадобностью. Неолиберализм взрастил постмодернизм, и мало кто из постмодернистов не голосовал за правящие партии на выборах и не одобрял «гуманитарные миссии» США в Югославии, Афганистане и Ираке. Эта тенденция явственно проявляет себя в призывах к оправданию экспансии любых форм насилия, подавления инакомыслия и антидемократических, антигуманных акций, вплоть до развязывания войн под вывеской защиты ценностей цивилизации, под знаменем борьбы с терроризмом.

Этой тенденции противостоит в настоящее время достаточно широкий спектр оппозиционных сил. В качестве альтернативы наступлению глобальной власти капитала, тотального политико-идеологического манипулирования и оправдания насилия и развернулось движение, которое первоначально называли «антиглобалистским» и которое чуть позже обрело свое нынешнее имя – альтерглобализм.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РОССИЯ

С. П. Капица

Человечество переживает эпоху глобальной демографической революции, время, когда после взрывного роста население мира круто меняет характер своего развития и внезапно переходит к ограниченному воспроизводству. Это величайшее по значимости событие в истории человечества с момента его появления в первую очередь проявляется в динамике народонаселения. Однако оно затрагивает все стороны жизни миллиардов людей, и именно поэтому демографические процессы стали важнейшей глобальной проблемой мира и России. От их фундаментального понимания зависит не только настоящее, но и после текущей критической эпохи перемен предвидимое будущее, приоритеты и неравномерность развития, устойчивость роста и глобальная безопасность. Новое понимание процессов перемен дает феноменологическая теория роста человечества, опирающаяся на методы и модели физики.

Введение

Явление демографического перехода, когда расширенное воспроизводство населения сменяется ограниченным воспроизводством и стабилизацией населения, было открыто для Франции французским ученым Адольфом Ландри. Изучая этот критический период развития народонаселения, он справедливо полагал, что по глубине и значению последствий его следует рассматривать как революцию. Но большинство демографов ограничивали исследования динамикой населения отдельных стран и видели свою задачу в том, чтобы объяснить происходящее через конкретные социальные и экономические условия. Такой подход давал возможность сформулировать рекомендации для демографической политики, однако таким образом исключалось понимание более широких, глобальных аспектов этой проблемы. Рассмотрение населения мира как целого, как системы отрицалось в демографии, поскольку при таком подходе нельзя было определить общие для человечества причины перехода. Только поднявшись на глобальный уровень анализа, изменив масштаб проблемы, рассматривая уже все население мира как единый объект, как систему, удалось описать глобальный демографический переход с общих позиций. Такое обобщенное понимание истории оказалось не только возможным, но и очень результативным. Для этого надо было коренным образом изменить метод исследования, точку зрения, как в пространстве, так и во времени, и рассматривать человечество с самого начала его появления как глобальную структуру. Вместо редукции развития к сумме элементарных процессов мы обратимся к феноменологическому и целостному описанию роста.

Следует подчеркнуть, что большинство крупных историков, таких как Фернан Бродель, Карл Ясперс, Иммануил Валлерштейн, Николай Конрад, Игорь Дья-

Век глобализации 1/2008 128–143

конов, утверждали, что существенное понимание развития человечества возможно только на глобальном уровне. Римский клуб 30 лет тому назад, опираясь на анализ обширных баз данных, на основе компьютерного моделирования поставил на повестку дня глобальные проблемы. Теперь мы к ним вернулись на новом уровне понимания и развития математического моделирования, поскольку только на такой основе возможно понять природу глобального развития и мирового демографического кризиса. Благодаря масштабам, истории и разнообразию социальных и экономических условий Россия во многом воспроизводит глобальные процессы, и потому для нашей страны необходимо понимание как глобальной истории, так и процессов развития всего человечества.

Моделирование глобального роста человечества

В соответствии с данными антропологии предки человека появились в Африке более миллиона лет тому назад, когда их численность была порядка ста тысяч. С тех пор человек начал расселяться по всему земному шару, а число людей постепенно возросло в сто тысяч раз – до современных миллиардов. Ни один вид сопоставимых с нами по питанию животных никогда так не развивался: например, и сейчас в России живет около ста тысяч медведей или волков и столько же крупных обезьян – в тропических странах. Только домашние животные умножили свою численность далеко за пределами диких собратьев: число голов крупного рогатого скота в мире превышает 2 млрд.

По последним исследованиям, проведенным методами молекулярной биологии, критическим событием стало появление мутации гена HAR1 F, который определяет рост мозга человека на 5–9 неделе развитие эмбриона. Есть основания считать, что такое внезапное точечное изменение в геноме наших далеких предков 7–5 млн лет тому назад могло привести к скачку в эволюции сознания, что и стало причиной социального саморазвития культуры и численного роста человечества. Тогда после длительной эпохи антропогенеза появились речь и язык, человек овладел огнем и технологией каменных орудий. С тех пор биологически человек изменился мало, однако процесс нашего социального развития был стремителен. Поэтому его понимание так значимо для нас сегодня, когда выяснилось, что именно нелинейная динамика роста населения человечества, подчиняющаяся собственным внутренним силам, определяет не только механизм нашего развития, но и его предел. Это позволило сформулировать феноменологический принцип демографического императива¹, вследствие которого рост определяется потенциалом развития сознания, в отличие от популяционного принципа Мальтуса, по которому ресурсы определяют предел роста населения.

Для того, чтобы пояснить суть проблемы, обратимся к росту численности и развития человечества на протяжении последних 4 тыс. лет. Исходным был факт, отмеченный рядом исследователей, что рост населения Земли подчиняется удивительно простой и универсальной закономерности гиперболического роста. На графике рис. 1 численность населения N представлена в логарифмическом масштабе, а течение времени T – в линейном масштабе, в котором указаны основные периоды мировой истории. Если население мира росло бы экспоненциально, то на этом графике такой рост отображался бы прямой. Однако для человечества рост происходит совершенно иначе. Медленное в начале, развитие все ускоряется, и по мере приближения к 2000 г. оно устремляется в бесконечность демографического взры-

¹ Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. – М.: Наука, 1977; Капица, С. П. Общая теория роста человечества. – М.: Наука, 1999; Kapitza, S. P. Global Population Blow up and After. The demographic revolution and information society. A Report to the Club of Rome. – Moscow; Hamburg: Tolleranza, 2007.

ва. Задача же модели и теории гиперболического роста состоит в установлении пределов применимости этой асимптотической формулы. В итоге, опираясь на статистические принципы теоретической физики, в элементарных выражениях удалось описать динамически самоподобное развитие человечества более чем за миллион лет – от возникновения человека до наступления демографического перехода и далее в предвидимое будущее. Секрет гиперболического, взрывного развития состоит в том, что скорость роста пропорциональна не первой степени численности населения, как в случае экспоненциального роста, а второй степени – квадрату численности населения мира. Именно анализ гиперболического роста человечества, связывающий численность и рост человечества с его развитием, позволил предложить кооперативный механизм развития, мерой которого является квадрат численности населения мира, и по-новому понять всю специфику истории человечества, которая завершается демографическим взрывом – режимом с обострением. Таким образом, на основе этого феноменологического подхода впервые удалось предложить полную теорию роста и количественно описать важнейшее явление роста и развития человечества как сообщества, обращаясь к методам наук, называющих себя точными.

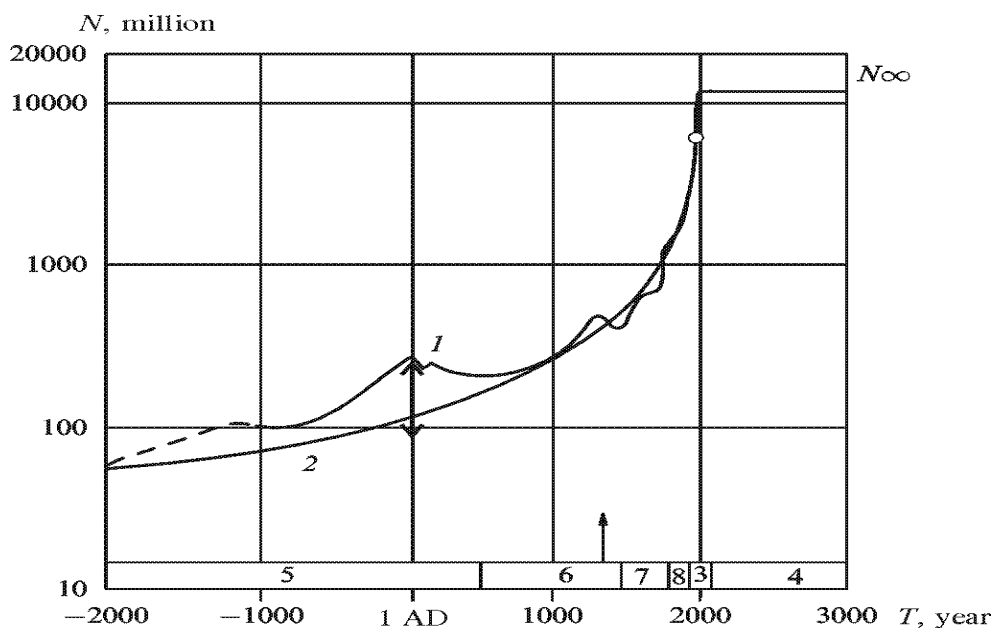

Рис. 1. Население мира от 2000 г. до Р. Х. до 3000 г.:

1 – население мира от 2000 г. до Р. Х. до наших дней; 2 – взрывной режим с обострением численности населения мира: $N = \frac{200}{2025 - T}$ млрд, растущий со скоростью $\frac{dN}{dt} = \frac{N^2}{K^2}$ [2], переходящий к пределу $N_\infty = \pi K^2 = 12$ млрд, $t = T/\tau$ и $\tau = 45$ лет – время жизни человека;

3 – демографический переход; 4 – стабилизация населения; 5 – Древний мир; 6 – Средние века; 7 – Новая история; 8 – Новейшая история; ↑ – пандемия чумы 1348 г.; ↓ – разброс данных; ° – население мира 6,6 млрд в 2007 г.

Рост человечества основан на механизме квадратичного коллективного взаимодействия, которое хорошо изучено в физике конденсированного состояния и

кинетике нелинейных явлений в синергетике. В частности, таким является взаимодействие Ван дер Ваальса, возникающее в газе или системе многих частиц, в которой все составляющие парно взаимодействуют между собой. Как поучительный пример кинетики таких процессов приведем атомную бомбу, в которой в результате разветвленной цепной реакции происходит ядерный взрыв. Квадратичный рост населения нашей планеты указывает на то, что аналогичный процесс протекает в человечестве, только гораздо медленнее, но не менее драматично. Так, в результате цепной реакции информация необратимо распространяется и умножается на каждом этапе роста, определяя темп развития во всем мире. Иными словами, интерпретация развития основана на предположении, что коллективное взаимодействие определяется механизмом распространения и размножения обобщенной информации, происходящих в человечестве как глобальном сетевом информационном сообществе. Рост определялся только самосогласованным автомодельным системным развитием, а движущим фактором развития оказываются связи, охватывающие все человечество эффективным информационным полем. Так, экономическое и социальное развитие определяется сознанием и разумом человека, его культурой: именно в этом состоит качественное отличие человека от всех остальных животных.

Экспоненциальный рост определяется только индивидуальной способностью человека к размножению. Человечество коренным образом отличается тем, что благодаря разуму и сознанию, развитой системе передачи информации как вертикально, из поколения в поколение, так и горизонтально, овладело квадратичным механизмом взрывного роста. Это нелинейное коллективное взаимодействие охватывает весь мир и нелокально. Такое развитие человечества в среднем неизменно и устойчиво следует по статистически детерминированной траектории роста. Поэтому этапы развития, выделенные антропологами и историками периоды, происходят синхронно во всем мире, а само наличие выраженных периодов развития указывает на глобальную устойчивость роста. В модели все основные результаты определяются константой $K = 62\ 000$, которая как большой параметр дает отношение длительности развития ко времени жизни человека.

Существенно наличие особой точки, приходящейся на 2000 год. В силу сингулярности квадратичного коллективного развития, когда в результате самоускоряющегося роста население мира стремится к бесконечности, необратимый взрывной рост становится центральным событием во всей истории человечества, что придает нашему времени совершенно уникальное значение. Таким образом, гиперболический рост человечества, превосходящий в десятки тысяч раз все сравнимые процессы, является доминирующей функцией в решении дифференциального уравнения роста, происходящей в режиме с обострением (см. рис. 1). Именно поэтому пространственное распределение населения и все, связанное с конкретными локальными социальными и экономическими процессами, не может существенно повлиять на рост, где над всем превалирует взрывное развитие.

В соответствии с представлениями модели, человечество с самого начала своего квадратичного роста развивалось как глобальная система. Более того, в наше время демографической революции мы стали свидетелями кризиса этого развития, которое и привело к демографическому переходу, выразившемуся, в частности, в остром кризисе рождаемости в развитых странах. Этот кризис непосредственно не связан с материальными факторами и исчерпанием ресурсов. Он не связан также и с кризисом западной системы ценностей, как это предполагается некоторыми авторами, поскольку он наблюдается в России и странах Востока, таких как Япония и Южная Корея. Поэтому есть все основания считать, что причины кризиса имеют фундаментальный характер и, как и во всякой сложной системе, прямолинейный

причинно-следственный анализ не может помочь понять природу этого кризиса и преодолеть его прямыми ресурсными мерами.

Рост населения Земли

На всем протяжении гиперболического роста населения Земли и в пределах логарифмической точности оценки палеодемографии согласуются с результатами расчетов. Более того, разница между населением мира и данными расчета, которые до и после мировых войн XX в. совпадают, дает оценку полных потерь 250–280 млн человек за этот период (см. рис. 3). До рубежа 2000 г. население нашей планеты росло с постоянно увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что демографический взрыв, перенаселение и неминуемое исчерпание ресурсов и резервов природы приведет человечество к катастрофе. Однако в 2000 г., когда население мира достигло 6 млрд человек, а темпы прироста населения – своего максимума ($K^2/\tau = 86$ млн в год, или 240 тыс. человек в сутки), скорость роста начала уменьшаться (см. рис. 2 и рис. 3). Для оценок населения Земли в предвидимом будущем результаты моделирования можно сравнить с расчетами Международного института прикладного системного анализа (IIASA), ООН и других организаций. Прогноз ООН основан на обобщении ряда сценариев для рождаемости и смертности по девяти регионам и доведен до 2150 г. По оптимальному сценарию население Земли к этому времени выйдет на постоянный предел 11 600 млн, и по среднему варианту Популяционного отдела ООН к 2300 г. ожидается 9 млрд.

В итоге и расчеты демографов, и теория роста приводят к выводу, что население Земли стабилизируется на уровне 10–11 млрд и даже не удвоится по сравнению с тем, что уже есть. В настоящее же время численность населения развитых стран стабилизировалась на одном миллиарде. Поэтому в этих странах мы можем видеть ряд явлений, которые в скором времени будут влиять на развивающиеся страны и охватят все остальное человечество. Таким путем завершится глобальный демографический взрыв, который никак не связан с исчерпанием ресурсов и экологией и обязан пределу в скорости роста как внутренней динамической характеристике человечества.

Преобразование собственного времени истории

Древний мир длился около трех тысяч лет, Средние века – тысячу лет, Новое время – триста лет, а Новейшая история – чуть более ста лет. Историки давно обращали внимание на это сокращение исторического времени, однако чтобы понять уплотнение времени, его следует сопоставить с динамикой роста населения. В случае гиперболического роста время умножения пропорционально древности, исчисляемой от критического 2000 г. Так, 2 000 лет тому назад население росло на 0,05 % в год, 200 лет тому назад – на 0,5 % в год, а 100 лет тому назад – уже на 1 % в год. Человечество достигло максимальной скорости относительного роста 2 % в 1960 г. – на 40 лет раньше максимума абсолютного прироста населения мира. Ускоренное развитие приводит к тому, что после каждого периода на все оставшееся развитие приходится время, равное половине длительности прошедшего этапа. Так, после Нижнего палеолита, длившегося миллион лет, до нашего времени остается полмиллиона лет, а после тысячелетия Средних веков прошло 500 лет. Если история Древнего Египта и Китая занимала тысячелетия и исчисляется династиями, то поступь истории Европы определялась отдельными царствованиями.

Если Римская империя распадалась в течение тысячи лет, то современные империи исчезали за десятилетия, а в случае с Советским Союзом – и того быстрее.

Благодаря замедлению времени в прошлом собственная длительность развития постоянна, но масштаб системного времени исторического развития переменен. В логарифмически трансформированном виде системное, бергсоново, время равномерно, в отличие от календарного – ньютоновского – времени. Таким образом, неравновесный автомодельный рост приводит к сжатию времени исторического развития, при котором скорость исторического процесса увеличивается по мере приближения к нашему времени. Эта ситуация аналогична динамике развития в общей теории относительности, когда эволюция системы определяет течение времени, что рассмотрено Пригожиным и для неравновесных самоорганизующихся систем.² В результате в исторической хронологии мгновенный экспоненциальный масштаб времени зависит от древности и равен интервалу времени до демографического перехода. Однако предел сжатия времени не может быть короче эффективной жизни человека в $\tau = 45$ лет. Поэтому в неравновесной эволюционирующей системе в режиме с обострением и вследствие наступившей особенности взрывного роста человечества происходит демографический переход. Он подобен сильному фазовому переходу или разрыву в ударной волне, где сама длительность перехода определяется масштабом микроскопического времени τ .

В таблице показана вся история человечества, хронология которой структурирована на основании смены культур в соответствии с данными истории и антропологии. В течение каждого из $\ln K = 11$ выделенных периодов жило по $2,25K^2 = 9$ млрд людей, а за все время роста эпохи **В** прожило $2,25K^2 \ln K = 100$ млрд человек. В отличие от времени данные о населении мира в прошлом известны только по порядку величины, и выделение этих периодов происходит по культурным маркерам или смене технологий каменных орудий. Заметим, что антропологи и ранее обращались к логарифмической шкале времени для Каменного века, когда надо было совместить палеолит и неолит. Во временных рамках модели неолит, когда началась конденсация населения в села и города, находится точно посередине взрывной эпохи **В** и потому принадлежит истории, а не предыстории, что отвечает и современным представлениям историков.

Рост и развитие человечества в логарифмическом представлении

Эпоха	Период	Дата, годы	Число людей	Культурный период	ΔT лет	История, культура, технология
1	2	3	4	5	6	7
С	T ₁	2150	10×10^9	Стабилизация населения Земли	125	Переход к пределу 11×10^9 Изменение возрастного распределения Глобализация Урбанизация
		2050	9×10^9		45	
		2000	6×10^9	Мировой демографический переход	45	Компьютеры. Интернет Ядерная энергия
	11	1955	3×10^9			

² Пригожин, И., Стенгерс, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. – М.: УРСС, 2003.

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7
В	10	1840	1×10^9	Новейшая история	125	Мировые войны Электричество и радиосвязь
	9	1500		Новая история	340	Промышленная революция Книгопечать
	8	500 н. э.	10^8	Средние века	1000	Географические открытия Падение Рима; Мухаммед
	7	2000 до н. э.		Древний мир	2500	Христос, «Освоев время» Греческая цивилизация Индия, Китай; Будда и Конфуций
	6	9000	10^7	Неолит	7000	Междуречье, Египет Письменность, города, бронза
	5	29 000		Мезолит	20 000	Одомашнивание скота, сельское хозяйство Керамика Микролиты
	4	80 000	10^6	Мустье	51 000	Заселение Америки Языки; шаманизм
	3	0,22 млн		Ашель	140 000	<i>Homo sapiens</i> Речь; овладение огнем
	2	0,6 млн	10^5	Шелль	380 000	Заселение Европы и Азии Рубила
	1	1,6 млн		Олдувай	1 000 000	Галечная культура, чоппер <i>Homo habilis</i>
А	T_0	4–5 млн 7–5 млн	(1)	Антропогенез Появление гена HAR1F	2 800 000	Начало социализации Развитие гоминидов с большими возможностями мозга

Автомодельный рост человечества охватывает десять порядков – от ста тысяч в начальной популяции в Нижнем палеолите: $(\pi/2 - 1)K\tau = 1,6$ млн лет тому назад до десяти миллиардов после демографической революции. Время после Каменного века также представлено в логарифмическом масштабе и отсчитывается от момента перехода, но в эпоху перехода С из-за сингулярности роста оно передается в линейном представлении времени (см. рис. 3). После перехода история, естественно, будет продолжаться, но есть все основания предполагать, что она будет уже развиваться совершенно иначе: в первом приближении развитие будет проходить при нулевом росте в гораздо более спокойном темпе и при новой временной структуре. Так наступает фундаментальное изменение темпов роста человечества, а не конец Истории, как полагал Фрэнсис Фукуяма. Таким образом, рост опреде-

лялся самосогласованным самоподобным социальным системным развитием, коллективным взаимодействием, охватывающим все человечество, и за эпоху **В** характер этого взаимодействия практически не изменился. Неизменный закон роста применим только для целостной замкнутой системы, какой представляется взаимосвязанное население мира. Поэтому при описании глобального роста также не требуется учета миграции, поскольку это внутренний процесс взаимодействия путем перемещения людей, непосредственно не влияющий на их число, так как нашу планету пока трудно покинуть. Наконец, закон квадратичного роста нельзя распространить на отдельную страну или регион, однако развитие и рост каждой страны следует рассматривать на фоне роста населения всего мира.

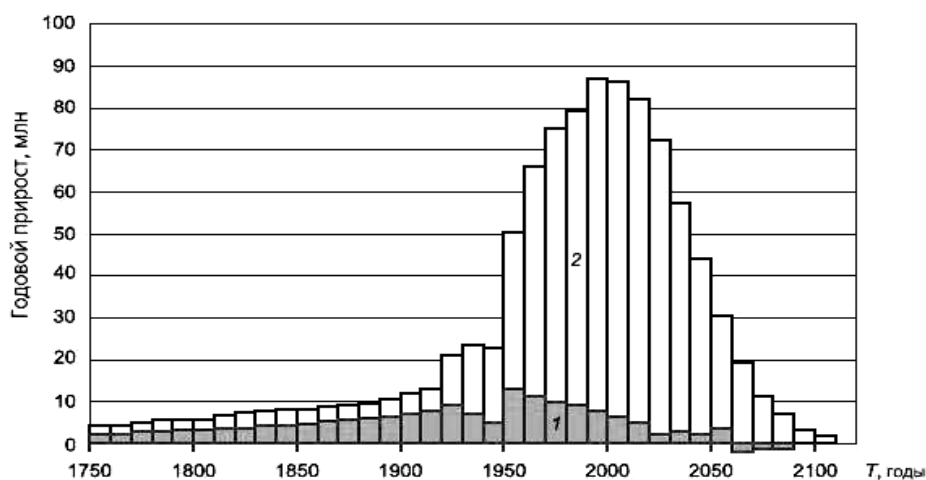

Рис. 2. Мировой демографический переход 1750–2100 гг. (данные ООН).

Годовой прирост, осредненный за декады: 1 – развитые страны; 2 – развивающиеся страны. На рисунке видно уменьшение скорости роста при мировых войнах и демографическое эхо войны в начале XXI в.

Следствием глобальности нелокального квадратичного закона роста стало сужение мирового демографического перехода, его необратимость и неизбежное отставание изолятов, которые оказывались надолго оторванными от основной массы человечества.

Связанность человечества следует понимать обобщенно, как обычаи, верования, представления, навыки и знания, передаваемые из поколения в поколение при обучении, образовании и воспитании человека как члена общества. В отличие от биологической эволюции, когда информация передается генетически, такой процесс передачи приобретенной информации представляет механизм наследственности через культуру, что и определяет нашу стремительную социальную эволюцию. Именно это и описывается развитой теорией, в которой масштаб явлений определяет полноту их описания и то, почему невозможно свести поведение системы человечества к сумме частных процессов. Только тогда, когда мы обращаемся к общему информационному механизму развития, возможно достичь полноты описания на основе модели, в которой действующим началом становится суммарное население Земли, – параметр порядка, главная переменная, независимая от всех частных. В то время как глобальное развитие статистически детерминировано,

мелкомасштабный исторический процесс во времени и в пространстве являет все элементы динамического хаоса.

В эпоху демографической революции масштаб существенных социальных изменений, происходящих в течение жизни человека, стал столь значительным, что ни общество в целом, ни отдельная личность не успевают приспосабливаться к стрессам перемен миропорядка: человек «и жить торопится, и чувствовать спешит», как никогда прежде. В прошлом рост не зависел явно от числа детей, приходящихся на каждую женщину. Однако при резком изменении роста и развития это привело к современному кризису рождаемости как самому острому противоречию современного мира, проистекающему и от неустойчивости жизни в эпоху демографической революции, когда так «порвалась связь времен».

Быть может, аналогии демографического перехода с разрывными явлениями в физике и кинетике помогут пониманию сложности и специфики переживаемого времени. Эпохи, когда линейные модели неприменимы, и традиционный сценарий «Business as usual» принципиально неприменим. Итак, когда развитие человечества рассматривается в целом и рамки исследования расширены во времени, впервые удалось описать весь исторический процесс и указать на развитие в предвидимом будущем. Ибо тот, кто не умеет «предсказывать прошлое», не может рассчитывать и на предвидение грядущего.

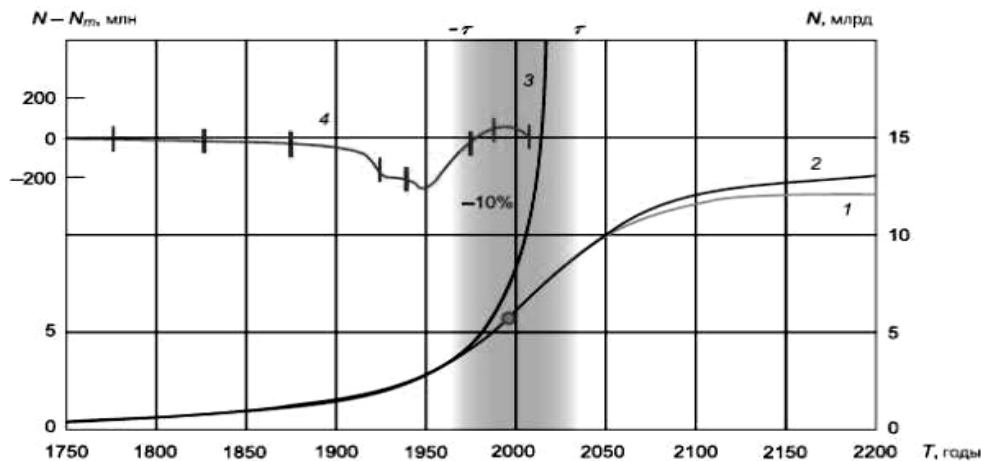

Рис. 3. Рост населения мира в течение демографической революции 1750–2200 гг.: 1 – прогноз ИАСА; 2 – модель; 3 – взрывной уход на бесконечность (режим с обострением); 4 – разница между расчетом и населением мира, увеличенная в 5 раз, где видны суммарные потери при мировых войнах XX века; ° – 1995 г. Продолжительность демографического перехода составляет $2\tau = 90$ лет.

Кризис рождаемости и демографическая ситуация в мировом масштабе

Переход в развивающихся странах затрагивает более 5 млрд человек, численность которых удвоится при завершении глобального перехода во второй половине XXI в., а сам переход происходит в два раза быстрее, чем в Европе. Скорость процессов роста и развития поражает своей интенсивностью – так, экономика Китая растет более чем на 10 % в год. Производство же энергии в странах Юго-Восточной Азии растет на 7–8 % в год, а Тихий океан становится последним «средиземноморьем» планеты после Атлантического океана и собственно Средиземно-

го моря. Отметим, что подобные по масштабу изменения и рост происходили в России и Германии в канун Первой мировой войны и, несомненно, способствовали наступлению кризиса мировых войн XX в.

Одним из следствий демографической революции стало резкое сокращение числа детей на каждую женщину, отмеченное в развитых странах. Так, в Испании это число равно 1,20; в Германии – 1,41; в Японии – 1,37; в России – 1,3 и на Украине – 1,09, в то время как для поддержания простого воспроизводства населения в среднем необходимо 2,15 детей на каждую женщину³. Таким образом, все самые богатые и экономически развитые страны, которые на 30–50 лет раньше прошли через демографический переход, оказались несостоятельными в своей главной функции – воспроизводстве населения. Этому способствуют распад традиционных идеологий в современном мире, так называемая либеральная система ценностей и то, что на образование, часто не востребованное обществом, уходит все больше времени, что ограничивает период возможного создания семьи.

В России многие явления отражают мировой кризис, происходящий как в развитых странах, так и в тех, которые считаются развивающимися. При сохранении этих тенденций население России через 50 лет уменьшится в 1,5–2 раза, и это самый сильный сигнал, который нам подает демография⁴. Если в развитых странах отмечается резкое падение роста населения, при котором оно не возобновляется и стремительно стареет, то в развивающемся мире пока наблюдается обратная картина – там население, в котором преобладает молодежь, быстро растет. Это подчеркивает условность такого разделения стран, когда при глобальном анализе правильнее было бы относить локальные различия к местным стадиям демографического перехода. Изменение соотношения пожилых и молодых людей стало результатом демографической революции, что в настоящее время привело к максимальному расслоению мира по возрастному составу.

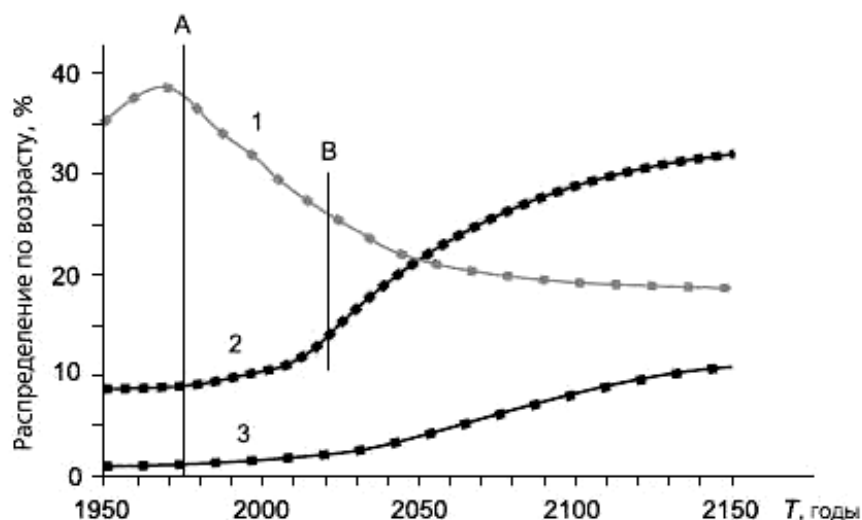

Рис. 4. Старение населения мира при демографической революции 1950–2150 гг.: 1 – возрастная группа моложе 14 лет; 2 – старше 65 лет; 3 – старше 80 лет (по данным ООН); А – распределение возрастных групп в развивающихся странах; В – в развитых странах в 2000 г.

³ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – М.: АСТ, 2004.

⁴ Демографическая модернизация России, 1900–2000; Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада. Чем вымирание населения и усиление иммиграции угрожает нашей стране и цивилизации / пер. с англ. – М.: АСТ, 2004.

Именно молодежь, которая активизируется в эпоху демографической революции, является могучей движущей силой исторического развития. От того, куда эти силы будут направлены, во многом зависит устойчивость мира.

Для России таким регионом стал не только Кавказ, но и Средняя Азия – наше «мягкое подбрюшье». Демографический взрыв, наличие энергетического сырья и кризис с водоснабжением, характерные для этих территорий, привели к напряженной ситуации.

В настоящее время исключительно возросла подвижность народов, сословий и людей. Страны АТР и другие развивающиеся страны охвачены мощными миграционными процессами. Перемещение населения происходит как внутри стран, в первую очередь из сел в города, так и между странами. Рост миграционных процессов, охвативших теперь весь мир, приводит к дестабилизации как развивающихся, так и развитых стран. В XIX и XX вв., во время пика прироста населения в Европе, эмигранты направлялись в колонии, а в России – в Сибирь и республики Советского Союза. Теперь же возникло обратное перемещение народов, существенно меняющих этнический состав метрополий. Значительная, а во многих случаях подавляющая часть мигрантов нелегальна, не подконтрольна властям, и в России их число составляет 10–12 млн человек. Последствия этих перемен стали источником возрастающего социального напряжения, породив комплекс проблем, требующих отдельного рассмотрения.

Поскольку ресурсы не определяют переход, то его причину следует искать в идеях, системе моральных норм, ценностей, управляющих поведением людей, которые формируются и закрепляются традицией в течение длительного времени. В эпоху же быстрых перемен этого времени просто нет. Быть может, поэтому в период демографической революции в ряде стран, в том числе и в России, происходит распад сознания общества, эрозия власти и ответственности управления, растут организованная преступность и коррупция. В будущем, при завершении демографической революции к концу XXI в., наступит старение населения мира. Если при этом число детей у эмигрантов тоже сократится, станет меньше необходимого для воспроизводства населения, то такое положение может привести к кризису развития человечества в глобальном масштабе. Однако можно предположить, что и сам кризис воспроизводства населения стал реакцией на стресс от демографической революции и потому, быть может, будет преодолен в предвидимом будущем при ее завершении.

Демографическая революция и кризис идеологий

В результате возрастающего неравновесного состояния общества растет социальное и экономическое неравенство – как внутри развивающихся стран, так и регионально. Политический кризис общества носит мировой характер, и его предельным выражением, несомненно, стало ракетно-ядерное оружие и сверхвооруженность некоторых стран, выраженная в концепции: «Сила есть, ума не надо». Все бессилие силы наглядно показал распад Советского Союза и вторжение в Ирак, когда, несмотря на громадные вооруженные силы, именно идеология, программное обеспечение политики, оказалась «слабым звеном». Таким образом, демографическая революция выражается не только в демографических процессах, но и в разрушении связи времен, распаде организации и стихии хаоса. Это четко отражается в некоторых веяниях искусства и постмодернизма в философии, а также в распаде политических структур, кризисе ООН и международных правовых норм. Такие разные по масштабу явления призваны обратить внимание на общие причины, появившиеся в эпоху глобального демографического перехода, когда так

внезапно и быстро проявилось и возрастает несоответствие общественного сознания и мотивации развития физическому – экономическому – потенциалу роста.

Это сопровождается ростом всех проявлений неравновесия в обществе и экономике при распределении результатов труда, информации и ресурсов. Эти явления выражаются в примате местной самоорганизации над организацией, рынка с его коротким горизонтом видения по сравнению с более долгосрочными социальными приоритетами развития общества и требуют новой инициативы государства в управлении экономикой. Вместе с распадом идеологий, ростом самоорганизации и развитием гражданского общества происходит вытеснение старых структур новыми в поисках идеологий, ценностей и целей развития. С другой стороны, пришедшие из прошлого отвлеченные и во многом устаревшие концепции некоторых философов, теологов и идеологов приобретают значение, если не звучание, политических лозунгов. Так возникает и неумное желание «исправить» историю и приложить ее опыт прошлых веков к нашему времени. Однако предельное сжатие исторического времени приводит к тому, что время виртуальной истории слилось со временем реальной политики. Временем, когда исторический процесс, который ранее занимал века, теперь крайне ускорился и настоятельно требует нового осмысления, а не слепого служения прагматизму текущей политики.

Рассматривая механизмы роста и развития общества, следует обратить внимание на то, что информационное развитие – это процесс в основе своей неравновесный. Он в корне отличается от вальрасовых моделей экономического роста, где архетипом является термодинамика равновесных систем, в которых происходит медленное, адиабатическое развитие, а механизм рынка способствует установлению детального экономического равновесия. Тогда процессы в принципе обратимы и понятие собственности отвечает законам сохранения. Однако эти представления в лучшем случае действуют локально и неприменимы при описании и обосновании необратимого неравновесного глобального процесса развития, происходящего при распространении и умножении информации. Так, например, в Германии в 1999 г. оборот в секторе информационных технологий стал больше, чем в автомобильной промышленности – столпе немецкой экономики. В результате в развитых странах рабочая сила перемещается в сферу услуг (см. рис. 5). В заключение напомним, что экономисты со времен раннего Маркса, Макса Вебера и Йозефа Шумпетера отмечали влияние нематериальных факторов в нашем развитии, о чем недавно заявил Фрэнсис Фукуяма: «Непонимание того, что основы экономического поведения лежат в области сознания и культуры, приводит к распространённому заблуждению, согласно которому материальные причины приписывают тем явлениям в обществе, которые по своей природе в основном принадлежат области духа».

Демографический фактор, который связан со стадией прохождения демографического перехода, играет существенную роль в возникновении опасности войны и вооруженных конфликтов, в первую очередь в развивающихся странах. Более того, само явление терроризма выражает состояние социальной напряженности, как это уже было на пике демографического перехода в Европе во второй половине XIX и начале XX вв. Заметим, что количественный анализ устойчивости развития глобальной демографической системы указывает, что максимум неустойчивости развития, возможно, уже пройден. Поэтому по мере долговременной стабилизации численности населения и коренного изменения исторического процесса можно ожидать и возможную демилитаризацию мира при уменьшении демографического фактора в стратегической напряженности и наступления новой временной периодизации глобальной истории. В оборонной политике демографические

ресурсы ограничивают численность армий, что требует модернизации вооруженных сил. Возрастает значение технической вооруженности, и все большую роль играет то, что принято называть психологической войной. Именно поэтому так возрастает роль идеологии. Распространение идей путем активной пропаганды, рекламы и самой культурой является действенным фактором современной политики, когда информация становится ее инструментом. В развитых странах, завершивших демографический переход, эта тенденция уже видна в смене приоритетов в политике и практике СМИ, в образовании, экономике, здравоохранении, социальном страховании и, наконец, в обороне.

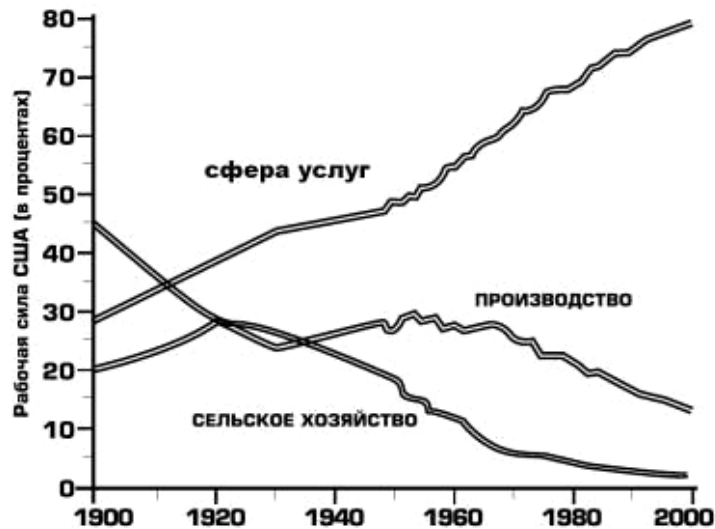

Рис. 5. Распределение рабочей силы США в XX веке по секторам экономики

Последствия информационной природы развития человечества

Мы видим, что человечество с момента своего возникновения, когда оно стало на путь гиперболического роста, развивалось как информационное общество. Однако мы имеем дело не только с взрывным развитием информационного общества, но и с исчерпанием возможностей его роста. Это парадоксальный вывод, однако он приводит к следствиям, имеющим все возрастающее значение для понимания процессов, происходящих при прохождении через критическую эпоху демографической революции и оценок будущего, которое нас ожидает. Здесь пример Европы особенно поучителен. При стабилизации населения мира развитие не может быть связано дальше с численным ростом, и поэтому следует обсудить, по какому пути оно пойдет. Развитие может прекратиться – и тогда наступит период упадка, а идеи «Заката Европы» получат свое воплощение. Но возможно и другое, качественное развитие, при котором смыслом и целью станет *качество человека* и *качество населения*⁵, и *человеческий капитал* будет его основой. На этот путь указывают ряд авторов⁵. И то, что мрачный прогноз Освальда Шпенглера для Европы пока не оправдался, вселяет надежды, что путь развития будет связан со знаниями,

⁵ Culture matters. How values shape human progress / Ed. by L. E. Harrison, and S. P. Huntington. – N. Y.: Basic Books, 2000.

культурой и наукой. Именно Европа, многие страны которой первыми прошли через демографический переход, теперь смело прокладывает путь к реорганизации своего экономического, политического и научно-технического пространства, что указывает на процессы, которые могут ожидать другие страны⁶. Эта критическая бифуркация, выбор пути развития, со всей остротой стоит и перед Россией, что связано с определением ее места и влияния в постсоветском пространстве. Ныне все человечество переживает необычайный рост информационных технологий. Так, повсеместно распространение сетевой связи, когда одна треть человечества уже обладает мобильными телефонами. Интернет, где число пользователей превысило миллиард, стал эффективным механизмом коллективного информационного сетевого взаимодействия, даже материализацией коллективной памяти, если не самого сознания человечества, реализованного на технологическом уровне системами поиска информации, такими как Google. Эти возможности предъявляют новые требования к образованию, когда не знания, а их понимание становится основной задачей воспитания ума и сознания. Недаром Вацлав Гавел заметил, что «чем больше я знаю, тем меньше я понимаю». Но простое применение знаний не требует глубокого понимания, что и привело к прагматическому упрощению и снижению требований в процессе массового обучения и его дифференциации по уровню и целям. Тем не менее, в настоящее время продолжительность образования все увеличивается, и часто наиболее творческие годы человека, в том числе и годы, более всего подходящие для создания семьи, уходят на учебу.

Все бóльшая ответственность перед обществом в формировании ценностей, в представлении образования и знаний должна осознаться средствами массовой информации. При пересмотре ценностей существенным должен стать отказ от культа потребления, навязанного рекламой. Недаром некоторые аналитики определяют нашу эпоху как время эскапизма и избыточной информационной нагрузки из-за широкого распространения пропаганды, рекламы и развлечений, как время нарочитого потребления информации, за которую немалую ответственность несут СМИ. Еще в 1965 г. выдающийся советский психолог А. Н. Леонтьев проницательно заметил, что «избыток информации ведет к оскудению души». Мне бы хотелось видеть эти слова на каждом сайте Интернета!

Естественно, что осознание информационной природы развития человечества придает особое значение достижениям науки, и в постиндустриальную эпоху ее значение только возрастает⁷. В отличие от «мировых» религий с самого своего появления фундаментальное научное знание, наука, развивалась как единое глобальное явление в мировой культуре с общим информационным, а теперь и кадровым пространством. Если в начале ее языком была латынь, затем французский и немецкий, то теперь языком науки стал английский. Глобализация науки существенным образом отражается на ее развитии. При этом задачей национальной научной политики становится, с одной стороны, вклад в мировую науку, отвечающий самым высоким требованиям. С другой стороны, использование результатов мировой науки невозможно без понимания всего того, что происходит на мировой арене. Кризис в науках об обществе также мешает развитию более глубоких представлений о природе человека и его сознания, равно как и отсутствие интегрирующих и синтетических представлений, связанное со все усиливающейся специализацией знаний. В настоящее время самый большой рост числа научных работников происходит в Китае, где развитие науки стало национальным приорите-

⁶ Culture matters...

⁷ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО / предисловие К. Мацуура. – Париж: ЮНЕСКО, 2005.

том. От китайских ученых и тех, кто получил образование в США, Европе и России, можно ожидать нового прорыва в мировой науке. Индия в 2004 г. экспортировала программный продукт на \$25 млрд, являя новый пример международного разделения труда, а опыт Японии и Южной Кореи показывает, как быстро могут модернизироваться страны Востока.

Россия в глобальном демографическом контексте

Рассматривая демографию России в глобальном контексте, следует остановиться на трех вопросах, которые, в частности, выделены в Послании президента В. В. Путина к Федеральному собранию 2006 г. На первое место президент поставил кризис рождаемости, который определяется тем, что в среднем на одну женщину приходится 1,3 ребенка – практически на одного меньше, чем необходимо. При таком уровне рождаемости страна даже не может сохранить численность своего населения, которое в настоящее время в России ежегодно уменьшается на 700 000 человек⁸. Но, как мы видели, малая рождаемость – характерная черта всех современных развитых стран, к которым, несомненно, принадлежит и Россия. Безусловно, в России материальные факторы, сильное имущественное расслоение общества играют значительную роль, и предложенные меры помогут частично исправить высокую степень неравномерности в распределении доходов в нашей стране. Однако основная и даже главная роль принадлежит появившемуся в современном развитом мире моральному кризису, кризису системы ценностей. К сожалению, политика в области образования и особенно СМИ ведет к тому, что мы совершенно бездумно импортируем и даже насаждаем представления, только ухудшающие ситуацию с кризисом самосознания и усиливающие дальнейшую атомизацию общества. Этому способствует и социальная позиция части интеллигенции, которая, получив свободу, вообразила, что это освобождает ее и от ответственности перед обществом в столь критический момент истории страны и мира.

Для России существенным фактором стала миграция, которая дает до половины прибавки населения. С возвращением на родину русских страна получает людей, обогащенных опытом других культур. Не менее важен и приток мигрантов из сопредельных стран, пополняющих в основном рабочий класс, который имеет, как правило, экономические причины. Таким образом, миграция стала новым и очень динамичным явлением в демографии России, и можно только отметить, что, как и в других странах, в российском контексте многие проблемы имеют сходный характер. Однако среди всех развитых стран Россия выделяется высокой смертностью мужчин. Для них средняя продолжительность жизни составляет 58 лет – на 20 лет меньше, чем в Японии. Причина этого состоит в печальном состоянии системы здравоохранения, которое, несомненно, усугубил бездумный монетаристский подход к организации этой области социальной защиты граждан, включая в том числе и крайнюю недостаточность пенсионного обеспечения. Здесь также велика роль моральных факторов при снижении ценности жизни человека в общественном сознании, сопровождаемом ростом алкоголизма в наиболее опасных формах, курением, наркотиками и в не меньшей степени невозможностью самореализации при адаптации к новым социально-экономическим условиям. Последствием этих факторов стал распад семьи, катастрофический для истории России рост числа беспризорных детей, принявший эпидемические размеры.

⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого, – М.: АСТ, 2005.

Заключение

Исследование и обсуждение глобального демографического процесса привело не только к открытию информационной природы механизма роста и расширению наших представлений обо всем развитии человечества, но позволило с этих позиций охватить и современность. Человечество на всем пути неизменного гиперболического роста в целом располагало необходимыми ресурсами и энергией, без чего было бы невозможно достигнуть нынешнего уровня развития. Однако развитие человечества как общества знания с самого начала определяется именно коллективным взаимовлиянием, идеологией как обобщенным программированием общества, которое обязано разуму и сознанию человека, – тому, что принципиально отличает нас от животных. Проблема не в ресурсном ограничении, не в глобальном недостатке энергии, а в социальных механизмах распределения знаний, богатства и земли. Эта проблема очень актуальная и для России. В мире существует перенаселение и очевидная бедность, нищета и голод, но это местные, локальные явления, а не результат глобальной нехватки ресурсов. Сравним Индию и Аргентину: площадь Аргентины на 30 % меньше площади Индии, население которой почти в 30 раз больше, однако Аргентина могла бы производить достаточно пищи, чтобы прокормить весь мир. С другой стороны, в Индии есть годовой запас продовольствия, хотя в ряде провинций голодают. В мире, охваченном глобализацией, рассмотрение проблем продовольствия, здравоохранения и образования, энергетики и экологии должно привести к конкретным политическим рекомендациям, определяющим развитие и безопасность мира в целом. Однако решение этих проблем, как глобальных, так и в масштабе страны, невозможно без координированной организации, без политической воли для обеспечения цели развития и самой устойчивости роста. Рыночные механизмы должны быть использованы для достижения эффективности роста при управлении экономикой.

Анализ роста численности населения позволяет описать суммарный результат всей экономической, социальной и культурной деятельности человечества, что впервые открывает путь к количественному пониманию истории. В этом состоит основной результат такого подхода при рассмотрении фундаментальных причин демографического роста и его последствий в предвидимом будущем. Только системное понимание всей совокупности глобальных процессов, достигнутое в междисциплинарных исследованиях, опирающихся на количественное описание развития мирового сообщества, может стать первым шагом к предвидению и активному управлению будущим, в котором именно факторам культуры и науке принадлежит определяющая роль в обществе знания⁹. Сегодня такому социальному заказу из будущего должна отвечать система организации науки и образования, прежде всего в воспитании наиболее способных и ответственных слоев общества, в выработке новых представлений в науках об обществе и развитии современного миропонимания. С этим связаны надежды человечества, и в этом видятся основания для исторического оптимизма по мере выхода из кризиса, вызванного эпохой глобальной демографической революции. Образно история человечества отображает судьбу человека, который со времен бурной молодости, когда он учится, воюет, обогащается, переходит в зрелость и, пережив время приключений и поисков, наконец, женится, обретает семью и покой. Эта тема в мировой литературе существует со времен Гомера и сказок «Тысячи и одной ночи», Святого Августина, Стендаля и Толстого: как и в живой природе, развитие особи повторяет развитие вида. Быть может, теперь и человечеству после драматического времени перемен предстоит одуматься и успокоиться. Только будущее это покажет, и ждать его не придется долго.

⁹ Ср.: К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО.

«ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ», ИЛИ РУССКИЙ ПУТЬ К ГЛОБАЛИЗМУ

А. В. Кацура

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..

Александр Блок

В знаменитой «Пушкинской речи» Ф. М. Достоевский, развивая мысль о всемирной отзывчивости русской души, говорил о первом нашем национальном гении: «Если бы жил он дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии сил своих и, бесспорно, унес с собой в гроб некоторую великую тайну».

Спустя четыре десятилетия в «Скифах» А. А. Блок со страстью и болью повторил мысль о нашей «врожденной всемирности»:

Нам внятно всё – и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Но XX в. пошел столь криво и кроваво, что (несмотря на семидесятилетнее непрерывное государственное ликование) привел страну к «разбитому корыту».

В самом конце 80-х Ю. Ф. Карякин рискнул предположить, в чем разгадка унесенной Пушкиным тайны: «Тайна – идея всепримирения. Всепримирение и с другими народами, и внутри себя».

Но пока не видно, чтобы простая формула эта принималась у нас за нравственный и политический постулат. Казалось бы, ныне, когда мир стремительно превращается в некое сложное целое, нам следует опираться на удивительное качество нашей души и культуры. Но нет. Снова множатся ошибки – изоляционизма, вранья, пустых обещаний, озлобления, недоверия к миру, странным образом уживающихся с дерзкими псевдоевразийскими аппетитами.

Возможно, нам не хватает силы духа и душевной тонкости при попытках осмыслить сплетения нынешних проблем? Завороженные близлежащим горизонтом, мы, как правило, мелко плаваем, не желая и боясь видеть запредельные, головокружительные высоты, равно как и страшные, затягивающие глубины.

Впрочем, «у мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех» (Экклезиаст, II, 14). Однако же «и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы – доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем» (Экклезиаст, XII, 5, 6).

Штрихи мировой геополитики

Русским самим нужно осознать свою историю...
Дональд Туск

Двадцати лет не прошло с той поры, когда Америка считалась нашим (то есть СССР) главным стратегическим противником. В те времена в нашем общественном сознании господствовала не только идея паритета (на самом деле обманчивого), но и – того хуже и страшнее – жила мысль (кем-то очень мощно навязанная) о том, что трудности наши временные, что путь наш велик и праведен, что вот-вот мы «через горную кручу переползем», Америку и империалистов в мирном соревновании пересилим и весь мир убедим (заставим?) жить нашими ценностями и по нашим правилам. В лице Америки мы в ту пору бросали вызов всему миру.

Через два десятилетия странным образом круг замкнулся.

В сознании еще очень многих людей (в том числе и из правящих слоев) происходит фантомный бой с Америкой, главной силой «проклятого Запада». Примеров этому немало, включая многие произведения современной отечественной фантастики, названной некоторыми литературоведами «имперской». И даже когда кто-нибудь из руководителей страны говорит (со скромной и приятной улыбкой), что главным нашим партнером выступают, разумеется, США, все равно в словах этих легко (равно как и в улыбке) читается и потаенный смысл, неоднозначный и лукавый, – вроде бледной улыбки поверженного боксера, неотступно думающего о реванше.

Но есть и второй, более глубокий, уровень ответа. Во имя чего разгрызается это фантомное сражение? Каковы ставки и каковы цели? Казалось бы, мы как вменяемые интеллигентные люди относимся к Штатам пусть и критично, но вполне благожелательно. Почему бы и нет? В конце концов, это самая старая и деятельная демократия, которая, пусть не без ошибок и благоглупостей, но все же стремится к некоему разумному мироустройству. Однако толерантная благожелательность эта гнездится лишь в верхних слоях сознания – там, где имеет место влияние воспитания и образования, где существует некий набор общедемократических представлений и склонность к элементарному анализу. Копни же чуть глубже – в личное подсознание, в коллективное бессознательное – там все наоборот, там этот бой идет не прекращаясь. Там многое рассыпается в прах – и демократические навыки, и поверхностные принципы благовоспитанности. А порою там оскальиваются такие звериные рожи! Но кем и с какой целью навязаны нам эти пещерные тени?

Да, иногда подсознание работает жестко: в аспекте узкого избранного вопроса речь может идти только о *завоевании мира*, о конкуренции мировых владык (актуальных или потенциальных – неважно) и их многомиллионной паствы, и ни о чем другом. Но внешне, на уровне привычной культуры, это все закамouflировано монбланами слов и сентенций. Географические открытия, землепроходцы, мировая торговля, колонии, доминионы, помощь слаборазвитым народам, союзы, альянсы, войны – оборонительные, освободительные, справедливые – и все такое прочее.

Но если вопрос поставить конкретно, в плоскости реальной геополитики – сколько стран сознательно или бессознательно стремится к мировому господству? Сколько стремилось в прошлом?

Таких претендентов, «глобальных игроков», кроме США и России (недавнего Советского Союза), немного – может быть, Китай, который окрепнет через несколько десятилетий. Но этого уже не скажешь относительно объединившейся Европы. Тем более относительно Германии или Японии, давно отпавших как проигравшие Вторую мировую войну. Как важные составные элементы они интегрированы в Западную систему – экономическую, политическую, военную. Последней по времени проиграла великую войну (уже в ее холодном варианте) Россия. Отпала ли она? О, как хотелось бы так думать «цивилизованному Западу»! Разве

не настало время эту возмутительницу спокойствия, эту лохматую норовистую страну причесать, принарядить и указать ей ее почетное, но вполне скромное место в ряду прочих цивилизованных (читай – приструненных) стран? Но таковое, к вшаему огорчению Запада, еще не стало реальным фактом.

Лохматая, взъерошенная страна все еще сопротивляется. И это обстоятельство составляет основное содержание новейшей эпохи (ближайших лет, а может быть, и десятилетий).

Что случится в эти годы – однозначно предсказать невозможно. Можно, разумеется, представить веер сценариев. Но задачей этих заметок являются не сценарные разработки, коих в литературе немало, а скорее поиск глубинной логики происходящего.

Если не вспоминать древних (Александра, персов, гуннов, крестоносцев, монголов, Тимура), взять лишь Новое и Новейшее время – кто мог завоевать мир (глобализировать его силой оружия)? Мог, хотел и стремился? Британия? Чуть раньше – Испания? Захватив бескрайние земли в Центральной и Южной Америке, испанцы не сумели их интегрировать, лишь расплыли и надорвали свои силы, утеряв в своей родной Европе статус великой державы. У Британии получилось несколько лучше. Интересный, кстати, вопрос: почему и как какой-то не столь уж великий остров на северо-западе Европы, отвоеванный 1000 лет назад у кельтов и саксов норманнами, разослав в XVII–XVIII вв. свои корабли по морям и океанам, захватил половину мира, возглавил мировую промышленность и торговлю и свой провинциальный островной язык сделал языком всемирным? Как это вышло? Чего такого особенного можно было разглядеть в англичанах? Промышленная революция? Национальная энергия, выплескивающаяся за пределы небольшого острова? Заметим, что энергия эта в упомянутые столетия направлялась уже не в Европу. Столетняя война была давно позади. Окрепла, пройдя через судорогу революции, Франция. Наполеон явился, дабы подхватить эстафету. Бросив перчатку надменным британцам, он добрался аж до Москвы. Но быстро покатился назад. Победный удар Веллингтона был эффектен, но уже не означал военного присутствия англичан в Европе, показывая лишь, что влияние их не истощилось. Забавно вспомнить, что двенадцатью годами раньше совместно с императором Павлом Первый консул Франции планировал поход на Индию, чтобы отнять ее у надменных британцев, подорвать их роль мирового лидера. Пустая фантазия корсиканца или загадочное, не совсем нам понятное жжение? Впрочем, вполне очевидно, что после успешного выдавливания из Индии англичан, ежели бы таковому суждено было случиться, союзники готовились друг друга «кинуть». Кто кого ловчее? Едва ли в этом деле опередил бы пылкий и недалекий Павел. Скорее холодный и мощный Бонапарт, который, по всей видимости, догадывался (хотя никогда не озвучил), что в сердце Азии лежат ключи к господству над миром – геополитическая истина (или только гипотеза?), сформулированная через сто лет британцем Макиндером. «Разбойник суши» собирался отогнать от «Сердца Земли» «разбойников моря» (так Макиндер называл англичан). Задача для тех времен была для французов и русских непосильной.

XIX в., завершившийся объединением Германии, вытолкнул еще одного новичка на конкурентное поле. С этого и начал закипать XX век. Германцы, внешне культурные, казалось бы, весьма и весьма цивилизованные, но в коих на самом деле не умерла еще былая варварская энергия, вдруг ощутили себя несправедливо зажатыми на клочке земли в центре Европы. Словно вдруг очнулись: куда это она подевалась, Священная Римская империя германской нации? Скотт Фицджеральд в романе «Великий Гэтсби» остроумно определил Первую мировую войну как «запоздалую миграцию тевтонских племен». Можно, кстати, понять логику тех историков, которые выдвинули мысль о том, что не было никакой Второй мировой войны,

а было лишь продолжение после двадцатилетнего перемирия все той же Первой. Ибо главная ее логика осталась прежней (с XIII в. лелеемой) – Drang nach Osten.

Припомните, однако, завоевательные планы Гитлера. Он собирался продвинуть рейх всего-то до Урала. А сибирские остатки русской промышленности и вооружений добывать с помощью дальней авиации. Но почему не вся Россия? Не весь мир? В чем причина этого геополитического самоограничения? Откуда этот провинциально недоразвитый аппетит? Фюрер был недальновиден? Провинциален? Не вник в доктрины Хаусхофера, ученика и продолжателя Макиндера (только на германский лад)? По-видимому, и первое, и второе, и третье.

Россия на подобном фоне некоторое время выглядела обстоятельней и умнее (хотя, может быть, и спинным лишь мозгом): с одной стороны, конечно, сонной, «кондовой» и «толстозадой»; зато с другой – порывисто энергичной и сосредоточенно нацеленной. Второе пунктирно проявлялось, по крайней мере, со времен чеканной формулы инока Филофея и походов Ермака. Несколько столетий готовились представители поначалу невеликого Московского княжества к собиранию земель, к безмерному расширению своего влияния, к походу в «Сердце Земли». И реализовывали все это неспешно и планомерно. Но зачем? Что за сила тянула их в неведомые земли? И не применимы ли к безмянным русским завоевателям (как ранее к туркам или монголам, а еще раньше к маврам или гуннам) печальные пушкинские строки: «Сколько их? Куда их гонят?..». Ведь не может быть, чтобы все было так просто – отправились и завоевали. И справедлива ли мысль, что завоеваний алкали вожди, а народ и не спрашивали?

Впрочем, российскую военную экспансию не отделить от своеобразного русского мессианства, берущего свое начало все в том же иудейско-христианском духовном поле, противоречиво заряженном на любовь и натиск, из коего черпали свою энергию и католики времен крестовых походов, и католики времен конкистадоров, и протестантские отцы-пилигримы, неспешно заполонившие пространства Северной Америки.

Что касается германцев, то их ревностный взгляд, бросаемый в сердце Азии, наткнулся на русские равнины, замедлявшие бег тевтонских геополитических фантазий. Воевать с Россией или сотрудничать с нею? Важнейший вопрос немецкой политики в течение нескольких столетий. Но уже со времен Немецкой слободы в Московии, и особенно с начала Голштейн-Готторпской линии в династии Романовых, в явном виде обнаружилась некая взаимная тяга Германии и России. Русские и немцы не воевали со времен Грюнвальда. Случилась, правда, Семилетняя война, вошли русские войска в Берлин. Зашатался трон под великим Фрицем (Фридрихом II), но вовремя для него умерла императрица Елизавета (своей ли смертью?), а наследник Карл Петер Ульрих Голштинский (Петр III) быстро отыграл все назад и даже помог Фридриху в войне с австрийцами. И случайно ли через сто с лишним лет трезвый и волевой Бисмарк завещал с Россией не воевать? Он, прослуживший ряд лет послом в Петербурге, знал Россию не понаслышке. Конечно, некую роль могла сыграть его пламенная и безнадежная влюбленность в Екатерину Трубецкую, жену русского посланника в Брюсселе князя Николая Орлова. Агатовый брелок, подарок красавицы Кати, «железный канцлер» носил на часовой цепочке до последнего часа. После смерти канцлера было обнародовано его письмо 1890 года, в котором он требовал отставки, обвиняя кайзера в том, что тот разрушает добрые отношения с Россией.

Не случайно и граф Шуленбург, вручая Молотову ноту об объявлении войны, не смог сдержать слез (и разумом, и сердцем понимал он, что Германия будет повержена и навсегда простится со своею мировую мечтой).

Российско-германский союз? Сколько людей об этом прекраснодушно помышляли! Ведь даже Осип Мандельштам в те дни, когда всюду уже ревели пушки русско-германского фронта, пылко (и наивно?) воскликнул:

А я пою вино времен –
Источник речи италийской –
И в колыбели праарийской
Славянский и германский лен!

В то время в Европе было два вида варваров, впрочем, внешне довольно схожих. Разве классический русский северный тип – рослый голубоглазый парень с копной льняных волос – не смахивает на «белокурую бестию»? Вот как старший друг Мандельштама Николай Гумилев в те же годы сопоставил скандинава и славянина:

Эльга, Эльга! – звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.
Ольга, Ольга! – вопили древляне
С волосами, желтыми, как мед...

При этом поэт (к тому времени заслуживший в русской разведке два Георгия) не скрывает, что чувствует воинственные токи и от того, и от другого племени:

Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.
Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду.

Славные битвы (они же – страшные войны) были не за горами.

А разве случайно все более настойчиво подозревают Распутина в заговоре в пользу Германии? Журналист Олег Шишкин рассказал в документальной исторической повести «Убить Распутина...», как в начале лета 1916 г. к «цареву любимцу» прибыла из Берлина загадочная неофициальная делегация во главе с балтийским бароном Хохеном Эстеном, желавшая добиться мира с Россией. И будто бы склоняла фаворита к отстранению от трона Николая, убежденного противника сепаратного мира. И будто бы Распутин, втянув в заговор помимо прочих лиц и своего любовника Феликса Юсупова, соглашался в январе 1917 г. на уход царя с трона в пользу императрицы-немки, которая будто бы уже готовила немедленный мир со своими германскими родственниками и заодно земельную реформу в России.

Лично я в подобную позицию Распутина не совсем верю. Да, он неоднократно и публично говорил, что желает мира с немцами и стремится к нему. Но тут мне видится иное: Распутин, хотя и темный человек, однако же и провидец. В продолжении войны он видел смертельную угрозу для царя, которого беспрекословно любил, как, впрочем, и царицу. Он говорил царствующим особам: «Ежели меня не сохраните, то и сами погибнете». Так и вышло. Казалось бы, смерть германофила Распутина объективно была выгодна французам и англичанам, опасавшимся выхода России из войны. Кто мог ожидать столь быстрого самоустранения царя, падения неоперившегося буржуазного правительства, прихода к власти маргинальных утопистов-экстремистов, умело подкупленных немцами и из войны Россию все-таки выведших. России это особых благ не принесло, ибо немцев все равно добились, но восточная империя, принесла огромные жертвы, в стане победителей не оказалась и плодами победы не воспользовалась.

И все же любопытно поразмышлять, что бы получилось, если бы описанный выше план в том или ином варианте удался. Союз двух самых воинственных, самых сильных империй Европы и в то же время наиболее отягощенных грузом прошлого, если бы только он оказался прочен, мог означать только одно: замедление истории или даже некоторое ее обращение вспять. Дабы прочувствовать этот фантом замедления или даже поворота вспять истории, необходимо припомнить замечание Маркса о европейских странах, находящихся «не на уровне истории». Под таковыми Маркс имел в виду именно Германию и Россию. Быть «не на уровне истории» – это не просто быть отсталым, это хуже: это значит выпасть из истории, исторически заплутать, вступить на ложный путь или даже повернуть вспять (как бы «предать историю»). Россия в массе своей была более дремучей, но это не спасало Германию. На уровень истории (а это не просто быть современным, это значит умело сохранять верность своей предшествующей истории, но не быть ее пленником и уметь заглядывать за горизонт) в те годы вышли только лишь Франция и Англия, да каким-то своим особым образом Америка за океаном. Лишь в этих странах продолжал закручиваться исторический процесс, ведущий, по мысли Маркса, к дальнейшей демократии и возможным социалистическим преобразованиям. Последнюю тему (ныне дразняще-спорную) оставим в стороне. Важно другое. Да, действительно, Германия и, особенно, Россия еще не были вполне свободны от тисков средневековья. Их союзная военная победа и доминирование в Европе сие бы и означали: поворот к новому-старому средневековью. (Позже, в 30-е гг., это все равно случится. Тогдашнее торжество НКВД и гестапо ведь очень будет напоминать по приемам инквизицию и аутодафе. И как их тянуло друг к другу! Это только проффилю мог огорошить внезапный союз Гитлер-Сталин (пакт Молотова-Риббентропа). Нет, двух палачей магнитом тянуло друг к другу, но на самом деле это выглядело и смешнее, и чудовищнее, нежели несостоявшийся союз Наполеон-Павел. Осенью 1940 Гитлер говорил Молотову, прибывшему на переговоры в Берлин: пропустите мои войска через Каспийские степи, я отвоюю у англичан Индию и подарю ее вам, русским. Молотов (на всякий случай отзвонив в Москву) хмуро отказался от «подарка». (А может, зря отказался? Как было легко подловить нацистов на столь чудовищной провокации!)

Да, прочности в коммуно-нацистском союзе конца 30-х гг. быть не могло. «Добрые союзнички» только лишь успели раскроить и поделить Польшу. Причем Сталин действовал по восточному коварней: советским войскам был отдан приказ вступить в Польшу лишь тогда, когда Гитлер за две недели «расколошматил» регулярную польскую армию. Поразительными и переломными окажутся «сороковые роковые», когда два средневековых пса сцепятся, ослабляя друг друга, что и будет означать возвращение – поначалу робкое – истории на свое законное место.

Свобода или повиновение – что эффективней?

О, мы, русские, жестоко поплатились за безудовное доверие, оказанное сильному человеку, принятому многими из нас за благодетеля человечества.

Даниил Андреев

И вот тут проявится роль Америки, двести лет готовившейся к прыжку. А как это начиналось? Я приведу длинную, но крайне интересную выдержку из Алексиса де Токвиля. Этот француз в первой трети XIX в. обнародовал геополитический прогноз (на мой взгляд, лучший в истории научных прогнозов вообще), смысла и значения которого тогда никто не оценил. Молодой французский историк и дипломат посетил Северо-Американские штаты, весьма далекую и очень мало населенную территорию, на деле изучил идущие там демократические про-

цессы и в книге, которая так и называлась – «Демократия в Америке», написал следующее:

«Итак, настанет время, когда в Северной Америке будет жить полтора миллиона жителей, равных между собою, которые все будут принадлежать к одной семье, все будут иметь одно историческое происхождение, одну цивилизацию, один язык, одну религию, одинаковые привычки и нравы и между которыми мысль будет обращаться, принимая одну и ту же форму и окраску. Все остальное остается сомнительным, но это достоверно. Вот, стало быть, совершенно новый факт в мировой истории, значение и последствия которого трудно себе представить даже в воображении.

В настоящее время существуют на Земле два великих народа, которые, начав с различных точек, приближаются, по-видимому, к одной цели: это русские и англо-американцы.

Оба они выросли незаметно; и когда взоры людей были обращены в другую сторону, они вдруг заняли место в первом ряду между нациями, так что мир почти в одно время узнал и об их появлении, и об их величии. Все другие народы, по-видимому, почти достигли пределов, предназначенных им природой: их задача – только охранять приобретенное. Но эти два народа находятся еще в периоде роста. Все остальные остановились или подвигаются только с большими усилиями; лишь они одни идут легко и скоро по пути, которому глаз еще не может видеть конца.

Американец борется с препятствиями, предоставляемыми ему природой; русский борется с людьми. Один воюет с пустынями и варварством, другой – с цивилизацией, находящейся во всеоружии; поэтому завоевания американцев делаются плугом земледельца, завоевания русского – мечом солдата.

Для достижения своей цели первый полагается на личный интерес и предоставляет свободу действий силам и разуму отдельных лиц. Другой сосредоточивает, так сказать, в одном человеке все силы общества.

Для одного главное средство действия есть свобода, для другого – повиновение.

Их исходные точки различны, пути их тоже различны; и однако каждый из них предназначен, по-видимому, тайной волею провидения держать когда-нибудь в своих руках судьбу половины мира».

Едва ли славянофилы, чье движение только зарождалось, прочитали эти строки. На русском они были опубликованы лишь в 1897 году. Но сколько глубинных совпадений при взгляде на душу русского человека и на его исторические перспективы! Впрочем, дело не только в славянофилах и не только в их последователях-евразийцах. Можно сказать проще и грубее, как бы схватывая самую глубину русских оснований: это глобальная русская мечта – сосредоточение сил в одном человеке. Сколько раз история являла нам картины того, с каким экстатическим восторгом массы отдавались, подчинялись одному: сначала это были цари, потом «народные вожди» Ленин, Сталин, Хрущев, в более слабом и несколько пародийном варианте – Брежнев, на краткий миг вспыхнувший Андропов, затем пошли реформаторы – Горбачев, Ельцин, затем прямо на наших глазах возшла и не хочет заходить звезда Путина. Конечно, последний пример еще слишком свеж и по исходам неясен.

Посмотрите, однако, что случилось с общественным мнением страны за считанные годы, как только люди разглядели в новом президенте черты вождя, пусть еще только проявляющиеся. Мгновенно его популярность взлетела до заоблачных высот. Выборы 2004 г. показали, что речи нет об искусственно надутым пузыре. Нет, здесь, скорее, иное: уставшие от независимости (пусть первое время и ущербной, и относительной) массы внезапно увидели *того самого*, кому можно передоверить часть собственной ответственности. И потянулись за ним. И как должное приняли передачу эстафетной палочки – ни дать ни взять, передача короны и ски-

петра. Случай этот говорит нам: какими мы были 50 или 200 лет назад, таковы мы и сейчас. Но не обольщаться нужно этим и не пугаться, а думать и анализировать. Способна ли Россия расстаться с мечтой? А вдруг подобное сосредоточение в одном человеке – *задание СВЕРХУ*? В том смысле, что это не ленивое чувство холопов, не самоуничижительное падение рабов, а назначение Божие? Или, говоря словами более приземленными, мы таковы по своей природе, по своим архетипам, которые невероятно устойчивы и с огромным трудом поддаются изменениям, если вообще поддаются. Бесспорно, были времена, когда единение с вождем и в вожде было эффективно, порой – чудовищно эффективно. Но так ли ныне?

Прежде чем заниматься этим интригующим вопросом, вернемся к теме Токвиля. Америка и Россия. Я напомним, что более чем через полвека после француза яркую будущность Америки предсказывал Фридрих Энгельс. Он говорил так: если Америка введет свободу торговли, то благодаря огромным природным ресурсам и умственной и нравственной способности американской расы Штаты через десять лет побьют Англию на мировом рынке. Энгельс сказал это после президентских выборов 8 ноября 1892 г., которые позволили американцам стряхнуть с себя иго английской монополии и открыли путь к свободе торговли. На всех рынках, предсказывал Энгельс, изделия английской промышленности, в особенности текстильной и металлургической, будут вынуждены вступить в борьбу с изделиями американской промышленности и в конце концов потерпят поражение. Энгельс, будучи учеником Маркса, был превосходным экономистом и предсказал по этой части все верно. Возможно, он был и хорошим социалистом, но провиденциалистом он был слабеньким. Он полагал, что *падение протекционистской системы в Америке означает в конечном счете победу социализма в Англии*. Нечто иное ожидалось в Германии: разумеется, и ее промышленность неизбежно будет втянута в соревнование с *самой молодой и самой сильной в мире нацией*, однако сто шансов против одного, писал Энгельс, что в силу чрезмерной ограниченности и трусости германской буржуазии ее песенка спета. То есть ни социализма, ни экономических высот. Энгельс бросил косой взгляд и в сторону России, но он совсем не верил в ее экономические возможности. Россия волновала его с военно-стратегической точки зрения.

Что касается Токвиля, то нельзя не заметить, что, по-видимому, впервые в истории (в 1835 г.) гениальным французом был поставлен вопрос о том, что грядет эра биполярного (двухполюсного) мира. Токвиль проницательно за век с четвертью разглядел эти 2 полюса – Россия и США. Впервые в подобных оценках и расчетах Европе (великой европейской цивилизации!) оставлялась роль второстепенная. Кто там? Британия, Франция, уже закатившаяся звезда Испании, пока еще активная Голландия, пробуждающаяся Германия. Но нет, полюса уже формировались совсем в иных, куда более широких пределах. Между прочим, на бескрайних землях Северной Америки, освоенных едва ли наполовину, в 1835 г. жило немногим более 12 миллионов человек. А Токвиль смело предсказывал десятикратное умножение где-то к середине следующего столетия. И как угадал! В 1950 г. в США уже около 150 млн жителей. (Отдельно взятый демографический прогноз француза был ошеломительно точен.) Что касается России, кстати, то даже ее европейские пространства по сравнению с Европой в те времена были населены слабо. Но высокие темпы прироста (чуть более 2 % в год) обеспечивали удвоение населения каждые 35 лет, так что 40 млн (цифра пушкинских времен), дважды удвоившись за 70 лет, превратились в начале XX в. в 160 миллионов. Казалось бы, в условиях бескрайних территорий ничто не препятствовало дальнейшему росту. Первые годы XX в. так и продолжалось: при сохранении высокой рождаемости Россия начала демонстрировать самые высокие в мире темпы экономического роста. Если бы эти тенденции сохранились, то к середине века в России было бы более трехсот миллионов (вместо 200 млн в СССР тех лет), а к началу XXI в. –

более шестисот (вместо нынешних 143-х) при высочайшей технологической базе и огромных накопленных богатствах. (Именно такую Россию предсказывали американские аналитики, составлявшие прогноз в начале XX в. для правительства США.)

Разумеется, могут возникнуть сомнения в справедливости подобного линейного прогноза, однако же бурные события 1917–1921 гг. (а далее к 1929-му и 1941-му) все перечеркивают, делая оценки и споры вокруг них схоластическими. Тягостный большевистский эксперимент, растянувшийся на долгие 70–80 лет, подорвал биологические силы российского народа. В итоге прирост за весь XX в. составил круглый ноль при очевидном падении физического и особенно нравственного здоровья населения. Выбираться из этой ямы нам в лучшем случае уготовано не менее половины срока падения в нее, то есть лет сорок. Можно понять нетерпение демократов-романтиков, но – увьи! – классический «срок Моисея» в Ветхом Завете обозначен отнюдь не случайно.

Разумеется, Алексис де Токвиль, аристократ и консерватор, убежденный противник французской революции, не мог предугадать такого оборота дел в России. Он жил в домарксистские времена (умер в 1859 г. 54-х лет от роду, а когда вышла его книга о демократии, 17-летний Карл Генрих Маркс лишь заканчивал гимназию в Трире и готовился изучать право и философию в Бонне). Токвиль ничего не хотел знать и слышать о «социализме». Демократические же основы жизни общества он изучил основательно, сделав самый главный вывод: демократия – это сотрудничество независимых личностей, а не организованная (якобы демократическим государством) безличностная масса. Таким образом, в токвилевской оценке русского типа личности (готовой передоверить все свои личностные силы вождю) уже содержался намек на грядущий кризис и «облом». Россия неизбежно должна была окунуться в страшную и кровавую купель, из которой возможны два выхода: либо в этой кровавой предродовой мешанине новый национальный тип независимой личности родится (дав надежду стране на динамичное будущее), либо она навсегда отойдет в третий мир, сохранив в памяти национальную легенду о былом могуществе. (У нас ныне эту надежду озвучивают при помощи слабенького эвфемизма под названием *средний класс*. Да ведь не очень пока понятно, из кого этот класс состоит. Крепких духом и умных людей (интеллигентов в хорошем смысле слова) что-то там не очень и разглядишь. А старая интеллигенция странным образом расплзлась и «выпала в осадок». Так что надо говорить именно о *новом типе личности*.)

Один из возможных исторических сценариев

Вся Европа с ужасом смотрит на этот русский колосс...
Князь Ливен

И все же сколь любопытно в плане исторической фантазии посмотреть, как могла бы выглядеть русская экспансия в ее оптимальном варианте при тех условиях, когда бы Россия, набрав мощную историческую инерцию, продолжала бы внешние завоевания, не теряя своих внутренних структурных пружин. (Предположим, что люди с характером и волей Ермака, Петра, Румянцева, Суворова, Сперанского, Горчакова, Столыпина, Колчака, Брусилова действуют свободно, и никто внутри страны им не мешает.)

Итак, *русский условно-оптимальный сценарий*.

После присоединения Сибири и Аляски русские закрепляются в Калифорнии, куда еще не добрались англо-саксонские пионеры. Энергичный Резанов не умирает от горячки, но укрепляет форт Росс и расширяет владения российской короны за счет индейских, мексиканских и испанских земель на Диком Западе. Оправившись после неудачной Крымской кампании и сделав надлежащие выводы, Россия

продолжает присоединять Туркестан, после чего снова начинает войну за вожделенные проливы. Отнять их у вконец ослабевшей Турции в начале XX в. труда не составило бы. Западные державы на сей раз едва ли вмешались бы, ибо перед ними вставала новая угроза – объединившийся и окрепший германский рейх, чья энергия опытными наследниками князя Горчакова была бы тонко и умело направлена на запад. Один из реальнейших моментов присоединения европейского клочка земли вместе со Стамбулом (упущенный Николаем II) сложился к лету 1913 г., когда Турция потерпела поражение в Балканской войне. У ряда российских политиков и генералов уже был составлен конкретный план захвата проливов, но «уперся» царь. По воспоминаниям Родзянко, царь сказал притоптывающим от нетерпения генералам примерно следующее: это некрасиво и неблагородно – воспользоваться нынешней слабостью Османской Порты. И что скажут в Европе – что мы разбойники? Смущенные генералы ушли, ничего не добившись.

Однако вообразим, что им удалось склонить царя. И что? Русские войска занимают те пространства, которые когда-то назывались Восточной Римской империей или же Византией, нашей духовной праматерью. Царьград естественнейшим образом объявляется третьей столицей Третьего Рима. Русское правительство перебирается на теплые берега Босфора. Российский флот доминирует в Средиземном море. Русский десант высаживается на Пелопоннесе, в Сицилии и на Мальте. Его встречают цветами Северная Африка, жители которой видят в России освободителя. Святая земля оказывается в зоне русского влияния. Англичане скрежещут зубами. Автокефальная греческая церковь признает Московского патриарха. В то же время Папа Римский не против присоединить к святой церкви 200 млн православных. При этом не акцентируется, кто кого присоединяет. Просто ведутся умелые переговоры о восстановлении единой христианской церкви. Становится вдруг ясно, что дело крестовых походов не погибло втуне, что помощь через 700 лет неожиданно пришла с Востока от прежних схизматиков, которых бичевал еще в XIII в. папа Иннокентий III и на которых призывал идти крестовой войной его преемник папа Григорий IX, и что объединение Европы, по всей видимости, состоится под патронажем российского императора. (Полвека спустя похожей модели с помощью полупохожей идеологии будет придерживаться Сталин – новый российский «император», но кончится все равно провалом.)

Тут уместно задуматься о подлинных внутренних импульсах коммунистической экспансии. Так или иначе, но в числе прочих расширений просматривается (как виртуальная возможность, которой на Западе явно опасались) и *тот самый поход* в 1979 г. в Афганистан (будто бы истосковавшийся в ожидании социалистических освободителей), а далее, рассекая Персию и Пакистан, выход к теплому океану, где и можно наконец «омыть» пресловутые сапоги. А конкретнее – построить города, аэродромы и гавани. Впервые в истории возникла бы империя (российская коммунистическая), превышающая по площади империю чингизидов. При этом на колоссальных просторах Юго-Восточной Азии располагаются нейтрально-дружественная Индия и военно-дружественный Китай, умело удерживаемый под властью пророссийских коммунистов. Таким образом, мировой контрольный пакет обеспечен. Остался бы не до конца решенным вопрос Западной Европы. Что ж, чего не удалось Наполеону (и Гитлеру), то довершили бы их смертельные друзья с востока.

(Продолжение в следующем номере.)

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

АУРЕЛИО ПЕЧЧЕИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В. М. Лейбин

Сравнительно недавно в печати появилась серия публикаций «100 человек, которые изменили ход истории». Она посвящена выдающимся личностям, перевернувшим мир, тем легендарным людям, которые оказали наибольшее влияние на политику, искусство, религию, промышленность и другие области современной цивилизации.

К таким выдающимся личностям отнесли Леонардо да Винчи, Шекспира, Петра Первого, Эйнштейна, Фрейда и многих других. Отнесли тех людей, которые действительно оказали значительное влияние на развитие самых различных сторон человеческой жизни и мира в целом.

Однако выбор наиболее выдающихся личностей из всех тех, кто жил и творил в различные эпохи развития человечества, всегда остается проблематичным, поскольку приходится иметь дело не с количественными показателями (оценка капитала, скажем, 100 наиболее богатых людей в мире), а с качественными факторами, свидетельствующими об интеллектуальном, социокультурном, нравственном, духовном влиянии на развитие человечества.

Мне представляется, что, по крайней мере, в рамках глобалистики личность владеющего несколькими языками талантливого организатора, видного общественного деятеля и первого президента Римского клуба Аурелио Печчеи (1908–1984) является той знаковой фигурой, которая, несомненно, не только внесла значительный вклад в развитие человечества второй половины XX столетия, но и наглядно продемонстрировала, какое влияние на мышление и деяния политиков, экономистов, финансистов, промышленников, экологов, ученых может оказать неординарный и целеустремленный человек.

Кратко остановлюсь на биографических вехах жизни А. Печчеи, что, надеюсь, будет способствовать лучшему пониманию того вклада, который он внес в становление и развитие глобалистики.

А. Печчеи родился 4 июля 1908 г. в северной части Италии, в Турине. Либеральная обстановка в семье способствовала формированию его самостоятельного отношения к жизни. Усвоение уроков мудрости отца (быть человеком и жить свободным человеком) определило его последующее отношение к миру и стало основой веры в широкие возможности, мужество и стойкость человеческого существа. Это помогло ему выжить в период студенчества в фашисткой Италии и приобщиться к идеям французских мыслителей XVIII в. во время обучения на протяжении нескольких месяцев в Сорбонне (Париж).

Закончив экономический факультет Туринского университета, А. Печчеи получил работу на фирме «Фиат», со временем добился назначения в Китай, где ра-

ботал с 1933 по 1938 гг. Возвратившись в Европу, он примкнул к движению Сопротивления, в 1944 г. был арестован нацистами и провел одиннадцать месяцев в заключении. Благодаря счастливому стечению обстоятельств в начале 1945 г. А. Печчеи вышел на свободу, получив неизгладимые из памяти уроки человеческого достоинства и мужества в условиях пыток и надругательства над личностью.

Последующая работа по восстановлению производственной деятельности компании «Фиат» в Италии, путешествия по Азии, Африке и Латинской Америке, жизнь и работа в течение ряда лет в Аргентине, где А. Печчеи основал штаб-квартиру «Фиат», руководство деятельностью консультативной фирмы «Италконсулт», действующей в более чем пятидесяти странах мира, работа на посту управляющего фирмы «Оливетти» – все это способствовало пониманию им того, что успехи в области промышленного управления в значительной степени зависят от развития и использования человеческих ресурсов.

Возвратившись в Европу и обосновавшись в Риме в 1957 г., А. Печчеи все чаще стал задумываться над тем, как искоренить несправедливость и пороки человеческого общества, с которыми ему пришлось сталкиваться во время предшествующей деятельности в различных странах мира. Придя к соглашению с руководителями компании «Фиат» о предоставлении ему свободного времени (при условии, что побочная деятельность не будет в ущерб работе в фирме), он приступил к общественной деятельности.

В начале 60-х гг. А. Печчеи откликнулся на приглашение двух американских сенаторов возглавить новую компанию «Адела» («Атлантическое развитие Латинской Америки»), ориентированную на мобилизацию доброй воли, научных достижений и финансов ряда континентов с целью развития частного сектора латинской экономики. Деловой прагматизм компании сочетался с сознанием международной и социальной ответственности, в результате чего была продемонстрирована возможность новых способов перестройки функций и деятельности частного предприятия в изменяющемся мире.

С 1967 года на протяжении шести лет А. Печчеи возглавлял Экономическую комиссию Атлантического института международных проблем в Париже, в рамках которой были созданы исследовательские группы, занимающиеся выработкой рекомендаций и оказанием помощи правительствам при принятии государственных решений. В этот период к нему пришло понимание того, что без совместных усилий ученых, предпринимателей и государственных деятелей невозможно реально оценить перспективы мирового развития и что для решения этой задачи необходимо использовать системный анализ.

Потребовалось несколько лет организационных и дипломатических усилий, включая организацию встречи бывшего советника президента США М. Банди и заместителя председателя Государственного комитета по науке и технике Дж. Гвишиани, прежде чем благодаря личным контактам А. Печчеи с видными государственными деятелями различных стран в конце 1972 г. был создан Международный институт прикладного системного анализа (ИИАСА).

В апреле 1968 г. по инициативе и по приглашению А. Печчеи в Риме в Национальной Академии деи Линчеи собралось около тридцати европейских ученых. Хотя между участниками обсуждения не было единодушия, тем не менее, собравшиеся после окончания совещания в доме А. Печчеи несколько энтузиастов сформировали комитет, послуживший толчком к образованию новой гражданской ассоциации.

Так был создан Римский клуб – неформальная, независимая, неправительственная организация, поставившая перед собой две цели: содействовать тому, чтобы люди смогли осознать те затруднения, перед которым стоит человечество, и использовать доступные знания для установления новых отношений и политических курсов, способствующих выходу из глобальной кризисной ситуации. Президентом Римского клуба был избран А. Печчеи.

В 1969 г. в американском издательстве «Макмиллан» была опубликована книга А. Печчеи «Перед бездной». В ней высказывались опасения по поводу того, что макропроблемы все в большей степени угрожают человечеству и, следовательно, для его выживания и сохранения планеты необходимо объединить усилия с целью исследования и совместного планирования будущего.

На основе этих идей в рамках Римского клуба был разработан «Проект затруднений человечества». После обсуждения разных возможностей по реализации данного проекта было признано, что наиболее перспективный план достижения соответствующих целей состоит в представлении и анализе мировой проблематики с помощью системного использования глобальных моделей. Тем самым было открыто новое направление в изучении и осмыслении будущего, получившее название глобального моделирования.

Как можно было достучаться до людей различных профессий и умонастроений в различных странах мира? Достучаться до тех, кто был усыплен или ослеплен упованием на научно-технический прогресс и экономический рост, которые воспринимались в качестве панацеи от всех кризисных процессов?

А. Печчеи исходил из того, что человечество состоит из взаимосвязанных между собой элементов и в условиях глобализации наибольшее значение приобретают те, которые зависят от человека. Для того, чтобы осознать, какие стороны человеческого поведения ответственны за глобальный кризис и какие изменения следовало бы осуществить, необходимо лечение шоком. Такое лечение может быть осуществлено на основе количественных аргументов, которые воспринимаются людьми более доходчиво, чем рассуждения качественного характера. Поэтому была сделана ставка на математическую модель, основанную на методе системной динамики и имитирующую развитие мировой системы с помощью таких взаимосвязанных между собой переменных, как население, капиталовложения, использование невозобновимых природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, производство продовольствия.

В 1972 г. мировой общественности был представлен первый доклад Римского клуба, который был опубликован в виде книги «Пределы роста». Возглавляемая Д. Медоузом многонациональная группа молодых ученых продемонстрировала результаты глобального моделирования, которые сводились к тому, что при сохранении имевших место в то время тенденций к росту в условиях ограниченных ресурсов планеты в начале XXI столетия неизбежны глобальный кризис и крах. Глобальную катастрофу можно предотвратить лишь в том случае, если будут приняты меры по ограничению и регулированию этого роста, постановке и реализации новых целей, направленных на сохранение планеты.

Изданная почти на тридцати языках общим тиражом около четырех миллионов экземпляров работа «Пределы роста» не только вызвала дискуссии среди ученых в различных странах мира, но и привлекла внимание широкой публики к тем затруднениям человечества, с которыми уже невозможно было не считаться.

Оценивая результаты моделирования мирового развития, А. Печчеи с удовлетворением отмечал, что, если для завоевания Трои ахейцам понадобилось десять лет, чтобы додуматься до уловки с деревянным конем, то Римский клуб сумел за более короткий срок найти своего «троянского коня» и одержать первую стратегическую победу в начавшейся исторической битве за сохранение жизни на Земле. Важно было также и то, что в результате шоковой терапии ранее существующий миф о росте начал постепенно развеиваться в умах многих представителей человеческого рода.

На протяжении последующих двенадцати лет А. Печчеи активно участвовал в организации и реализации дальнейших проектов Римского клуба, постоянно встречаясь с видными представителями бизнеса, политики, науки, культуры и генерируя плодотворные идеи, касающиеся возможности формирования новых стратегий и целей развития человечества. При его непосредственной поддержке в рамках Римского клуба было подготовлено и опубликовано тринадцать докладов, в которых не только исследовались наиболее важные аспекты регионального и глобального развития, но и предлагались соответствующие рекомендации, направленные на изменение общего положения человеческой системы.

В 1977 г. была опубликована книга А. Печчеи «Человеческие качества», которая продемонстрировала широту и глубину мышления человека, обеспокоенного за судьбу человечества. В то время как некоторые исследователи увлеклись математическим моделированием, стремясь подтвердить или опровергнуть выявленные Римским клубом внешние пределы материального роста, он со всей определенностью подчеркнул, что эти пределы проистекают из внутренних пределов, относящихся к человеческому развитию и связанных главным образом с культурой. А. Печчеи высказал твердое убеждение в том, что возможность недопущения глобальной катастрофы напрямую соотносится с использованием главного ресурса – человеческого потенциала.

Все усилия должны быть сконцентрированы, по мысли А. Печчеи, на развитии в человеке желания и способности управлять собой и своим миром так, чтобы его жизненные силы были направлены на решение гуманистических задач. Словом, ключ к спасению человечества заложен в самом человеке, в его собственной внутренней трансформации по осознанию той ответственности, которая возлагается на него в эпоху глобальных изменений в мире.

Не будучи гуманитарием или философом по образованию, А. Печчеи пришел к выводу о необходимости становления и развития того, что он назвал «новым гуманизмом». Этот «новый гуманизм» должен характеризоваться чувством глобальности, любовью к справедливости, нетерпимостью к насилию, мыслью о единстве мира и целостности человечества, необходимостью в культурном развитии человека и улучшении человеческих качеств всех жителей планеты, стремлением к самовыражению, раскрытию возможностей и способностей человеческой личности.

В других своих книгах, включая «Час истины» (1975), «Впереди пропасть» (1979), «Сто шагов в будущее. Размышления президента Римского клуба» (1981), А. Печчеи не только предупреждал о грозящей человечеству глобальной опасности, но и предлагал свое видение стратегий выхода из катастрофической ситуации. В частности, он писал о новой системе ценностей человека, ориентированной на то, чтобы не больше *иметь*, а *быть* человеком, ответственным не только за себя, но и за судьбу других людей и человечества в целом. Он также выражал надежду

на то, что человеку хватит мудрости для того, чтобы руководствоваться в своей жизни идеями и ценностями «нового гуманизма».

Самым большим желанием А. Печчеи было внести, по его собственному выражению, посильный (в той мере, которая доступна одному человеку) вклад «в возрождение человеческого духа, ибо без этого вся человеческая система окажется в плену таких понятий или крайних обстоятельств, которые неминуемо приведут ее к уничтожению».

До последних дней своей жизни в полную меру своих сил и возможностей А. Печчеи стремился претворить свое желание в конкретные дела. Он умер 14 марта 1984 г., будучи убежденным в том, что самое главное – это человеческая личность. Собственной жизнью, профессиональной и общественной деятельностью он наглядно продемонстрировал, что это действительно так.

Влияние А. Печчеи на умы ряда бизнесменов, политических деятелей и ученых было столь значительным, что фактически предопределило дальнейшую направленность исследований и преобразований во многих странах мира. В частности, после его смерти был опубликован целый ряд докладов Римскому клубу и созданы новые национальные ассоциации содействия этому клубу, включая Российскую Ассоциацию. Выдвинутое при его жизни кредо «мыслить глобально, действовать локально» стало неотъемлемой частью мышления и действий тех, кто высказывал озабоченность по поводу будущего развития человечества и предлагал те или иные решения, способствующие недопущению глобальной катастрофы.

Мне не довелось быть близко знакомым с А. Печчеи. Тем не менее, исследование деятельности Римского клуба, осмысление содержащихся в его работах идей и личная встреча с ним оставили во мне неизгладимое впечатление об этом талантливом, ярком, неординарном человеке. До сих пор у меня хранится его книга «Сто шагов в будущее», которую он мне подарил с дарственной надписью за год до своей кончины.

Поскольку на протяжении многих лет я не только занимался исследованиями в области глобалистики, но и осуществлял профессиональную деятельность в сфере психоанализа, то, возможно, будет целесообразным высказать следующую мысль.

В начале XX в., оценивая свой вклад в развитие науки, основатель психоанализа З. Фрейд говорил о том, что человечеству было нанесено три сокрушительных удара. Первый, *космологический*, удар был нанесен Коперником, доказавшим, что Земля не является центром Вселенной. Второй, *биологический*, удар был нанесен Дарвиным, выдвинувшим гипотезу о том, что человек произошел от обезьяны. Третий, наиболее сокрушительный, *психологический* удар по нарциссизму человечества нанесен им, Фрейдом, показавшим, что человек, считающий себя сознательным существом, в действительности является бессознательно мыслящим и действующим, и, следовательно, его «Я» не является хозяином в собственном доме.

Используя данную аналогию, можно было бы сказать, что А. Печчеи нанес четвертый, не менее сокрушительный, *глобальный* удар по самодовольному, уповающему на материальный рост человечеству, представители которого руководствуются в своей, ориентированной на *имение*, а не *бытие* деятельности сиюминутными меркантильными соображениями, не соотнесенными с будущим планеты.

Полагаю, что профессиональная и общественная деятельность А. Печчеи, несомненно, заслуживает того, чтобы его имя было вписано в историю глобалистики, а возможно, и в историю человечества наряду с теми гигантами мысли, которых традиционно принято считать выдающимися личностями, оказавшими влияние на мир.

УЧЕНИЕ В. И. ВЕРНАДСКОГО О НООСФЕРЕ И ПОИСК ПУТИ ВЫХОДА ИЗ ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

Б. Г. Режабек

Идея В. И. Вернадского о Ноосфере – сфере Разума, получившая развитие в работах французских ученых Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, стала основой учения о Ноосфере, которое сегодня активно развивается в России и может дать качественно новые пути решения проблем, связанных с «глобальными угрозами» – экологической, ресурсной, энергетической, демографической, ориентируя вектор геополитики на защиту интересов человечества как единого целого. Целостное ноосферное мировоззрение, опирающееся на представления не только о Правах, но и об Обязанностях Человека и единстве Человечества, необходимо для создания реальной стратегии решения глобальных проблем современности, способной объединить усилия представителей науки, религии и философии с возможностями политиков и бизнесменов разных стран мира.

Вступив в новое тысячелетие, человечество обнаружило себя в ситуации, подобной которой не было еще никогда. Футурологи и философы, политики и географы начиная с 60-х гг. прошлого века призывали обратить внимание на угрозу целого ряда кризисов, нависших над нашей планетой. Рост населения, ограниченность традиционных источников энергии (нефть, газ и уголь), ограниченность ресурсов пресной воды и полезных ископаемых, загрязнение почвы, воды и воздуха веществами, многие из которых до XX в. вообще не существовали (например пестициды и радиоактивные отходы атомных станций), угрожающие политические тенденции, связанные с «глобализацией», под которой часто подразумевают подчинение интересов слаборазвитых стран тем, кто сумел вырваться вперед (концепция «золотого миллиарда»), – все эти явления породили то, что мы сегодня определяем как демографический, энергетический, ресурсный, экологический и геополитический кризисы. Появилась специальная наука «глобалистика», предметом которой стали закономерности общепланетных процессов и поиски путей преодоления надвигающихся кризисов¹. Перед человечеством во весь рост встала огромная задача поиска выхода из надвигающихся кризисов, для решения которой мыслители разных типов, разных научных школ и стран предлагают свои пути.

Один из таких путей представляет нам учение о Ноосфере – сфере Разума, геологической оболочке, возникшей на определенной стадии эволюции Биосферы – сферы Жизни. Инициатором создания учения о Ноосфере, как и учения о Биосфере, является великий русский ученый Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). Его имя стоит в первых рядах творцов науки XX в. Он является основоположником целого комплекса наук: геохимии, биогеохимии, радиогеологии. В 1922 г. он создал Радиевый институт, в 1929-м – Биогеохимическую лабораторию.

¹ Глобалистика: энциклопедия – М.: Радуга, 2003.

рию, ныне это Институт геохимии и аналитической химии РАН им. В. И. Вернадского. Академик Петербургской Академии наук с 1912 г., основатель и первый Президент Украинской Академии наук (1918 г.), академик Российской АН с 1917 г. и АН СССР с 1925 г.; профессор университетов Москвы, Киева, Парижа (Сорбонна); ректор Таврического университета (1920 г., Симферополь) – это лишь часть научных титулов Вернадского. Имя В. И. Вернадского носят Государственный геологический музей, Таврический национальный университет, Институт геохимии и аналитической химии РАН, Неправительственный экологический фонд РФ, Национальная библиотека Украины, проспекты в Москве и Киеве, малая планета, Вернадовская средняя школа в Тамбовской области, многочисленные клубы, академии, союзы. Призвание естествоиспытателя сочеталось в нем с большими организационными способностями, к тому же, В. И. Вернадский был человеком высочайших нравственных качеств. Вот как писал о нем близко его знавший Н. В. Тимофеев-Ресовский: «Люди бывают очень плохие, плохие, средние, хорошие, очень хорошие, и есть некоторое количество замечательных людей. Среди замечательных попадаются весьма замечательные люди, и, наконец, среди весьма замечательных людей попадаются – очень редко – совершенно замечательные люди. Вот Вернадский, несомненно, был совершенно замечательным человеком»². Вернадский – идеальный образец истинного русского интеллигента, который совмещал в себе качества ученого и философа, политического и общественного деятеля. Главным делом его жизни стала разработка целостного учения о биосфере и эволюции биосферы в ноосферу, в которой человеческий разум и научная мысль становятся определяющим фактором развития. Идеи Вернадского о взаимодействии природы и общества оказали большое влияние на формирование современного экологического сознания.

Оценка значения Вернадского в научном мире столь высока, что известные зарубежные ученые Николас Полуни (Великобритания) и Жак Гриневальд (Швейцария) писали: «Возникает вопрос: не следует ли нам очень серьезно задуматься о вернадскианской революции как термине, охватывающем его широкую концепцию, которая может эффективно привести к прогрессу в образовании, касающемся окружающей среды, и в итоге к прогрессу в благополучии мира... Это новый объект для приложения усилий мирового научного сообщества»³.

Термины «биосфера» и «ноосфера» Вернадскому не принадлежат: термин «биосфера» появился еще в XIX в. в работах немецкого геолога Э. Зюсса, а термин «ноосфера» ввел в научный оборот Эдуард Леруа (1870–1954) – ученый и философ, профессор Коллеж де Франс (с 1921 г.), член Французской Академии Наук (с 1945 г.), последователь А. Бергсона, представитель католического модернизма. Известны его работы в области математики, антропологии и философии, к сожалению, до сих пор не переведенные на русский язык.

Он и его друг Пьер Тейяр де Шарден познакомились с В. И. Вернадским в 1923 г. в Париже. Здесь Вернадский, будучи приглашенным в Сорбонну, читал лекции об эволюции геологических оболочек земного шара. В книге «Очерки геохимии», изданной в Париже в 1924 г. на французском языке (на русском она вышла в 1927 г.), он писал:

² Тимофеев-Ресовский, Н. В. Воспоминания. – М.: Прогресс, 1995. – С. 289.

³ Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. – М.: Современник, 1993. – С. 5.

«С человеком, несомненно, появилась новая огромная геохимическая сила на поверхности нашей планеты. Равновесие в миграции элементов, которое установилось в течение длительных геологических времен, нарушается разумом и деятельностью человечества. Мы находимся в настоящее время в периоде изменения этим путем условий термодинамического равновесия внутри биосферы». Эти идеи обсуждались на семинаре А. Бергсона в 1924 г., где, видимо, и возник термин «ноосфера». На базе своих лекций Вернадский издал в 1926 г. книгу «Биосфера», вызвавшую большой интерес не только в научных кругах. Ею зачитывались М. Пришвин и Н. Заболоцкий. Геннадий Гор писал: «Есть книги, воздействие которых на читателя ни с чем не сравнимо. Такой необыкновенной книгой оказалась для меня “Биосфера”».

П. Тейяр де Шарден и Э. Леруа, будучи поклонниками идеи А. Бергсона о «творческой эволюции», увидели в мыслях Вернадского то, чего не могли найти у Бергсона – научные, а не только философские доводы. В 1927 Э. Леруа писал: «Начиная с человека, эволюция осуществляется новыми, чисто психическими средствами: через промышленность, общество, язык, интеллект и т. д., и таким образом биосфера переходит в ноосферу»⁴. В этой публикации впервые был использован в печатном издании термин «ноосфера». В. И. Вернадский с присущей ему скромностью позже писал: «Я принимаю идею Леруа о ноосфере. Он развил глубже мою биосферу». Для обозначения процессов, связанных с разумной деятельностью человека на планете, предлагались также термины «интеллектосфера» (А. Гумбольдт), «техносфера» (А. И. Ферсман), «пневмосфера» (П. В. Флоренский), «семиосфера» (Ю. М. Лотман). Однако именно термин «ноосфера» оказался наиболее содержательным и перспективным. Вернадский рассматривал закономерное появление ноосферы как общепланетной оболочки, исходя из выдвинутого им геохимического принципа «роста геохимической энергии». В своих работах Вернадский проявил особый научный стиль: он мало использовал математику, опирался на « эмпирические обобщения», являющиеся, по его убеждению, главным фундаментом науки. Но масштабность его мысли и колоссальная интуиция, смелость в обобщениях при корректности построений позволяли ему делать глубочайшие научные выводы. Например, великий физик Вольфганг Паули не верил в нарушение четности, а Вернадский говорил о возможности различий форм пространства и времени в системах с разной симметрией задолго до экспериментов, доказавших несохранение четности в микромире (Цзяньдао Ли и Чженьин Янг, Нобелевская премия по физике 1957 г.). Историзм мышления позволил Вернадскому перейти от «геохимии» к «биосфере» и далее – к «ноосфере».

Вторым великим мыслителем, чье имя связано с формированием идеи ноосферы и ее развитием, является Мари Жозеф Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955), один из ярчайших мыслителей XX в., палеонтолог и священник, профессор кафедры геологии Католического университета в Париже и член ордена иезуитов. Он развивал представления о духовной эволюции Вселенной, итогом которой сегодня является деятельность «человека разумного», а перспективой – устремление к бесконечной «точке Омега», к одухотворению и преображению Вселенной, к соединению человека с Творцом Вселенной. Он писал, что эволюция – это нечто гораздо больше, чем теория, система или гипотеза. Она является основным знанием,

⁴ Le Roy, E. L'exigence idealiste et le fait l'evolution. – Paris, 1927. – P. 195–196.

которому теперь должны подчиняться все теории, гипотезы, системы, если они хотят быть разумными и истинными, а появление в финале Человека на Земле есть только логический результат упорядоченного процесса, намеченного с самого возникновения нашей планеты. «Человек – не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее»⁵.

Блестяще защитив в 1920 г. в Сорбонне диссертацию на тему «Млекопитающие нижнего эоцена Франции», он получил докторскую степень и стал профессором кафедры геологии в Католическом университете в Париже. Эволюционные идеи Тейяра послужили поводом к доносу о его еретических суждениях по линии иезуитского ордена. В 1923 г. он принял участие в палеонтологической экспедиции в Монголию и Северо-Западный Китай. Вернувшись в 1925 г., он увидел, что доносам был дан ход: Тейяру запретили чтение лекций. С 1926 по 1946 гг. он работал в качестве естествоиспытателя в иезуитских миссиях в Китае. В 1927 г. в пещере близ селения Чжоукоудянь недалеко от Пекина были начаты раскопки, которые привели к крупнейшему открытию в антропологии: были найдены останки синантропа. В июле 1937 г. Япония начала войну с Китаем. Тейяр не успел эвакуироваться, остался в Пекине, где 10 лет хранил коллекции миссии, ежедневно служил мессу и держал связь с внешним миром с помощью переписки.

Именно в это время он написал свою главную книгу – «Феномен человека». Вернувшись во Францию в 1946 г., он не получил разрешения на печатание этой книги. Тейяру запретили выступать по вопросам философии, а в 1951–1954 гг. даже приезжать в Париж. Тейяр принял предложение из США руководить раскопками в Восточной Африке.

В эти годы оттуда поступали данные о находках, отодвигавших происхождение предков человека до 2–3 миллионов лет назад. Но он успел совершить лишь две поездки: в Африку и Овернь. За год до смерти записал в дневнике: «Все приключения в области духа – это Голгофа». 10 апреля 1955 г. он умер в Нью-Йорке от сердечного приступа. Посмертные публикации сочинений Тейяра навлекли новые санкции Ватикана. В 1957 г. было проведено изъятие его книг из библиотек семинарий и католических учреждений, указ ватиканской канцелярии призывал охранять католическую молодежь от влияния работ Тейяра. Тем не менее, идеи Тейяра вдохновили многих католиков – его даже сравнивали с Фомой Аквинским, в свое время открывшим новые пути для объединения христианства с наукой. Сегодня идеи Тейяра известны далеко за пределами мира католических богословов.

Вернадского и Тейяра по праву считают основоположниками учения о ноосфере, но следует признать, что они дали только общие идеи построения этого учения, которое реально формируется в наши дни. Большой вклад в развитие этих идей вложили Н. Н. Моисеев, А. Л. Яншин и др. Интерес к учению о ноосфере стал расти в 70-х гг., после осознания необходимости поиска выхода из глобального кризиса, принявшего в конце XX в. осязаемый характер в связи с проблемой огромной нагрузки на биосферу, создаваемой деятельностью человечества, химическим загрязнением, демографической проблемой и геополитическим кризисом.

«Библиография ноосферы», изданная в 1991 г. Фондом им. В. И. Вернадского, уже насчитывала несколько тысяч наименований⁶. Тем не менее, завершенного и

⁵ Тейяр де Шарден, П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – С. 40.

⁶ «НООСФЕРА – безальтернативное будущее человечества». Библиография работ о ноосфере с рубрикаторм. – М.: Ноосфера, 1991.

общепризнанного учения о ноосфере до сих пор нет. Оно до сих пор, к сожалению, мало известно на Западе. Так, например, известный теоретик глобализации Френсис Фукуяма на встрече в Москве 13 июня 2007 г. в ответ на мой вопрос о Вернадском и ноосфере сказал, что ему неизвестны эти идеи. Но осмысливать и развивать эти идеи необходимо! Прежде всего нужно ответить на вопрос: что такое ноосфера, существует ли она как объективное явление, или же это некая абстрактная категория? Отвечая на этот вопрос, сразу же надо разъяснить часто встречающееся недоразумение, связанное с тем, что в термин «ноосфера» разные авторы вкладывают различный смысл.

Во-первых, ноосферу можно определить аналогично биосфере как географическую оболочку земного шара, в которой основную роль играют превращения вещества, энергии и информации, связанные с деятельностью «человека разумного».

В этом, научно-эволюционном, смысле ноосфера появилась одновременно с возникновением вида *Homo sapiens* и является, как и биосфера, предметом изучения в первую очередь естественных наук, и появление ноосферы – это всего лишь освоение человеком биосферы. Такой точки зрения придерживался, например, Л. Н. Гумилев.

Второй смысл, обычно ассоциируемый с термином «ноосфера», связан с пониманием ноосферы как проекта, идеала, такой организации деятельности человека на планете, которая была бы в полном смысле слова разумной, обеспечивала оптимальную «коэволюцию»⁷ биосферы и человечества, направляя развитие в интересах Человечества. Такое развитие должно опираться на гармоничное сосуществование различных культур и народов, «цветущее многообразие» (К. Н. Леонтьев) которых не менее важно для устойчивости ноосферы, чем разнообразие видов для биосферы. В этом, этически-аксиологическом, смысле ноосфера находится в стадии становления, преодолевая в процессе своего формирования огромные трудности, возникая «в грозе и буре».

Кроме того, в массовом сознании существует некое «эзотерическое» представление о ноосфере как «ментальном поле», в котором вокруг Земли летают мысли всех людей. Такие представления связаны с мифологическим типом бытового сознания и к научному пониманию ноосферы имеют очень отдаленное отношение.

Ф. Т. Яншина, глубокий исследователь трудов В. И. Вернадского, выявила в его трудах ряд положений, характеризующих условия ноосферной организации процессов на Земле⁸:

1. Заселение человеком всей планеты.
2. Резкое преобразование средств связи и обмена информацией.
3. Усиление связей, в том числе политических, между странами Земли.
4. Начало преобладания геологической роли человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере.
5. Расширение границ биосферы и выход в космос.
6. Открытие новых источников энергии.
7. Равенство людей всех рас и религий.

⁷ Моисеев, Н. Н. Коэволюция природы и общества. Пути ноосферогенеза // Экология и жизнь. – Весна-лето 1997. – С. 4–7.

⁸ Яншина, Ф. Т. Эволюция взглядов В. И. Вернадского на биосферу и развитие учения о ноосфере. – М.: Наука, 1996. – С. 73–75.

8. Увеличение роли народных масс в решении вопросов внешней и внутренней политики.

9. Свобода научной мысли и научного поиска от давления религиозных, философских и политических построений.

10. Эффективная система народного образования и жизнеобеспечения. Ликвидация возможности недоедания, голода и нищеты, сведение к минимуму болезней.

11. Разумное преобразование природы Земли с целью сделать ее способной удовлетворить материальные, эстетические и духовные потребности численно возрастающего населения.

12. Исключение войн из жизни общества.

Первая половина этих условий выполнена: на Земле не осталось мест, недоступных для человека; появилась общепланетная сеть независимых коммуникаций – Интернет, новые средства переработки информации и усиления интеллектуальных возможностей человека – компьютеры; объем горных пород, извлекаемых из глубин Земли всеми шахтами и карьерами мира, почти в два раза превышает средний объем лав и пеплов, выносимых ежегодно всеми вулканами Земли; космос стал привычной ареной серьезных проектов; возникают мощные международные общественные и политические структуры, способствующие объединению человечества. Человеку стали доступны совершенно новые источники энергии. Атомная энергия – очевидный пример, являющийся в то же время грозным предупреждением человечеству в его современном состоянии. Осознав опасности атомной энергетики, ученые уже развернули фронт работ по овладению альтернативными источниками энергии: солнечной, водородной, геотермической, термоядерной.

Вторая половина условий сегодня далека от осуществления. Именно здесь идут основные процессы, связанные с формированием ноосферы, – в первую очередь появление «человека истинно разумного», осознавшего свое место и назначение во Вселенной и умеющего быть повелителем, а не рабом своих животных потребностей (к которым относятся не только питание и секс, но и властные амбиции, являющиеся наследием биологических стадных инстинктов, связанных с определением иерархического положения в стае). Если человечество сумеет преодолеть раздирающие его сегодня противоречия, то оно сможет выйти из глобальных кризисов. По утверждению Международной организации питания, уже при нынешнем уровне развития технологии планета может прокормить не менее 25 миллиардов человек. Динамика роста человечества позволяет предсказать стабилизацию населения в пределах 10–15 млрд человек⁹.

Учение о ноосфере возникло не на пустом месте и находится в главном русле идей русской философии. Предтечами учения о ноосфере являются яркие и оригинальные мыслители, объединяемые сегодня как представители «русского космизма»¹⁰. К ним относятся в первую очередь Николай Федорович Федоров (1828–1903), религиозные философы Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944), Павел Александрович Флоренский (1882–1937), Николай Александрович Бердяев (1874–1948), последователи Н. Ф. Федорова – Александр Константинович Горский (1886–1943) и Николай Александрович

⁹ Капица, С. П. Феноменологическая теория роста населения Земли // Успехи физических наук. – 1996. – Т. 166. – № 1. – С. 63–80.

¹⁰ Русский космизм. Антология. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.

вич Сетницкий (1888–1937), Валерьян Николаевич Муравьев (1885–1932), а также естествоиспытатели Сергей Андреевич Подолинский (1850–1891), Николай Алексеевич Умов (1846–1915), Константин Эдуардович Циолковский (1858–1935), Александр Леонидович Чижевский (1897–1964), Николай Григорьевич Холодный (1882–1953), Василий Федорович Купревич (1897–1969). Огромный интерес представляет исследование связи между «принципом роста геохимической энергии» В. И. Вернадского и «принципом устойчивого неравновесия», выдвинутым в 1930-х годах расстрелянным во время репрессий 1937 г. советским биологом Эрвином Бауэром (1890–1937), «Теоретическая биология»¹¹ которого привлекает сегодня внимание все большего числа философов и естествоиспытателей. Выдвинутый Э. Бауэром «принцип устойчивого неравновесия» позволяет понять принципиальное отличие живых и неживых систем, не прибегая к виталистическим представлениям и не вводя «непознаваемых сущностей», но в то же время определив реальное качественное отличие живых и неживых систем.

Мировоззрение Вернадского, исходящее из того, что наука, религия и философия суть три фундаментальные и независимые формы Разума, каждая из которых предназначена для решения своих задач, плохо вписывалось в рамки «единственно верного» учения диалектического материализма. Эти идеи Вернадского стали доступны советским читателям лишь начиная с конца 60-х гг. Его главное сочинение, связанное с ноосферной проблематикой, «Научная мысль как планетное явление», написанное в 1936 г., стало доступным читателю лишь в 1988 г. Незадолго до смерти Вернадский изложил свои идеи в статье «Несколько слов о ноосфере» и надеялся сделать их доступными для широкого круга читателей, опубликовав в «Правде». Сталин, однако, не допустил этого, хотя и позволил опубликовать статью в «Успехах современной биологии»¹². В 80-е гг. ноосферное движение в СССР, а в 90-е гг. – в России стало активно развиваться.

Ноосферные идеи начинают проникать сегодня в сознание политических деятелей и руководителей регионов. Президент РФ В. В. Путин, коснувшись учения Вернадского о ноосфере, однажды даже сказал, что «именно на фундаменте этого учения фактически строится сегодня концепция устойчивого развития»¹³.

Ноосферное мировоззрение, по нашим представлениям, опирается на:

а) науку, точно знающую пределы своей применимости и опирающуюся на требование ответственности человека за планету, на которой он живет;

б) религиозные убеждения, не вступающие в противоречие с доказанными данными науки, дающие общие представления о человеке, его судьбе, правилах поведения и смысле его существования во Вселенной;

в) философию, требующую подвергать все сомнению, но только ради установления истины (постмодернистские концепции, родственные мировоззрению древних софистов, принципиально отказывающихся от категории истины, очевидно противостоят ноосферному мировоззрению).

Критическим моментом, определяющим трагизм ситуации, в которой сегодня находится наша планета, является глубочайший разрыв между техническими возможностями человека и его нравственным развитием. Это приводит в ряде работ к

¹¹ Бауэр, Э. С. Теоретическая биология. – СПб., 2002.

¹² Вернадский, В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. – 1944. – Т. 18. – В. 2.

¹³ Путин, В. В. Доклад на саммите АТЭС «Бизнес и глобализация». – Бруней, 2000.

феномену, который можно обозначить как «ноофобия» – страх перед достижениями науки и неверие в способность человека найти разумный выход из кризиса¹⁴. Разрыв между *разумом* и *интеллектом* – главное препятствие на пути формирования *ноосферы*. *Разум* – это способность творить добро и гармонию, находить этически оправданное решение на основе добытых наукой знаний о природе вещей. Он отнюдь не сводится к *интеллекту* – способности эффективно решать задачи, независимо от их этической окраски. Задача формирования ноосферного мировоззрения прежде всего и состоит в преодолении этого разрыва¹⁵. Эта проблема гораздо шире вопроса о взаимоотношении науки и религии – она затрагивает самые глубинные слои человеческого поведения, «базовые мифы», которые это поведение регулируют, независимо от того, сознает ли сам человек или нет, какой именно миф им руководит. Столкновение мировоззрений разных типов без желания понять иную точку зрения (что требует подчас серьезной интеллектуальной работы и уважения к оппоненту) приводит иногда к совершенно нелепым ситуациям, вроде споров между «креационистами» и «дарвинистами».

Об отношении науки и религии Вернадский писал: «Если же мы всмотримся во всю историю христианства в связи с вековым его спором с наукой, мы увидим, что под влиянием этой последней понимание христианства начинает принимать новые формы, и религия поднимается на такие высоты и спускается в такие глубины души, куда наука не может за нею следовать... Как христианство не одолело науки в ее области, но в этой борьбе глубже определило свою сущность, так и наука в чуждой ей области не сможет сломить христианскую или иную религию, но ближе определит и уяснит формы своего ведения»¹⁶.

Ноосферное мировоззрение требует наряду с *правами человека* признать и его *обязанности* по отношению к миру, в котором он живет.

Оно требует всеобщего осознания невозможности более жить, уклоняясь от главной задачи, поставленной перед человеком его Творцом в самом начале человеческой истории, когда «взял Господь Бог человека и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15).

Согласно Библии, человек потерпел фиаско, так как пренебрег наставлением Творца и соблазнился перспективой стать «как боги, знающие добро и зло», вместо того, чтобы честно выполнить свое задание – «хранить и возделывать» сначала сад, затем, как можно думать, свою планету, и далее – всю физическую Вселенную, которая без человека обречена на гибель, как это стало ясно физикам, открывшим в середине XIX в. второе начало термодинамики – закон роста энтропии в замкнутых системах. Противостоять этому закону могут лишь благодатные энергии Творца, по отношению к которым Вселенная может стать открытой системой только при осознании человеком его космической роли, а проводником этих энергий в мир являются разум и творческая способность человека.

Ноосферное мировоззрение в качестве главной своей аксиомы признает особую роль человека во Вселенной как существа, обладающего разумом и волей, жизнь которого имеет смысл и предназначение, а не является пустой игрой стихийных сил природы. Этим оно существенно отличается как от скептического по-

¹⁴ Кутырев, В. А. Разум против человека. – Нижний Новгород, 1999.

¹⁵ Режабек, Б. Г. Формирование ноосферного мировоззрения в современной школе // Биология в школе. – 2003. – № 5.

¹⁶ Вернадский, В. И. Избранные труды по истории науки. – М., 1981. – С. 52.

зитивизма, который боится и избегает самой постановки таких вопросов, так и от атеистического пессимизма таких мыслителей, как Ф. Энгельс и Ф. Ницше, в конечном счете не сумевших предложить ничего более высокого, чем языческая идея «вечного возвращения». Известный «антропный принцип» в космологии дает доводы в поддержку ноосферного мировоззрения, хотя, конечно, не может служить «доказательством» существования Творца. «Научное доказательство» существования Творца фактически уничтожило бы право на свободный выбор личности, превратив Веру в Знание. Основные постулаты мировоззрения не доказываются, как и догматы веры, но можно утверждать, что постулат о выделенной роли Разума и его носителя – Человека – во Вселенной совместим как с библейским миропониманием, так и с выводами современной физики. Для веры же на первом месте стоят не «доказательства», а подвиг выбора именно тех взглядов, которые наилучшим образом отвечают качеству Личности, выбирающей свою веру.

Жизнь человека, согласно этому постулату, не бессмысленна, она выводит его на путь служения Творцу, не желающему уничтожения своего прекрасного творения, о котором в Библии шестикратно сказано: «И увидел Бог, что это – хорошо» (Быт. 1:7, 10, 12, 18, 21, 24), а на седьмой день, после создания животных и человека, – «хорошо весьма» (Быт. 1:31).

Человека же Бог «поселил в саду Эдемском, чтобы возделывать и хранить его» (Быт. 2:15). «Русский космизм» осмыслил задачу человека как хранителя уже не только Эдемского сада, но всей Вселенной, в которой человек является носителем Разума, проводником Божественного Логоса в мир, без него обреченного на «тепловую смерть».

Решение этой задачи трудно, для него требуется сознательное обращение к благодатным силам, которые всегда, не обещая легкой жизни, оказывают помощь человеку, если это обращение является искренним. Но именно этот путь открывает врата для бесконечного возрастания и позволяет надеяться осуществить требование: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Матф. 5:48) – вместо жалкой мечты «быть как боги», реально превращающей человека в жрущее и гадящее «сладострастное насекомое». Для осознания этой задачи человечеству необходима истинная «метанойя».

Слово это, обычно переводимое как «покаяние», означает отнюдь не просто некое переживание по поводу своих грехов, но «изменение разума», превращение *разума* из средства, изобретающего способы самооправдания и удовлетворения своих, зачастую совершенно нелепых, потребностей, в центральную часть *личности*, соединяющую ее с Творцом, одним из имен Которого является греческое слово «Ноос» – Разум. Метанойя – мать Ноосферы, первое условие ее формирования. Проблемы, еще недавно казавшиеся чисто академическими, обретают в наши дни востребованность и актуальность. Это относится не только к России, но и ко всему миру, который становится, несмотря на все центробежные силы, разделяющие людей и разбрасывающие их по различным слоям и стратам, все более осознающим свою целостность и необходимость перехода на ноосферный путь развития.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛИСТИКИ

О. В. Малюкова

Вот уже восемь лет в Москве на базе Института философии РАН при научной и организационной поддержке Российского философского общества проходит междисциплинарный постоянно действующий семинар «Философско-методологические исследования глобалистики». На одном из последних заседаний этого семинара с докладом «Глобализация и синергетическая философия истории» выступили известные ученые д-р филос. наук профессор В. П. Бранский и канд. пед. наук профессор С. Д. Пожарский.

Основные идеи их доклада сводились к следующему: будучи важнейшим процессом современности, глобализация затрагивает такой широкий круг проблем экономического, политологического, культурологического и социологического характера, что она не может быть понята без связи с философией истории. Поскольку глобализация – *особый тип социальной самоорганизации*, то ее анализ должен производиться на основе общей теории социальной самоорганизации, каковой является социальная синергетика. Следовательно, для успешного анализа глобализации требуется не какая угодно, а *синергетическая философия истории* (синергетический историзм).

Синергетическая теория глобализации не только объясняет наблюдаемый в настоящее время процесс глобализации, но и открывает широкие возможности для прогнозирования характера этого процесса в будущем. Хотя глобализация как явление связана с такими хорошо известными процессами, как интеграция и иерархизация (объединение социальных структур в структуры более сложного типа), модернизация (распространение передовых технологий), глокализация (распространение в планетарном масштабе некоторых локальных институтов, идеалов и ценностей), тем не менее, не сводится к ним.

Глобализация как форма интеграции характеризуется следующими основными номинациями и признаками. Среди номинаций надо различать: интеграцию социальных *институтов* (учреждений, организаций); *деятельность* этих институтов; *знания*, необходимые для такой деятельности; *идеалы* (ценностные ориентиры), определяющие мотивы этой деятельности; *нормы* поведения, диктуемые идеалами; *ценности*, создаваемые этой деятельностью в результате реализации соответствующих идеалов (ценностных ориентиров, идеологических установок). Среди основных признаков глобализации отметим: *всесторонность* (многоаспектность) – тенденция к интеграции по *всем* трем ведущим сферам социальной жизни (экономической, политической и социокультурной); *массовость* («демократичность») – вовлечение в интеграционный процесс и тенденция к активному участию в этом процессе *всех* социальных слоев; *планетарность* («глобальность») в

собственном смысле) – тенденция к распространению указанных интеграционных процессов на *весь* земной шар; *спонтанность* (самопроизвольность, самоорганизация) – отсутствие у интеграционных процессов внешнего источника в виде специального организатора; *хаотичность* – неупорядоченность интеграционных процессов, наличие в них случайных флуктуаций.

Что касается синергетической философии истории, то необходимо отметить следующее.

Анализ чередования порядка и хаоса показывает, что этот процесс существенно отличается от чередования различных типов порядка или различных типов хаоса (рассматриваемых изолированно друг от друга). В отличие от чередования «чистого» порядка или «чистого» хаоса смена форм порядка и хаоса обязательно приносит с собой (в общем случае) и нечто новое. Дело в том, что бифуркации и странные аттракторы неизбежно связаны с появлением *новых* возможных структур. Поэтому круговорот социального хаоса и социального порядка в общем случае оказывается неустойчивым. Речь идет о двух противоположных тенденциях в развитии современного человечества: устойчивый рост зависимости каждого индивидуума от окружающего его планетарного социума сопровождается столь же устойчивым ростом зависимости планетарного социума от каждого живущего в нем индивидуума. Первая тенденция есть тяга к тотальной запрограммированности (то есть к культуре порядка, или тоталитаризму); вторая – это тяга к тотальной вседозволенности (то есть к культуре хаоса, или анархизму).

Таким образом, простое чередование социального порядка и хаоса не только нарушается существованием некоторой господствующей тенденции, но таких тенденций оказывается *две*, и они, к тому же, направлены в *противоположные* стороны (то есть фактически взаимно исключают друг друга). Подобная противоречивая ситуация, к которой приводит социальная самоорганизация, получила в литературе специальное название – «парадокс Пригожина». Итак, важнейшая проблема, с которой сталкивается эсхатология самоорганизации, есть вопрос о том, каким образом может быть *преодолен* парадокс Пригожина.

Ключ к решению заключен в понятии *суперотбора*, под которым подразумевается отбор самих факторов отбора (то есть поиск новых тезаурусов, детекторов и селекторов). Дело в том, что существует обратная связь между результатами отбора и его факторами. Новые бифуркации и новые аттракторы формируют новые возможности для возникновения сколь угодно замысловатых и хитроумных структур (то есть существенно модифицируют тезаурус для отбора). Так возникает новая «игра в бисер», у которой появляются свои правила для отбора (селекторы, приходящие на смену прежним). В роли этих правил выступают новые ценностные ориентиры, то есть новые социальные идеалы. С их помощью из обновленного тезауруса выбираются и реализуются (превращаются в действительность) совершенно новые структуры.

Из сказанного ясно, что модификация селекционных правил (принципов устойчивости в соответствующей внешней среде) создает почву для действия закона самоорганизации социальных идеалов, поскольку в социуме роль селектора для отбора играют именно соответствующие общезначимые идеалы. Фактически эволюция (модификация) селекторов оказывается эквивалентной эволюции (модификации) идеалов. Как известно, эволюция идеалов предполагает их взаимодействие («борьбу»), в ходе которого имеется тенденция к отбрасыванию присущих идеалам частночеловеческих черт и, так сказать, «вышелушиванию» из них общечеловеческого ядра (инвариантного относительно частночеловеческих модификаций). Формирующийся в ходе борьбы частночеловеческих («относительных») идеалов

общечеловеческий («абсолютный») идеал исключает не только односторонний культ порядка (тоталитарные идеалы) и односторонний культ хаоса (анархистские идеалы), но и неполную гармонию («перекос» в ту или другую сторону) хаоса и порядка (свободы и ответственности) в либеральных идеалах разного толка. Важнейшим нормативом этого идеала является требование *полной гармонии свободы и ответственности* (хаоса и порядка).

Таким образом, в ходе самоорганизации намечается тенденция к формированию и реализации общечеловеческого идеала, осуществляющего полный синтез хаоса и порядка. Но это значит, что закон суперотбора делает их чередование устойчивым и приводит к постепенному «затуханию» этого процесса. В конечном счете *полный синтез* хаоса и порядка, который выражен в субъективной форме в образе абсолютного идеала, получает *объективное воплощение* в форме особой диссипативной структуры. Социальная система, осуществляющая такой синтез, оказывается предельным результатом социальной самоорганизации, устойчивым относительно не только некоторого локального, но и глобального хаоса окружающей среды. Ее можно рассматривать как «потолок сложности систем» (С. Лем), предел культурного развития человечества, способный к нейтрализации и компенсации любых неблагоприятных воздействий со стороны окружающей среды. Такую систему можно рассматривать в качестве глобального аттрактора, или *суператтрактора*, к которому прямо или косвенно стремятся все локальные аттракторы.

В то же время, хотя к состоянию суператтрактора можно подойти как угодно близко, его нельзя достичь в конечный исторический срок. Это значит, что у истории должен быть «конец», но движение к нему *бесконечно*. Причина такой парадоксальной «достижимости недостижимого» заключается в следующем. Каждый раз, реализуя какие-нибудь частночеловеческие идеалы, мы преодолеваем те или иные социальные противоречия, но сам этот процесс порождает новые противоречия, которые для своего разрешения требуют выдвижения новых идеалов. Сквозь эту потенциально бесконечную вереницу частночеловеческих идеалов общечеловеческий идеал просматривается только как некоторая особая «точка», которую математики называют «асимптотической» и которая играет роль своеобразной «путеводной звезды» для человеческой деятельности.

Нетрудно догадаться, что парадокс Пригожина получает свое решение именно в суператтракторе. Таким образом, синергетическая философия истории раскрывает сущность глобализации следующим образом: глобализация наблюдается потому, что имеет место движение социума к суператтрактору, причем это движение к единству происходит на основе не статического, а *динамического* разнообразия. Синергетическая модель глобального прогресса как бы обращается к нам с призывом: «Вперед, к глобальному единству, но на основе не конечного, а *потенциально бесконечного* локального разнообразия!».

Большинство вопросов, заданных докладчикам, касались уточнения сущности синергетики как науки, и, в частности, социальной синергетики. По мнению В. П. Бранского, физическая синергетика Хакена и Пригожина является наукой, социальная же синергетика в настоящее время представляет собой пограничную область между философией и наукой, ей не хватает математического описания. Большой интерес у слушателей вызвали идеи авторов по поводу идеалов применительно к судьбе России. В. П. Бранский считает, что в современной России утрачен идеал, его следствием стал идеологический хаос. Необходима смена тоталитарного идеала на либеральный, который будет представлять собой гармонию свободы и ответственности.

ГЛОБАЛИСТИКА И ГЕОПОЛИТИКА (симпозиум)

И. Ф. Кефели, О. В. Плебанек

16 ноября 2007 г. в рамках ежегодных Дней Петербургской философии-2007 состоялся симпозиум «*Философия глобалистики и геополитики*». Организатором симпозиума выступили: Северо-западное отделение Академии геополитических проблем и кафедра культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург). Симпозиум проходил на базе БГТУ «Военмех», который в эти дни отметил 75-летний юбилей. Всего было представлено более 30 докладов, в том числе из Москвы, Ставрополя, Йошкар-Олы, Новгорода, Новосибирска, Киева, Минска, Гродно, Франции, Финляндии. Целью работы симпозиума был анализ современного состояния исследований отечественных и зарубежных авторов в области глобалистики и геополитики, а также места и роли России в современных глобальных процессах. В ходе работы симпозиума была проведена презентация журнала «Геополитика и безопасность», первый номер которого находится в производстве (главный редактор – И. Ф. Кефели) и монографии И. Ф. Кефели «Философия геополитики», вышедшей в издательском доме «Петрополис». Симпозиум прошел в форме «круглого стола». Обсуждались следующие вопросы: философские основания глобалистики и геополитики; научные программы и научные школы геополитики и глобалистики; геополитический стиль мышления; социальная природа глобализма; теоретический статус глобальной геополитики; геополитические школы современности.

Участники симпозиума, включая как известных авторов, докторов наук, так и аспирантов, студентов, представили свои доклады и приняли активное участие в обсуждении предложенных точек зрения. Открывая заседание, заведующий единственной в стране кафедры культурологии и глобалистики профессор И. Ф. Кефели представил зарубежных гостей кафедры: Е. А. Вертлиба, доктора философии и политологии (Франция) и Алпо Юнтунена, доктора исторических наук (Финляндия). Первый вице-президент РФО профессор А. Н. Чумаков представил свою новую книгу «*Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст*» и выступил с докладом «*К вопросу о статусе глобалистики*». Он особо отметил, что глобалистика не является очередной конкретной наукой, а представляет собою новое научное направление, которое возникло на волне интеграции научного знания, когда различные дисциплины объединились на междисциплинарной основе в исследовании процессов глобализации и ее последствий. Помимо решения многих теоретических вопросов, касающихся зарождения, генезиса и всевозможных последствий глобализации, глобалистика должна также, по мнению докладчика, показать человечеству, как, преодолевая раздробленность и разногласия, оно могло бы прийти к своему единству, по возможности сохраняя самобытность культур и вековых традиций отдельных наций и народов.

Профессор Е. А. Вертлиб в своем докладе высказал озабоченность будущим России во всемирной конфедерации, подчиненной единому правительству, что грозит России распадом ее этнокультурной специфики, национальным унижени-

ем, а возможно, и утратой государственного суверенитета. Он отстаивал достаточно распространенную точку зрения, что «демагогичность общечеловеческих ценностей очевидна», что «спасти мир может только Россия» и «новая русская парадигма призвана определить будущие контуры структуры мира».

Совершенно иную точку зрения высказал доктор политических наук из Ставрополя Г. В. Косов, выступивший с докладом: «Философско-культурологические основы анализа взаимодействия пространств-цивилизаций: геополитический аспект». Он, в частности, сказал: «Неверно утверждение о том, что разные цивилизации имеют разную систему ценностей. Было бы уместно говорить не о разности ценностей как таковых, а о разном их наборе, разной иерархии и о специфике их ощущения». Отвечая на заданные вопросы, докладчик высказал мысль, что именно столкновение сценариев глобализации является сущностью столкновения цивилизаций, а навязывание «русской парадигмы» миру вызовет такую же реакцию отторжения, как и вестернизация.

Большой интерес вызвал обстоятельный доклад доктора политических наук, профессора С. Н. Большакова (Новгород) «Политико-правовые аспекты процесса регионализации и интеграции в современной Европе», в котором анализировались политические аспекты реализации принципа субсидиарности на примере Европейского Союза. В докладе рассматривалась идеология субсидиарности и ее роль в политическом механизме государства, социальные, христианские и католические истоки принципа субсидиарности. С. Н. Большаков обосновал свою позицию ссылками на современную политическую реальность, показав, в частности, что европеизация усиливает национальные правительства, так как они являются ключевыми игроками в процессе интеграции. Отвечая на вопросы, он уточнил: процессы европейской интеграции и европеизации (то есть влияние европейской интеграции на страны-участники) укрепляют субнациональные (региональные и местные) уровни управления, и преимущество имеют регионы с глубокими культурными традициями, а медленное экономическое развитие характерно для искусственно образованных регионов в тех государствах, где региональный уровень управления не имеет глубоких традиций.

В докладе доцента БГТУ «Военмех» (Санкт-Петербург), кандидата философских наук О. В. Плебанек «Геополитическое лидерство в контексте уровневого строения социокультурных систем» была предложена «триотрофная модель геополитики». В докладе обосновывался полицентризм глобального мира и одновременно – уровневое строение глобальной системы. Уровневое строение социокультурных систем детерминировано функционально, поэтому естественная организация глобального мира – пирамидальное уровневое строение (страны-лидеры и страны-ведомые). Трехуровневая структура любой социокультурной системы (и глобальной в том числе) связана с функциями культуры: консолидирующая функция массовой культуры обеспечивает помимо единства глобального социума формирование материальной культуры – материальное производство; уровень специализированной культуры помимо функции структуризации обеспечивает производство социальной культуры – производство норм и механизмов регуляции; уровень элитарной культуры выполняет функцию производства духовной культуры и создает новые ценности, которые обеспечивают выживание всей системы в изменяющихся условиях. При этом, по мнению О. В. Плебанек, полицентризм глобального мира обусловлен закономерностями развития, которое обеспечивается вариативностью ценностных систем. В ответе на вопросы был предложен путь сохранения Россией места среди стран-лидеров в глобальном сообществе, который связан с развитием информационного, постиндустриального общества.

В докладе доктора исторических наук А. Юнтунена (Академия национальной обороны Финляндии) прозвучал интересный материал о научном творчестве

К. Хаусхофера, одного из основателей геополитики, касающийся отношений между Советским Союзом и Германией в предвоенный период. В частности, речь шла о роли Хаусхофера в разработке пакта Молотова-Риббентропа, который был заключен в Москве 23 августа 1939 г. Как отмечал докладчик, благодаря данному пакту Германия получила желаемое жизненное пространство на востоке, а Советский Союз приблизил свои границы к Балтийскому морю. Хаусхофер рассматривал регион Балтийского моря как путь к сотрудничеству между Германией и Советским Союзом. В 1940 г. Хаусхофер опубликовал статью, в которой важнейшей геополитической задачей текущего периода он рассматривал формирование целостности материка, охватывающего Европу, северную и восточную Азию, что позволяло противостоять стремлениям к мировому господству блока морских государств, возглавляемых Великобританией и США. Годом позже он опубликовал статью «Япония строит свою империю», в которой отмечалась необходимость установления союза между Германией, Советским Союзом и Японией на Евразийском континенте. Одним из корреспондентов Хаусхофера, предоставлявшим ему информацию для написания статей, был Рихард Зорге. Доклад А. Юнтунена вызвал интерес и многочисленные вопросы.

Симпозиум проходил в форме «круглого стола», где могли высказаться все желающие. Подводя итоги, ведущий заседание И. Ф. Кефели подчеркнул, что глобальная геополитика в отличие от классической в своих методологических основаниях должна ориентироваться на нормативное мирорегулирование. В этом проявляется необходимость международно-правового регулирования геостратегии и геоэкономики как ведущих компонентов глобальной геополитики, которая, в свою очередь, рассматривает геодиверсификации в качестве акторов международных отношений и мирорегулирования. По сути дела, в русле этих двух направлений становления нового мирового порядка происходит формирование политического пространственно-временного континуума цивилизационного мироустройства. Наконец, предметом философских размышлений выступает смысл геополитической истории, геоэкономических и геостратегических устремлений мировых центров политической и экономической силы. В самом деле, рассуждения о мировом правительстве, преследующем тайные цели, наводят на поиски ответа на вопрос о том, какие неведомые силы разрывают наш мир на процветающее меньшинство и беднеющее большинство. Какой смысл в дальнейшей поляризации мира, в борьбе или консолидации геодиверсификаций, в устойчивом развитии человечества и т. д.? На любом этапе своего развития человечество ставит определенные цели и придает смысл своей деятельности, направленной на реализацию этих целей. В цели заключается результат человеческой деятельности, но смысл шире цели, поскольку ему соответствует внутренняя логика, которую познающий субъект представляет как некий «идеальный план», выражающийся в осмыслении всех этапов исторического развития социальной (в нашем случае – геополитической) действительности. В таком случае мы можем признать, что нам становится понятен смысл (геополитической) истории, тайных и явных социальных интересов и целей; потому понятие «смысл истории» получает более точное выражение – «смысл исторической деятельности». Осмысленной становится прежде всего та деятельность, которая согласуется с исторической необходимостью, но она же, деятельность, непременно включает свободу, реализующуюся в творчестве, в созидании материальных и духовных ценностей, образующих все богатство человеческой культуры.

В целом на симпозиуме преобладало взвешенное отношение к глобальным процессам как к объективной реальности, рациональный анализ которой необходим для того, чтобы не утратить достойного места в нем, и где не место аффективной идеологии. По материалам симпозиума запланировано издание материалов и представление наиболее интересных докладов в итоговый сборник «Дней Петербургской философии-2007».

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТЫ

ГЛОБАЛИСТИКА: ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Гл. ред. – И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 1328 с. Тираж 5000 экз.

GLOBAL STUDIES ENCYCLOPEDIA

Edited by I. I. Mazour, A. N. Chumakov, W. C. Gay;
TsNPP «Dialog». – Moscow, Raduga Publishers, 2003. – 592 p. Тираж 1500 экз.

ОБСУЖДЕНИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИИ В КЛУБЕ УЧЕНЫХ «ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР» (краткий обзор)

Обзор различных мнений, прозвучавших во время данного обсуждения, целесообразнее всего начать с характеристики, которую дали обсуждаемому изданию его ответственные редакторы профессор И. И. Мазур и профессор А. Н. Чумаков. Первый из них является председателем Правления «РАО Роснефтегазстрой» и Президентом Научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы», а второй – Первым вице-президентом Российского философского общества.

Энциклопедия «Глобалистика» представляет собой первое в мире справочно-аналитическое издание, посвященное проблемам глобализации. Она подготовлена большим международным коллективом одновременно на русском и английском языках и содержит более 1300 статей (в английском варианте – около 500 статей), в которых нашли отражение важнейшие достижения мировой теории и практики, накопленные в области глобалистики. Изначально данная энциклопедия была задумана как средство своего рода инвентаризации обширного массива идей, информации, фактов, знания, накопленных за последние тридцать лет. Определенным толчком к этому послужила подготовка к XXI Всемирному философскому конгрессу (Стамбул, 10–17 августа 2003 г.) с его основной темой «Философия лицом к мировым проблемам». Другим побудительным мотивом к изданию энциклопедии стали итоги почти десятилетней работы Российской экологической академии, где сотрудничали представители разных дисциплин. И, кроме того, особую проблему представляло то обстоятельство, что активная исследовательская работа в области глобалистики нередко упиралась в простое непонимание друг друга, когда одни и те же проблемы или явления получали разную трактовку в силу запутанности языка. В этой связи издание труда, который бы подвел итоги и обобщил имеющиеся знания, а также высветил бы неразработанные в глобалистике темы и тем самым открыл бы перспективу их дальнейшего изучения, стало делом первостепенной важности.

Данная идея была активно поддержана российским и зарубежным научным сообществом, в том числе Международной организацией «Обеспокоенные философы за мир», проектом «Пайдейя» Бостонского университета (США), а также известными политиками, представителями государственных структур и бизнеса. В результате в течение двух лет напряженной работы над энциклопедией были задействованы 445 авторов из 28 стран мира. Издание получило высокую оценку: в 2003 г. ему был присвоен приз «Лучшая книга России» в номинации «Энциклопедия». Такой его успех позволяет говорить о двух возможностях дальнейшей работы в этом направлении. Первая – подготовить более доступный и по содержанию, и по стоимости словарь (возможно, с расширенным словариком). Вторая – продолжить работу над вторым изданием энциклопедии, возможно, под эгидой ЮНЕСКО. В любом из этих направлений любые замечания, пожелания и предложения приобретают особый смысл и соответствующую ценность. Таким образом, энциклопедия «Глобалистика» не только сыграла роль своего рода зеркала научных достижений в этой области, но и отразила ту динамику, которая присуща сегодня всему глобализирующемуся миру.

Многие из выступивших в обсуждении отметили еще не сделанное авторским коллективом, что могло бы быть предметом дальнейшей работы. Это касалось как общих характеристик энциклопедии, так и частных сторон труда. Так, отмечалось, что на данном этапе не удалось достичь концептуальной монолитности работы (И. К. Лисеев), что естественно при существующей многоголосице в понимании процессов глобализации. Это, в свою очередь, есть не только отражение разных субъективных позиций авторов, но объективной нелинейности, многоплановости самого рассматриваемого процесса.

В ходе обсуждения положительно оценивалась «гетерогенность» энциклопедии, наличие нескольких статей, посвященных одному термину (В. Б. Бритков, А. А. Сейтов). В связи с этим можно было бы пойти по пути, которым пошли в свое время создатели Большой Советской Энциклопедии, а именно – издавать периодически (ежегодно) тома-дополнения. Это может оказаться дешевле и продуктивнее, чем с той же частотой переиздавать всю энциклопедию. Тогда последнее можно осуществлять реже.

Уже сейчас можно было бы предложить дополнить перечень персоналий, в частности, такими именами, как Д. Гвишиани, А. Панарин, Е. Федоров. То же можно сказать и об организациях – необходимо включить статьи об Институте системного анализа РАН (до 1992 г. – ВНИИ системных исследований ГКНТ и АН СССР), о Международном институте прикладного системного анализа (ИИАСА) и др. Предлагается пополнить глоссарий терминами, которые напрашиваются в данное издание. К ним относятся: «информатика», «системный подход», «общая теория систем», «мир» (как отсутствие войны).

Глобализация – процесс противоречивый, требующий небезразличного отношения к нему общества, в частности, вмешательства государства. Плюсы и минусы этого процесса требуют гармонизации, корректировки. Понятийный аппарат, отражающий эту тенденцию, должен быть тщательно гармонизирован. По мнению некоторых участников обсуждения (П. М. Кожин), в данном справочнике такая гармонизация нарушается. Так, например, проблематика почвоведения занимает избыточно много места в ущерб тем разделам, которые отражают роль промышленности, транспорта, финансов, материальных основ жизни и т. д. Вообще неравномерность разных тематик бросается в глаза при знакомстве с такими статьями, как «Сетевое общество», «Синергетика». Увлечение авторов виртуальными и футурологическими сферами кажется чрезмерным. Весьма противоречивое впечатление вызывает такое понятие, как «идеология Интернета».

При тяжелом положении современных гуманитарных и общественных наук (как считают некоторые участники обсуждения) единственной реалией, ставящей эти науки в жесткие теоретико-методологические рамки, является человек, причем как «представитель строго определенного природного биологического вида» (цит. по П. М. Кожину). Смысл такого замечания состоит в том, что глобализация представляет большую опасность своим вмешательством именно в биологическую природу человека. Поэтому совершенно логично из этого вытекает предложение включить в дальнейшем в энциклопедию статью «Антропология». Однако такая статья должна будет отразить и круг проблем, рассматриваемых современной философской антропологией. Человек должен быть представлен в том числе и как космическое явление, а развитие общества должно рассматриваться в контексте коэволюции человека и природы. Дальнейшей продуманной разработки требуют раздели, посвященные религии, гуманизму, терроризму, духовной культуре.

Многими участниками обсуждения высказывались настойчивые пожелания шире использовать в дальнейшей работе над энциклопедией картографический материал. Особенно это необходимо в разделах, касающихся мирового хозяйства, демографии, природно-хозяйственных ареалов, климатических, географических, почвенных зон, а также региональных проблем.

По образному выражению одной из участниц обсуждения (О. Балла), данная энциклопедия посвящена проблемам науки, которой еще нет. С момента первых докладов Римскому клубу, положивших начало формированию глобалистики, последняя не стала в полном смысле слова академическим явлением. В ней чем дальше, тем ожесточеннее кипят страсти, сталкиваются разные точки зрения, разные научные позиции, витает дух публицистичности. Сказывается в этом и междисциплинарный характер самого феномена глобалистики, и политизированный, еще «не остывший» от реальной борьбы различных заинтересованных социальных групп контекст глобализации. Среди терминов, включенных в энциклопедию, наряду с устоявшимися понятиями типа «голод», «империя», «ценность» вызывающе заявляют о себе, например, «техногуманитарный баланс», «хроноцид» (предложенный М. Эпштейном). Спокойно соседствуют в книге «евразийство» и «евгеника», «абиотические факторы» и «Августин Блаженный», «динамика гуманитарных перемен» и «дождь кислотный» и т. д. Все это создает парадоксальную ситуацию – вместо того, чтобы появление энциклопедии, как обычно, свидетельствовало об относительно устоявшемся положении в понятиях и понимании проблем, энциклопедия «Глобалистика» выполняет, в известном смысле, прямо противоположную функцию, а именно: в академическом плане выступает «успокаивающим» «демпфирующим», стабилизирующим в познавательном смысле фактором. И в этом состоит, помимо прочего, ее особая ценность и значение. Книга эта в ее нынешнем виде представляет собой знак времени, почти мгновенный срез нынешнего дня. В этом ее достоинство и влияние на развитие глобалистики. То, что обсуждаемая книга говорит языком евроамериканского культурного региона – а находит это свое отражение не только в ее авторском составе, но и в том, что даже «инокультурные» авторы (представляющие Азию и Латинскую Америку) также говорят на этом языке, – этот факт сам по себе яркое свидетельство глобализационных процессов, происходящих в мире. Все это позволяет считать данную энциклопедию «ярким фактом интеллектуальной истории последних десятилетий» (О. Балла).

Процессы глобализации чрезвычайно стремительны, традиционные методы передачи и осмысления данных через научные публикации, обучение и т. п. медленны и совершенно недостаточны для ее развития, считает участница обсужде-

ния Е. Б. Золотых. Авторский коллектив, сложившийся в процессе работы над энциклопедией «Глобалистика», представляя собой некоторый прообраз продуктивного международного сотрудничества, приглашает на новый сайт в Интернете всех, кто заинтересован в становлении нового междисциплинарного научного направления – глобалистики: www.globalistika.ru

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСАХ

В связи с тем, что отклики на энциклопедию «Глобалистика» однозначно актуализируют мнение о необходимости продолжения работы над этим изданием, представляется совершенно необходимым осуществить ряд дополнительных мер, которые могут существенно повысить информационное наполнение уже существующего текста.

Наши предложения можно условно разделить на две группы. Первая группа – это соображения, которые обусловлены именно энциклопедическим характером нашего издания. Вторая – тем, что речь идет все-таки о глобалистике.

Итак, энциклопедия. Многовековая история энциклопедических сочинений берет свое начало, как справедливо принято считать, из восемнадцатого века от просвещенческого подвига Дени Дидро и его коллег-энциклопедистов. А если шире взглянуть на историю энциклопедий, то надо иметь в виду и Аристотеля, и Ф. Бэкона с их «органонами». Мы уж не упоминаем тот «энциклопедический бум», который охватил сегодня книгоиздательское дело. Явление это неслучайное и требует отдельного разговора. Напоминаем обо всем этом читателю лишь с той целью, чтобы обратить его внимание на огромный опыт, накопленный человечеством в этом непростом деле. Главные усилия энциклопедистов в этой сфере направлены обычно на то, чтобы сделать информацию, содержащуюся в тексте, максимально доступной для читателя. Эта забота особенно актуальна в современных условиях информационного изобилия, когда именно труднодоступность информации, порожденная этим изобилием, приводит к тому, что она вообще перестает быть таковой. Поэтому всякий прием, всякий способ, которые повышают информационную доступность, одновременно повышают и общую информативность текста.

В энциклопедиях обычно возникает противоречие между требованием краткости изложения (лексической минимизации текста), с одной стороны, и полной информированности читателя по тому или иному вопросу – с другой. Противоречие это в значительной степени снимается библиографическими ссылками. В настоящем издании «Глобалистики» такие ссылки присутствуют, однако количество их явно недостаточно. В дальнейшем эту работу надо выполнить обязательно и целенаправленно.

Еще одну работу надо выполнить непременно: насытить текст максимальным числом перекрестных ссылок внутри энциклопедии, между ее статьями. Каждый из авторов в обязательном порядке должен будет просмотреть сплошь весь текст энциклопедии с целью обнаружения информации, близкой к его статьям. И обязательно сделать ссылки в своих статьях на близкие по содержанию статьи других авторов. Таких ссылок в настоящем издании крайне мало.

Большое значение для повышения информативности энциклопедии имеют специальные приложения. В настоящем издании они есть, хотя, надо признать, количество их весьма скудно. Но в списке авторов, в идеале, против каждого имени автора необходимо указать названия всех его статей, помещенных в энциклопедию. И уж как минимум указать страницы издания, где помещены статьи этого автора. Последнее сделать совсем несложно, по сути дела, это – техническая операция, однако чрезвычайно полезная для будущего читателя энциклопедии.

Отдельный вопрос – картографический и табличный материал, а также иллюстрации, среди которых первое место должны занять портреты персоналий, материалы о которых помещены в энциклопедию. Об этом говорят почти все, кто просмотрел данное издание и принял участие в его обсуждении.

Теперь некоторые соображения, которые имеют принципиальный характер и потребуют более объемной доработки. Они касаются содержания всего этого труда. Речь идет о том, что глобалистские тенденции в общественном сознании наблюдаются и отражаются не только в науке, но и во многих других сферах духовной жизни человечества. Например, в искусстве, литературе, этике и т.п. Было бы крайне полезно привлечь культурологов к участию в расширении словника энциклопедии за счет имен писателей, поэтов, художников, музыкантов, очевидно тяготеющих к глобальному охвату действительности. Подобно тому, как это удалось сделать в данном издании с В. Хлебниковым – гениальным «Председателем Земного шара». Одновременно было бы крайне полезно расширить временные рамки развития глобалистики. Вряд ли кто сможет оспаривать влияние на становление, по существу, глобалистского мышления великих географических открытий Колумба, Магеллана или замечательных русских исследователей Лазарева и Крузенштерна. Подобные персоналии прямо-таки просятся на страницы данной энциклопедии. Думается, что преодоление чисто сциентистского подхода к анализу проблем глобализации может оказать благотворное влияние и на саму глобалистику, придав ей большую панорамность и богатство красок и углубив тем самым ее проникновение в понимание мира.

В. М. Адров

«ГЛОБАЛИСТИКА» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МЕССИАНИЗМА И ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

Феномен глобализации, а также позитивных и негативных моментов, связанных с этим явлением, представляет собой, наверное, одно из самых популярных и дискуссионных направлений в современной гуманитарной научной мысли. По словам американского социолога Э. Гидденса, ни один человек, стремящийся понять, что ждет нас в будущем, не может игнорировать это понятие. Глобализации посвящено огромное количество публикаций, ее обсуждение стало предметом многих конференций и встреч. В 2000 г. доклад МВФ по итогам года уже в своем названии определил важность глобализационных процессов: «МВФ-2000: заставляя глобальную экономику работать для всех». Однако в настоящее время можно констатировать, что пока не сложилась общепринятая терминология по проблемам информационной глобализации и отсутствует единая теоретическая база в этом отношении.

В этой связи энциклопедия «Глобалистика» представляет собой первую попытку систематизации имеющегося международного материала по глобальным процессам. Обсуждение энциклопедии было включено в основную программу прошедшего XXI Всемирного философского конгресса (Стамбул, 2003), на котором состоялась ее успешная презентация. «Глобалистика» стала формой участия и вкладом российских философов в работу конгресса, проходившего под девизом «Философия перед лицом глобальных проблем».

Проект объединил усилия 445 ученых и специалистов из 28 стран мира. Содержание энциклопедии выгодно отличается своей разносторонностью и непредвзятостью от работ зарубежных авторов, в которых преобладает эсхатологическое видение перспективы человечества. Саму энциклопедию можно рассматривать как одну из форм ответа на те вызовы, которые поставила жизнь, политика, наука и образование перед современным российским обществом и философией.

Созная, что любая рецензия на издание в силу его масштаба будет неполной, вместе с тем нам хотелось бы высказать некоторые критические замечания и внести свой позитивный вклад в его совершенствование.

Главный вопрос, на котором хотелось бы вначале остановиться, сформулируем так: должна ли быть у такого издания сверхзадача? Представляется, что постановка такого вопроса вполне в традициях отечественной философии. Без этого мессианизма невозможна русская философия и невозможен был бы такой ее междисциплинарный продукт, как энциклопедия «Глобалистика». Поэтому одна из ее основных целей – «спасение глобальное». Не случайно, что именно философы стали задавать тон в этой проблематике. Так сложилось с давних времен, что отечественное философское сообщество в известной мере является духовной элитой и провозвестником будущего.

Конечно, должна быть и гуманистическая сверхзадача. Такой задачей, например, может быть задача формирования картины мира и мировоззрения, основанного не на культе силы и античеловечности, а на справедливости, взаимном уважении и ответственности. И эта идея частично реализована в «Глобалистике».

С другой стороны, понятно, что такое издание должно стремиться избежать тенденциозности. Позитивно выглядит то, что в «Глобалистике» представлены альтернативные позиции, в частности позиции антиглобализма, или контрглобализма. В такого рода издании должны быть представлены все взгляды – правых и левых, новой интеллектуальной элиты. Нам представляется, что «виртуальное» сообщество, которое сложилось в ходе создания энциклопедии, вполне соотносится с интеллектуальным движением, которое возглавляют профессора А. В. Бугалин и А. И. Колганов и их соратники.

Свое видение проблематики замечательно очертил А. С. Панарин в своей книге «Искушение глобализмом». Поскольку правые не видят связи национального с глобальным, а левый проект оказался на стороне глобального капитализма, то альтернативным вариантом, по его мнению, может быть «грядущая интеллектуальная контрэлита, которая не только призвана сменить нынешнюю нравственно деградировавшую и коррумпированную элиту, торгующую идеями, как товаром, но и подтвердить прерогативы духовной власти как таковой. Поэтому не случаен современный ренессанс религиозного сознания и мировоззрения. Союз технократической науки, экономического чистогана и потребительства, полагает он, породил нужду в сильной духовной власти. Идеология левых радикалов эксплуатировала идею униженного трудящегося большинства как кормильца общества. Но, в то же время, отмечает А. С. Панарин, «не менее важна и их роль как носителей аскети-

ческого начала, растратив которое гедонистический индивидуализм рискует подорвать морально-психологическую основу планетарной выживаемости человечества. Аскеза, выражаемая в способности систематического самоограничения, ответственности и прилежания, в нашу посттрадиционалистскую эпоху возможна только в горизонте больших целей и больших идей». Идеям А. С. Панарина не нашлось места в «Энциклопедии». Видимо, это дело времени.

Заслуживает специального освещения и понятие «новая экономика». Именно этот феномен характерен для базиса постиндустриального общества. И только через развитие «новой экономики», «экономики знаний, информации, гуманитарного капитала» способно прийти решение важнейших проблем российского социума. С политическими, административными, организационными решениями и финансовыми инвестициями в этой области связаны принципиальные решения для России. Поэтому, с нашей точки зрения, весь комплекс проблем и статей (их характеризующих) должен быть более развернуто представлен в энциклопедии. Именно здесь заложены продуктивные подходы к тому, что иногда именуют «национальной идеей», а не в каких-то мистических свойствах «русского характера».

Личный опыт также свидетельствует, что в современном мире на первом месте в культуре стоит чистота, опрятность, гигиена, образ жизни, экологичность, экономность, вежливость, предупредительность и прочие качества. Никого невозможно убедить в том, что на некотором геополитическом пространстве живет население высокой культуры, если там отсутствуют чистые туалеты. Никакие ссылки на Большой театр, музыку Чайковского или картины Шагала при этом не помогут. «Эпидемия чистоты», которая распространяется глобально, является первейшим признаком цивилизованности. С нашей точки зрения, эти позитивные результаты глобализации должны найти свое законное освещение в работах по глобалистике, как и вообще весь комплекс цивилизованной урбанизации.

Современная наука и форма ее произведений стремится к междисциплинарности. Для «Глобалистики» принцип междисциплинарности, естественно, является фундаментальным. Он требует, чтобы в энциклопедии были представлены самые различные как технократические, сциентистские, так и антисциентистские подходы. Однако семиотический подход в ней не представлен, а ведь литература на эту тему уже появилась, например книга С. Л. Удовик «Глобализация: семиотические подходы» (М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2002. – 480 с.).

Хотелось бы, чтобы и «русский космизм», который предугадал многие глобальные проблемы, на что справедливо в статье «Космизм» указывает В. В. Казютинский (с. 473), и «Философия общего дела» Н. Федорова нашли более глубокое и всестороннее отражение в новом издании.

Наконец, в «Глобалистике» не нашлось места Библии, другим системообразующим общественную мысль священным книгам, которые заложили основы цивилизованного и интеллектуального порядка, приведшего к современной глобализации. Эта проблема, может быть, самая существенная с рефлексивной точки зрения.

Однако методологическая и эпистемологическая проблематика междисциплинарности имеет и другую сторону. Произведения такого рода, как «Глобалистика», заведомо не могут быть написаны с единых теоретико-методологических и концептуальных позиций. Стремление к разносторонности и всеядности и естественное желание создать всеобъемлющий свод знаний по проблеме невольно приводят к эклектичности. Как можно органично представить себе междисциплинарность и при этом не впасть в эклектику? Ответ один: «Только с помощью гипертекста».

Современность характеризуется активным обращением к такой форме научного произведения, как энциклопедия. Но энциклопедия – не просто внешняя форма текста. Современный энциклопедизм, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в контексте тенденций постнеклассической науки. С этих позиций энциклопедия – это форма гипертекста. Гипертекстуальность стала органичной формой современных информационно-компьютерных технологий. Более того, в современной науке она приобрела статус методологической и гносеологической формы. Создание всевозможных баз данных, компьютеризация библиотек, перевод информации в электронную форму, распространение Интернета – все это признаки вхождения человечества в эру гипертекста. Гипертекст как современная текстуальная парадигма является средством коммуникации в обществе, ориентированном на потоки информации, которые не могут быть полностью усвоены субъектами традиционным способом. В гипертексте знание приобрело новую гносеологическую форму, превратилось в сеть относительно свободных сообщений, которые могут объединяться и распадаться в зависимости от целей и задач субъекта потребления знания. Он обладает рядом характеристик, которые по отдельности свойственны тексту, энциклопедии, монографии, тезаурусу, и в то же время способностью в масштабе Интернета обеспечивать мгновенный переход от одного блока информации к другому.

В настоящее время киберпространство также имеет в основном гипертекстовую форму своей организации. Оно включает в себя множество подразделений, характеризуется своеобразной логикой – неоднозначностью, нелинейностью, децентрализованностью, ассоциативностью. Наблюдаемое по сравнению с линейными текстами ослабление авторского начала в гипертексте повышает его возможность как инструмента получения знаний.

Гипертекст, благодаря своей сложности и многомерности, способен порождать в сознании реципиента целостную, многомерную картину мира. Но для этого и структура отдельных единиц (статей) должна быть иной и более приспособленной к форме гипертекстуальности. К сожалению, это не всегда выдержано в статьях «Глобалистики». Не все статьи адаптированы к профилю энциклопедии, что нашло свое отражение и в их названиях. Например, статья «Человек», с нашей точки зрения, должна быть специфицирована в своем заголовке.

Другой пример профильных и непрофильных, с нашей точки зрения, текстов. На страницах 522–525 дана статья Т. Говьера «Логика неформальная». На наш взгляд, она здесь лишняя. Это относится и к ряду других статей, которые информационно избыточны и которым место в других энциклопедиях и справочниках. А вот статьи «Логические предпосылки глобалистики» (с. 525–529) Дж. Ф. Перри и «Логический подход к глобалистике» (с. 529–530) являются органичными для тематики и профиля рецензируемой энциклопедии.

Формулировка темы статьи «Маркс и глобальные проблемы» (с. 536–538) вполне соответствует профилю издания. В этом смысле тема статьи «Мертон» тоже лучше бы звучала как «Мертон о глобальных проблемах». Мы исходим из того, что дело не просто в названиях статей, а в том, что единообразия в «аспекте глобализации» потребовало бы дополнительных исследовательских усилий. Достичь такого единообразия в большом объеме материала трудно. Поэтому проработке словника следовало бы уделить особое внимание.

Трудно возражать против компетентности содержания статьи «Текст» (с. 980–982) Д. Л. Стегалл. Однако, может быть, в данном случае акцент должен быть смещен в сторону того, какова роль текста в современной цивилизации, в форми-

ровании образа мира. Текст и общество, текст и ментальность, текст и мегатекст, гипертекст и глобальная картина мира – этот ряд ключевых понятий представляется нам более удачным.

С обозначенной выше позиции статья «Терроризм» (с. 982–986), например, структурирована более удачно. Терроризм рассматривается в ней как явление социально-историческое, обращается внимание на влияние терроризма и террора на глобальные проблемы, и в то же время есть раздел «Стратегия современного терроризма». Подобная фрагментация материала, несмотря на то, что в статье совмещены взгляды и тексты разных авторов, все же более продуктивна с точки зрения общей идеи энциклопедии. В этой связи можно было бы при подготовке статей задать авторам те параметры и установки, которые они должны были бы реализовать в обязательном порядке.

Гипертекст в этой связи – феномен, в том числе энциклопедический, он имеет особые достоинства и особую структуру. Некоторые авторы даже считают, что в полноценном виде гипертекст может существовать лишь в форме компьютерного гипертекста. Поэтому нам представляется, что продумывание этой идеи помогло бы также усовершенствовать структуру энциклопедии. Поскольку энциклопедия называется «Глобалистика», то и доступность ее должна быть глобальной, через Интернет. Концепция гипертекстовых систем не просто расширяет возможности работы с языковыми формами, текстовыми единицами, но и повышает потенциал оперирования идеями и другими ментальными единицами в чистом виде. Поэтому работа над «Глобалистикой» требует своего логического продолжения. Перевод «Глобалистики» в компьютерную форму мультимедийного и гипермедийного характера будет в то же время залогом для ее последующего совершенствования. Изначальный сбор материала и построение энциклопедии в виде электронного гипертекста позволило бы избавиться от отдельных присущих ей недостатков. Например, материал «Энциклопедии» можно было бы классифицировать по разделам политических, геополитических, экономических, технологических, информационно-коммуникационных, географических, этнологических, культурных, религиозных и других наук. Тогда бы и междисциплинарность более строго очерчивалась и просматривалась. Кроме того, построение энциклопедии в форме гипермедиа (карты, фото и пр.) сделало бы ее более «наглядной» и современной. Впрочем, это может быть проблемой другого проекта.

Наконец, о некоторых частных проблемах. Мотивация публикации некоторых статей непонятна, например, это касается статей «Аэробы» (с. 54) и «Анаэробы». С точки зрения зарождения и существования жизни во Вселенной и на Земле, это существенно, и поэтому можно было бы сохранить такие статьи как фрагменты других, глобально рассматривающих саму проблему. В то же время таких статей, как «Глобальный стиль мышления» или «Центры силы современного мира», в энциклопедии нет. Хотелось бы также, чтобы в «Глобалистике» присутствовали в более широком виде категории планетарного сознания, например «планетарной морали» (этики) и т. п.

В персоналии «Маклюэн Маршалл» (с. 536) нас отсылают к статье «Киберкультура». Автору, внесшему пионерский вклад в теорию массовых коммуникаций, экранной культуры и пр., не нашлось самостоятельного места в издании. Эту несправедливость следовало бы также поправить.

Существует также некоторая диспропорция в объеме статей. Она могла возникнуть по разным причинам, и мы не будем это обсуждать. Но некоторые важ-

ные статьи, представленные в том числе и именитыми авторами, например Бестужевым-Ладой, кратки, а другие – напротив, слишком пространны. Представляется, что статьи, обладающие принципиальной значимостью, можно было бы укрупнить, повысив их удельный вес и значимость. Например, статьи «Автономия», «Автономия национально-культурная», «Автономия национально-территориальная» можно было бы объединить, несмотря на различие авторства, сохраняя подразделы для гипертекстовых переходов и усиливая спецификацию.

Статей, связанных с «кросс-культурным» анализом, культурантропологическим рассмотрением реальностей современного мира в энциклопедии также могло быть больше. Вполне возможно, что это связано в целом с недостаточным уровнем такого рода исследований в нашей стране. Мало внимания уделено отношениям «свое – чужое», «несоизмеримости национальных картин мира», понятиям «лакуны», «реалии» и др. Так, канадские лингвисты Ж. П. Вине и Ж. Дарбельне ввели в научное употребление термин «лакуна», определяют его как «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке». В отечественной лингвистике этот термин устоялся, однако в теории культуры этого еще не произошло. Н. И. Конрад, Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина употребляют термин «лакуна» в широком смысле, относя сюда все явления, требующие дополнительного пояснения при контакте с иной культурой. Лакуны в языке, сознании, культуре – это «пустоты», различия в рамках взаимодействия локальных культур, в отношениях «свое – чужое».

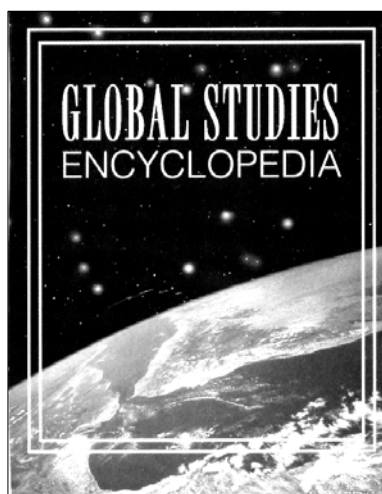
Попутно также отметим несправедливость отсутствия в энциклопедии статьи, посвященной латинскому языку. Латинский язык сыграл значительную роль в процессах глобализации прошлых эпох. Укажем лишь на некоторые аргументы в пользу этой статьи. Он оказал значительнейшее воздействие на культурную жизнь Европы и Америки. Языки романской языковой группы (итальянский, испанский, португальский, французский, румынский, молдавский и др.) сформировались непосредственно на лексической и грамматической (морфологической и синтаксической) базе «разлагающейся» латыни. Языки германской группы в процессе их становления и позднее также испытывали сильное влияние латинского языка, главным образом, вследствие усвоения лексического материала или непосредственно из латыни, или опосредствованно – через романские языки. В течение многих столетий, вплоть до XVII в., латинский язык оставался универсальным языком школьного и университетского обучения, литературы и дипломатии, вплоть до XVIII столетия – международным языком науки.

В настоящее время латынь – развивающийся язык: она является учебной дисциплиной в учебных заведениях всего мира (прежде всего в Европе и на американском континенте), продолжает служить языком интернационального общения в клерикальном сообществе римско-католической церкви (языком официальных приемов разного уровня у Папы Римского, языком официальных изданий римской курии), специальных филологических публикаций, описания новых биологических видов в биологической систематике.

Хочется отметить, что «Глобалистика» уже сыграла свою достаточно весомую роль в нашей истории последних десятилетий. Она объединила вокруг себя сообщество гуманитариев и ученых в целом по поводу решения проблем глобализации и места России в глобализирующемся мире. В эпоху постмарксизма она позволила организовать полилог, в котором реально участвовали много тысяч философов и

ученых, занятых переоценкой ценностей. Впервые в нашей истории тысячи ученых добровольно были заняты выработкой фрагментов общей картины мира. Эта консолидация была достигнута посредством Российского Философского общества, которое проявило свою необычайную жизнестойкость в «эпоху перемен». Дальнейшая работа в этом направлении, в том числе и над энциклопедическим словарем «Глобалистика»¹, стала реальной работой над национальной идеей. Со времен подготовки «Глобалистики» Россия сделала более уверенный шаг в пространстве мир-системных отношений и глобализирующейся реальности. Большая позитивная заслуга этой энциклопедии в том, что она объединила вокруг себя значительную часть интеллектуальной элиты в деле обсуждения насущных экологических, экономических, социальных, политических, культурных и духовных проблем.

В. П. Грищенко, Б. С. Есенькин

Дополнительную информацию см. на сайте: www.globalistika.ru

¹ См.: Глобалистика. Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». – М.; СПб; Н.-Й.: ИЦ «ЕЛИМА», ИД «Питер», 2006. – 1160 с.

ИНФОРМАЦИЯ

«ЭВОЛЮЦИЯ» Новый междисциплинарный альманах ПРИГЛАШЕНИЕ К УЧАСТИЮ

Дорогие коллеги!

Сегодня немногие будут отрицать продуктивность междисциплинарных исследований. Одной из самых плодотворных областей междисциплинарного знания, где могут найти общее поле представители естественных, точных и гуманитарных наук, является исследование эволюции. Вот почему возникла идея создать междисциплинарный альманах «Эволюция», в рамках которого предполагается печатать статьи, исследующие самые разные формы эволюции. Нам представляется, что это даст новые продуктивные возможности для понимания хода, тенденций, механизмов и особенностей каждого из типов эволюции. Опыт применения идей, появившихся при изучении макроэволюции одного типа (например биологической), к исследованию макроэволюции другого типа (например социальной) показывает, что такой подход в принципе оказывается весьма продуктивным и в плане сравнения различных аспектов разных типов эволюции. При этом во многих случаях вполне допустимо рассматривать макроэволюцию как единый процесс. В этом случае особенно важно понять, каким общим законам и правилам он подчиняется, хотя действие этих законов и правил может существенно варьировать в зависимости от конкретного изучаемого объекта (космического, геологического, биологического или социального). Поэтому нам кажется важным рассмотреть макроэволюцию неживой природы, макроэволюцию живой природы и макроэволюцию общества как три эволюционно последовательные и в то же время сосуществующие формы макроэволюции.

Предлагается широкая амплитуда тем как по охвату круга проблем, так и по широте постановки научных задач (от универсальной истории, начинающейся от Большого взрыва и захватывающей прогнозы завтрашнего дня человечества и Вселенной, до решения частных, но важных эволюционных проблем в области биологии, общества, культуры). Ведущие направления исследований (но этот список, однако, не является исчерпывающим): 1) сопоставление космической, химической, биологической и социальной эволюции; 2) проблемы, связанные с универсальной историей, в которых социальное развитие исследуется в сопряжении с природными процессами, а также с эволюцией жизни и космоса; 3) анализ изменения механизмов эволюции, а также взглядов на законы эволюции; 4) обсуждение проблем не на уровне всего пространства макроэволюции, а в рамках одной отдельной области макроэволюции либо на стыке двух видов эволюции (например применительно к этологии или биохимии); 5) другие направления, например макроэволюция в языке, культуре, познании, развитии психики и т. п.

Объем статей – до 100 тыс. знаков, включая пробелы. Крайний срок подачи статей в ближайший выпуск альманаха 1 ноября 2008 г.

Редакторы альманаха:

Александр Марков,
Леонид Гринин,
Андрей Коротаяев.

Статьи посылать по следующим адресам редакторов альманаха «Эволюция»:
markov_a@inbox.ru – Александру Маркову; akorotayev@mail.ru – Андрею Коротаяеву; lgrinin@vistcom.ru – Леониду Гринину.

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИЕРАРХИЯ И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Центр истории и культурной антропологии совместно с Институтом Африки РАН и факультетом истории, политологии и права РГГУ организует 23–26 июня 2009 г. в Москве ПЯТУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ «ИЕРАРХИЯ И ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ».

Коллеги, заинтересованные в участии в конференции, должны посылать заявки на выступления **непосредственно руководителям избранных ими секций**. Заявка должна содержать тезисы доклада (не более 300 слов на английском или английском и русском языках), а также указание полного имени, ученой степени, должности, места работы, почтового и электронного адресов и номер факса. Крайний срок подачи скомпонованных секций их руководителями в Оргкомитет – 1 декабря 2008 г.

Мы будем рады видеть Вас среди участников конференции!

Вся корреспонденция должна направляться секретарям конференции Банщиковой Анастасии Алексеевне и Кавыкину Олегу Игоревичу по электронной почте (conf2009@conf2009.ru). Тел.: + (495) 291-41-19, факс: + (495) 202-07-86. Подробности на сайте <http://www.conf2009.ru>

На конференции заявлено 29 секций. Мы, к сожалению, можем дать более подробную информацию только о двух.

СЕКЦИЯ МАКРОЭВОЛЮЦИЯ: ИЕРАРХИЯ, СТРУКТУРА, ЗАКОНЫ, САМООРГАНИЗАЦИЯ

Руководители: д. ф. н. ЛЕОНИД ЕФИМОВИЧ ГРИНИН (Волгоградский центр социальных исследований, Россия; электронная почта: lgrinin@mail.ru); д. б. н. АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ МАРКОВ (Палеонтологический институт РАН, Москва; электронная почта: markov_a@inbox.ru); АКОП ПОГОСОВИЧ НАЗАРЕТЯН (Институт востоковедения РАН, Москва; электронная почта: anazaret@yandex.ru); Dr. FRED SPIER (University of Amsterdam, The Netherlands, электронная почта: f.spier@uva.nl).

АННОТАЦИЯ. Общеизвестна продуктивность междисциплинарных исследований. Одной из наиболее плодотворных областей междисциплинарного знания является исследование эволюции. Предлагаемая секция является прекрасной возможностью для объединения усилий и обмена результатами научных исследований. На секции предполагается рассмотреть макроэволюцию неживой природы, макроэволюцию живой природы и макроэволюцию общества как трех эволюционно последовательных и в то же время сосуществующих форм макроэволюции. Нам представляется, что это крайне важная тема, анализ которой дает новые продуктивные возможности для по-

нимания хода, тенденций, механизмов и особенностей каждого из типов эволюции. Опыт применения идей, появившихся при изучении макроэволюции одного типа (например биологической), к исследованию макроэволюции другого типа (например социальной) показывает, что такой подход в принципе оказывается весьма продуктивным и в плане сравнения различных аспектов разных типов эволюции. В определенных аспектах вполне допустимо рассматривать макроэволюцию как единый процесс. В этом случае особенно важно понять, каким общим законам и правилам он подчиняется, хотя действие этих законов и правил может существенно варьировать в зависимости от конкретного изучаемого объекта (космического, биологического или социального).

Темы: 1) сопоставление космической, химической, биологической и социальной эволюции; 2) проблемы, связанные с универсальной историей, в которых социальное развитие исследуется в сопряжении с природными процессами, а также с эволюцией жизни и космоса; 3) обсуждение проблем не на уровне всего пространства макроэволюции, а в рамках одной отдельной области макроэволюции либо на стыке двух видов эволюции (например применительно к этологии или биохимии); 4) другие темы, например: макроэволюция в лингвистике, культуре, познании, развитии психики и т. п.

Тексты заявки и тезисов посылать на электронный адрес: lgrinin@mail.ru – Гринину Леониду Ефимовичу.

СЕКЦИЯ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Руководители: Prof. HERBERT BARRY III (University of Pittsburgh, USA; электронная почта: barryh@pitt.edu); Prof. DOUGLAS R. WHITE (University of California-Irvine, USA; электронная почта: drwhite@uci.edu; drwhite@orion.oac.uci.edu); д. и. н., проф. АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ КОРОТАЕВ (Российский государственный гуманитарный университет; Институт Африки РАН, Москва; электронная почта: akorotayev@mail.ru).

АННОТАЦИЯ. Одним из результатов развития теорий культурной эволюции стало появление эмпирически проверяемых математических моделей этого процесса. Данная секция нацелена на обсуждение научных методов (включая методы математического моделирования и тестирования) изучения культурной эволюции в целом и адаптивных аспектов социальной эволюции, связанной с усложнением проблем управления и появлением новых политических лидеров в частности. На протяжении последнего тысячелетия многие независимые общины объединялись или были завоеваны, чтобы стать частью вождеств, национальных государств или империй. Об адаптивности в социально-политической эволюции можно говорить, когда изменения в культурных традициях и условия окружающей среды приводят к адекватным изменениям в методах управления. Новые методы управления в свою очередь могут вызывать адаптивные изменения в других культурных традициях. Для анализа адаптивной эволюции существуют различные методики. Одни и те же общества и народы можно сравнивать в разные промежутки времени. В социумах, восходящих к единому предшествующему обществу, можно выделить определенные сходства и различия. Параметры методов управления, образования и других традиций доступны, например, по стандартной выборке из 186 обществ мира. Использование математических методов изучения культурной эволюции в докладах, представляемых на данной секции, желательно, но не является обязательным.

НАШИ АВТОРЫ

АДРОВ Валерий Михайлович – кандидат философских наук, доцент Астраханского государственного университета.

БУЗГАЛИН Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

ВЕБЕР Александр Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

ГРИНИН Леонид Ефимович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Волгоградского центра социальных исследований.

ГРИЦЕНКО Василий Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и политологии Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

ГЭЙ Уильям С. – доктор философии, профессор университета Северной Каролины в Шарлотте (Северная Каролина, США).

ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН Виктор Иванович, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, директор Института водных проблем РАН.

ЕСЕНЬКИН Борис Семенович – доктор экономических наук, кандидат философских наук, профессор, Холдинг-Директор Торгового Дома «Библио-Глобус», Первый вице-президент Союза Гильдии книжников.

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович – доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества, издатель и редактор журнала «Свободная мысль».

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры права ЕС Московской государственной юридической академии.

КАПИЦА Сергей Петрович – доктор физико-математических наук, Институт физических проблем и Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН.

КАЦУРА Александр Васильевич – кандидат философских наук, член Союза российских писателей.

КАШКИН Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права ЕС Московской государственной юридической академии.

КЕФЕЛИ Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург).

ЛЕЙБИН Валерий Моисеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа РАН, почетный доктор Восточно-европейского Института психоанализа.

МАЗУР Иван Иванович – доктор технических наук, профессор, Председатель Правления ОАО «РАО Роснефтегазстрой».

МАЛЮКОВА Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Московского государственного университета инженерной экологии.

МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна – доктор политических наук, старший научный сотрудник Дипломатической Академии МИД России.

ПЛЕБАНЕК Ольга Васильевна – кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург).

РЕЖАБЕК Борис Георгиевич – кандидат биологических наук, Председатель Северо-Кавказского отделения Международного Экологического Фонда, Директор Института Ноосферных Разработок и Исследований.

УРСУЛ Аркадий Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, академик АН Молдавии.

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИФ РАН, Первый вице-президент Российского философского общества.

AGE OF GLOBALIZATION**Journal of Global Studies***Contents and abstracts**A Word to the Reader*

From academician Yu. A. Izrael. From academician V. S. Stepin (pp. 3–4).

From Editorial Board (pp. 5–6).

Theory

Chumakov A. N. On the subject and boundaries of Global Studies (pp. 7–16).

In the system of modern science Global Studies obtain a particular position. It is different from any concrete discipline as it is integrative knowledge about socio-natural processes and problems whose boundaries are defined by the scale of the planet. Unlike some separate sciences dealing with this or that fragment or aspect of reality, Global Studies aim at solving complex, vital for the whole humanity tasks which can be solved only heading toward the international interaction.

Ursul A. D. Global processes, security and sustainable development (pp. 17–22).

It is shown that in the 21st century processes of globalization will be oriented to a high degree toward the aims of the sustainable development strategy, accepted by the UN and most countries of the world community. The sustainable development is viewed as a new, socio-natural type of development when global civilizational processes take a biosphere-compatible and secure form. A period of 'globalization through the sustainable development' starts revealing opportunities of joint and effective solution of socio-economic and ecological problems, issues of minimizing their negative consequences – thus contributing to the survival of the humankind and protection of biosphere.

Gay W. C. Processes of globalization and the discipline of Global Studies (pp. 23–30).

In the article a general typology of positions on globalization is presented. Four approaches are distinguished: the one of advocates of globalism who generally present it as being humane or as capable of becoming humane; the one of critics of globalism, whether they call themselves antiglobalists or not; the one of scholars who, regardless of whether they support globalism, admit that the future of globalism is indeterminate, and the one of scholars who, regardless of whether they support globalism, support a disciplinary approach for understanding and assessing globalism. In the second part the author turns to the history of Global Studies. He thinks that after division of Global Studies into 'western' and 'eastern' branches at present their integration takes place.

Inosemteyev V. L. Modern Globalization and its perception in the world (pp. 31–44).

In his article the author, a famous Russian specialist in international economy, studies the origins and prospects of the development of the 'theory of globalization', thus coming to the conclusion that by the beginning of the new century in Western science there has formed an attitude towards globalization as to the complex of a range of economic, social and political processes demanding no description in the framework of some single theory. The author explains the wide spread of the notion in theoretic literature first, by the fact that it denotes no active subject of the given process which enables to avoid the question of responsibility of certain social actors for these or those consequences of globalization. The author points at the differences of globalization form: 'internationalization' and 'integration' emphasizing that its essence is the formation of the system allowing a man or a company to interact with other people, corporations and social structures without using the intermediary role of the state. In the paper the main problem of the present stage of globalization is called the serious and progressing gap of the 'political' globalization from the economic, informational and social ones.

Global problems

Danilov-Danielyan V. I. The problem of global shortage of sweet water (pp. 45–56).

The article examines reasons of the origin and sharpening of the sweet water shortage. It is shown that in the middle of the third decade of the 21st century this shortage will assume a global scale and lead to structural change of global economy. At the world market the sectors of the water-retaining

production, water-saving and water-preserving technologies will develop while water markets will remain on the whole basin-based due to the abrupt change of the expenses on the transportation of water when crossing boundaries of basins. Russia possesses great sweet water resources whose usage will enable to develop the production of different kinds of water-consuming items up to the export scale and not only to meet the needs of world community but also to supply a qualitative economic growth in the country.

Mazour I. I. Global energy security (pp. 57–69).

The global character of the problems of energy security dictates the necessity of creating global system of managing the energy-resort balance in the interest of whole humanity. It is just these problems that the article is devoted enabling to present modern prospects and outlines of future development of world energetics' and also to understand the tasks encountered by the world community.

Veber A. B. Global climate change: Whom to blame? And what to do? (pp. 70–82).

As has been demonstrated by the latest research, the global climate change is caused by the human activities. The perception of the gravity of the problem gradually penetrates the world community public opinion. Still there exists an opportunity to smooth its consequences and to avoid the worst. The science community has suggested some concrete recommendations to the governments. Will the politicians listen to the scientist' voice?

The Nobel Prize for climate study. An interview with academician Ju. A. Israel (pp. 83–85).

The Processes of Globalization

Grinin L. E. Globalization and the processes of transformation of national sovereignty (pp. 86–97).

The article is devoted to the analysis of one of the most important but insufficiently studied aspects of the globalization process – the one of the voluntary reduction of sovereign prerogatives by modern states which has already been observed for several decades. The author shows that globalization on the whole contributes to the change and reduction of nomenclature and scope of states' sovereign powers and at the same time the process is, on the one hand, two-sided and the factors are strengthened which objectively reduce the states' sovereignty; and on the other hand, most countries voluntarily and deliberately reduce it.

Kashkin S. Yu., Kalinichenko P. A. The globalization of the domination of Law (pp. 98–108).

The present article is devoted to the investigation of the process of development and distribution of the concept of the Supremacy of Law. Having appeared as a liberal idea, the Supremacy of Law has spread as one of the main constitutional values for all European countries and peoples, including the countries constituting the European Union (EU) and present day Russia. The experience of the EU countries shows that the Supremacy of Law may act as an integrating idea and go beyond national boundaries. In the global perspective the Supremacy of Law together with the respect for human rights must become a practical conception of international system structure.

Mitrofanova A. V. The religious factor in the world politics and the problem of 'civilizations' (pp. 109–119).

The article is devoted to the role of religion in the world politics. The author believes that religion appears at the world arena in the form of a system of transnational links between states, separate groups, communities and political movements. These links are established 'over' state boundaries thus creating an additional system of interaction. The author suggests that the transnational religious systems can be called 'worlds' or civilizations. These civilizations have a discrete structure and comprise not only states but also non-state subjects. The civilizations are united not by religions as such but by the religious ideologies or 'political religions'. A political religion represents an ideology which enables the application of religion to politics.

Buzgalin A. V. Alterglobalism: Searching for the positive alternative to a new empire (pp. 120–127).

'...So who they are, the "antiglobalists"? Whose money do they spend when holding their grand forums and manifestations? What do they want? What do they stand for and what do they contest against? Against globalization? But this is an objective process and to struggle with it means to turn into the luddites of the 21st century...'

That is how the present author started one of his first works on the problems of alterglobalism five years ago. Then the term 'alterglobalism' was introduced for the first time denoting that we do not stand against globalization, but support a different, alternative neoliberal globalization. Why has this movement appeared? What has become an objective and subjective basis of its genesis and development? The answers to these questions should be sought first of all in the process not by chance called a globalization and more and more associated with the genesis of a new empire.

Russia in the Global World

Kapitza S. P. The demographic revolution in Russia (pp. 128–143).

The humanity is passing through the age of global demographic revolution – the period of time when after an explosive growth the population of the world abruptly changes the character of its development and suddenly passes to a limited reproduction. This utmost in its significance event in the history of humanity since the moment of its emergence is expressed first of all in the population dynamics. However, it touches upon all sides of life of billions of people and that is why it is just the demographic processes which has become the most important global problem of the world and Russia. It is not only the present that depends on their fundamental understanding but also the foreseeable future, priorities and irregularity of development, sustainable growth and global security after the current crucial age of changes. The new understanding of process of changes gives a phenomenological theory of humanity growth based on the methods and models of physics.

Katsura A. V. 'World outgoingness' or Russian path to globalism (pp. 144–153).

A Global Personality

Leibin V. M. Aurelio Peccei: a few strokes to the portrait (pp. 154–158).

Rezhbek B. G. V. I. Vernadsky's theory of Noosphere, the search for the way out of the global crises (pp. 159–167).

V. I. Vernadsky's idea of the noosphere – the sphere of mind which got its development in the works of French scholars E. Le Roi and P. Teilhard de Chardin – became the basis of the noosphere theory that is today actively developed in Russia and can give qualitatively new ways of the solution of the problems connected with the 'global threats' – ecological, resource, energetic, demographic ones – directing the vector of geopolitics to the defense of interests of humankind as a whole. An integral noospheric outlook based on the ideas not only concerning Rights but also Obligations of a man and of the integrity of the humanity is necessary for creating a feasible strategy for solving global problems of the present which is capable to unite the efforts of the representatives of science, religion and philosophy with opportunities of politicians and businessmen of different countries

Scientific Life

Malyukova O. V. The philosophical-methodological investigations in Global Studies (pp. 168–170).

Kefeli I. F., Plebanek O. V. Global Studies and Geopolitics (a symposium) (pp. 171–173).

Review, abstracts, summaries

Adrov V. M. The discussion on Global Studies encyclopedia in the Scientists' club 'The Global World'. Gritsenko V. P., Esenkin B. S. 'Global Studies' in the context of traditions of Russian messianism and hypertextuality (pp. 174–184).

Information (pp. 185–187)

Authors of the issue (p. 188)

Contents and abstracts (pp. 189–191)

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на дискете или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть вписаны в текст от руки крупно черными чернилами;

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

библиографические ссылки оформляются в соответствии со следующими образцами:

Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и время. В поисках утраченного. – М., 1997. – С. 73.

Соловьев, С. М. Соч.: в 18 т. – Т. 7. – М.: Мысль, 1993. – С. 205.

Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // О геополитике. Работы разных лет. – М., 2001. – С. 28.

Шилов, В. Н. Труд как призвание: история и современность // Философские науки. – 1987. – № 1. – С. 34–42.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

авторская справка, а также резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». **1(1), 2008. – 192 с.**

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. Е. Волкова-Алексеева*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56
E-mail: uchitel@avtlg.ru

Подписано в печать 25.04.2008. Формат 70 × 100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Диaposитивы предоставлены издательством.

ОАО «Саратовский полиграфкомбинат»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59
www.sarpk.ru